Б. К. ГИГИНЕЙШВИЛИ

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ФОНЕТИКА ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКОВ

4с (Даг)
494. 61—4
Г 463

Книга представляет собой монографическое исследование истории дагестанского консонантизма. Применение сравнительно-исторического метода дает автору возможность реконструировать общедагестанскую систему согласных фонем.

Книга предназначена для лингвистов-компаративистов и кавказоведов.

Редактор
Т. В. Гамкрелидзе

Г $\frac{70103}{М 608 (08)—77}$

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа является попыткой монографического исследования истории фонематических систем дагестанских языков. Цель ее заключается в сравнительной реконструкции общедагестанской фонематической системы (с установлением количества исходных фонемных единиц, а также существовавших на уровне языка-основы корреляций) и воссоздании последовательной картины эволюции этой системы, с учетом тех спонтанных и комбинаторных фонетических изменений, которые вызвали трансформацию общедагестанской фонематической системы в системы отдельных исторически засвидетельствованных дагестанских языков. Реконструкция исходной системы базируется на диахронической интерпретации закономерных звуковых соответствий, прослеживаемых в дагестанских языках.

Данная книга представляет собой первую часть сравнительной фонетики дагестанских языков. Автор считает нужным упомянуть о том, что в этой области у него были такие известные предшественники, как Н. С. Трубецкой и Е. А. Бокарев, которые внесли немало ценного в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Именно благодаря тому, что сравнительное дагестановедение уже располагало их работами, а также благодаря наличию монографических исследований по отдельным дагестанским языкам, выполненных московскими, тбилисскими и дагестанскими лингвистами, стало возможным появление настоящей работы. Предлагаемая работа, учитывая все достижения дагестанской компаративистики, содержит ряд новых диахронических интерпретаций звукосоответствий, новые этимологические сопоставления; установлены новые звукосоответствия и закономерности, уточняются и дополняются старые.

Созданию настоящей работы очень помогла известная работа Т. Е. Гудава «Консонантизм андийских языков», которая являлась для автора как бы справочником в области андийских языков.

Материал, анализируемый в работе, частично почерпнут из существующих словарей, текстов и грамматических обзоров

отдельных языков, частично собран самим автором во время поездок в Дагестанскую АССР (1955, 1957, 1964, 1965 гг.) и в Азербайджанскую ССР (1966 г.). Во время этих поездок автор лично работал над аварским, лакским, арчинским, агульским и хиналугским материалами. Автор имел также возможность проверить некоторые сведения, касающиеся цахурского языка, у тбилисского цахурца.

СОКРАЩЕНИЯ

1. Научная литература на русском и грузинском языках[1]

Ахвледиани. Осн. — Г. С. Ахвледиани. Основы общей фонетики. Тбилиси, 1949 (на грузинском языке).

Бокарев. Введ. — Е. А. Бокарев. Введение в сравнительное изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961.

Бокарев. СА — Е. А. Бокарев. Смычно-гортанные аффрикаты прадагестанского языка: ВЯ, № 4, 1958.

Бокарев. ЦЯД — Е. А. Бокарев. Цезские (дидойские) языки Дагестана. Москва, 1959.

ВЯ — Вопросы языкознания.

Гайдаров. Гем. — Р. И. Гайдаров. К вопросу о т. н. «геминатах» в лезгинском языке: Ученые записки Дагестанского гос. университета. вып. I, Махачкала, 1957.

Гайдаров. АД — Р. И. Гайдаров. Ахтынский диалект лезгинского языка. Дагучпедгиз, 1961.

Гаприндашвили. ФДЯ — Ш. Г. Гаприндашвили. Фонетика даргинского языка. Тбилиси, 1966.

Гаприндашвили. ЗС — Ш. Г. Гаприндашвили. О лакско-даргинских звукосоответствиях: ИКЯ, т. VI, Тбилиси, 1954 (на грузинском языке).

Гигинейшвили. ЗА — Б. К. Гигинейшвили. Звонкие аффрикаты общедагестанского языка: Мацне, № 1, 1967 (на грузинском языке).

Гигинейшвили. СВ — Б. К. Гигинейшвили. Общедагестанская система взрывных согласных: Мацне, № 4, 1970.

Гигинейшвили. ПА — Б. К. Гигинейшвили. Придыхательные аффрикаты общедагестанского языка: Труды Тбилисского университета, В I (138), гуманитарные науки, Тбилиси, 1971.

Гигинейшвили. ЛК — Б. К. Гигинейшвили. Вопросы консонантизма лакского языка: Труды Тбилисского университета, 96, серия филологических наук, Тбилиси, 1963 (на грузинском языке).

Гигинейшвили. ЛВС — Б. К. Гигинейшвили. К вопросу о лабиовелярных согласных в лакском языке. Тбилисский университет Георгию Ахвледиани (Юбилейный сборник к 80-летию со дня рождения). Тбилиси, 1969.

---

[1] Сокращены названия лишь наиболее часто цитированных работ.

Гудава. КАЯ — Т. Е. Гудава. Консонантизм андийских языков. Тбилиси, 1964.

Гудава. САГО — Т. Е. Гудава. Сравнительный анализ глагольных основ в аварском и андийских языках. Махачкала, 1959.

Гудава. Аффр. — Т. Е. Гудава. Аффрикаты в андийских языках: ИКЯ, т. XI, Тбилиси, 1959 (на грузинском языке).

Гудава. ФС — Т. Е. Гудава. К вопросу о фарингальных согласных в аварском и андийских языках: ИКЯ, т. IX—X, Тбилиси, 1958 (на грузинском языке).

Гудава-Имнайшвили-Ломтадзе-Магомедбекова-Церцвадзе — Т. Е. Гудава, Д. С. Имнайшвили, Э. А. Ломтадзе, З. М. Магомедбекова, И. И. Церцвадзе. О звуковых соответствиях в языках аварско-андийско-дидойской группы. III (IX) научная сессия Института языкознания АН ГССР, июнь, 1952. Тезисы докладов. Тбилиси, стр. 74—77.

Дирр. Аг. — А. Дирр. Агульский язык: СМОМПК, вып. XXXVII, отд. III, Тифлис, 1907.

Дирр. Арч. — А. Дирр. Арчинский язык: СМОМПК, вып. XXXIX, отд. III, Тифлис, 1908.

Дирр. Рут. — А. Дирр. Рутульский язык: СМОМПК, вып. XLII, отд. III, Тифлис, 1912.

Дирр. Таб. — А. Дирр. Грамматический очерк табасаранского языка: СМОМПК, вып. XXXV, отд. III, Тифлис, 1905.

Дирр. Уд. — А. Дирр. Грамматика удинского языка: СМОМПК, вып. XXXIII, отд. IV, Тифлис, 1904.

Дирр. Цах. — А. Дирр. Цахурский язык: СМОМПК, вып. XLIII, отд. III, Тифлис, 1913.

Дешериев. БЯ — Ю. Д. Дешериев. Бацбийский язык. Москва, 1953.

Дешериев. СГНЯ — Ю. Д. Дешериев. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских языков. Грозный, 1963.

Имнайшвили. ДЯ — Д. С. Имнайшвили. Дидойский язык в сравнении с гинухским и хваршинским языками. Тбилиси, 1963.

Изв. ИЯИМК — Известия Института языка, истории и материальной культуры.

Изв. ТГУ — Известия Тбилисского государственного университета.

ИКЯ — Иберийско-кавказское языкознание.

Марр. НИ — Н. Я. Марр. Непочатый источник истории кавказского мира (Из третьей лингвистической поездки в Дагестан). ИАН, VI серия, № 5, Петроград, 1917, стр. 307—338.

Мацне — Вестник отдела общественных наук АН ГССР.

Микаилов. Рефл. — К. Ш. Микаилов. Рефлексы аварских абруптивных аффрикат в арчинском языке: УЗ, т. XIX, Махачкала, 1969.

САН ГССР — Сообщения Академии наук Грузинской ССР.

Талибов. ФП — Б. Б. Талибов. О некоторых фонетических процессах в лезгинском языке: УЗ, т. XI, Махачкала, 1962.

Тр. ТГУ — Труды Тбилисского гос. университета.

УЗ — Ученые записки Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского филиала АН СССР.

Услар. Авар. — П. К. Услар. Этнография Кавказа. Языкознание, III, Аварский язык. Тифлис, 1889.

Услар. Кюрин. — П. К. Услар. Этнография Кавказа. Языкознание, VI, Кюринский язык. Тифлис, 1896.

Услар. Лак. — П. К. Услар. Этнография Кавказа, Языкознание, IV, Лакский язык, Тифлис, 1890.

Услар. Хюрк. — П. К. Услар. Этнография Кавказа. Языкознание, V, Хюркилинский язык, Тифлис, 1892.

Церцвадзе. ПЛУ — И. И. Церцвадзе. О соответствии аварско-андийскому пятому латеральному согласному в удинском языке: ИКЯ, т. XIV, Тбилиси, 1964 (на грузинском языке).

Чикобава-Церцвадзе — А. С. Чикобава, И. И. Церцвадзе. Аварский язык. Тбилиси, 1962 (на грузинском языке).

Шор. Гем. — Р. Шор. К вопросу о так называемых «геминатах» (усиленных смычных) в яфетических языках Дагестана: ЯСКД, I, Москва-Ленинград, 1935.

ЯД — Языки Дагестана.

ЯСКД — Языки Северного Кавказа и Дагестана.

2. Научная литература на европейских языках

BSLP — Bulletin de la société de linguistique de Paris.

Bouda. LSt. — K. Bouda. Lakkische Studien, Heidelberg, 1949.

NTS — Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap.

Troubetzkoy. CL — N. Troubetzkoy. Les consonnes latérales de langues caucasiques septentrionales: BSLP, t. XXIII, f. 3 (№ 70), Paris 1922.

Trubetzkoy. Stud. — N. Trubetzkoy. Studien auf dem Gebiete der vergleichenden Lautlehre der nordkaukasischen Sprachen. I. Die „kurzen" und „geminierten" Konsonanten der awaro-andischen Sprachen, Caucasica, f. 3, Leipzig, 1926.

Trubetzkoy. NW — N. Trubetzkoy. Nordkaukasische Wortgleichungen: WZKM, Bd. XXXVII, H. 1—2, Wien, 1930.

Troubetzkoy. NDV — N. Troubetzkoy. Notes sur les désinence du verbe dans les langues tchetcheno-lesghienne: BSLP, t. 29, f. 3 (№ 88), Paris, 1929.

Trubetzkoy. KS — N. Trubetzkoy. Die Konsonantensysteme der ostkaukasischen Sprachen: Caucasica, f. 8, Leipzig, 1931.

WZKM — Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes.

3. Обозначения языков и диалектов

Абх. — абхазский

Абх.-адыг. — абхазско-адыгский

Ав. — аварский

Ав.-анд.-дид. — аварско-андо-дидойский

Аг. — агульский

Адыг. — адыгейский
Акуш. — акушинский
Анд. — андийский
Арм. — армянский
Арч. — арчинский
Ахв. — ахвахский
Ахт. — ахтынский
Багв. — багвальский
Балх. — балхарский
Бацб. — бацбийский
Беж. — бежитинский
Ботл. — ботлихский
Буд. — будухский
Вихл. — вихлийский
Вицх. — вицхинский
Гин. — гинухский
Год. — годоберийский
Греч. — греческий
Груз. — грузинский
Гунз. — гунзибский
Гюн. — гюнейский
Дарг. — даргинский
Дид. — дидойский
Зан. — занский
Инг. — ингушский
Каб. — кабардинский
Кап. — капучинский
Кар. — каратинский
Кубач. — кубачинский
Кул. — кулийский
Кумух. — кумухский
Крыз. — крызский
Кюр. — кюринский
Лак. — лакский
Лат. — латинский
Лезг. — лезгинский
Нах.-даг. — нахско-дагестанский
Общедаг. — общедагестанский
Общелезг. — общелезгинский
Прадарг. — прадаргинский
Пралак. — пралакский
Рут. — рутульский
Сван. — сванский
Таб. — табасаранский
Тинд. — тиндийский
Уд. — удинский
Урах. — урахинский
Хайд. — хайдакский
Хварш. — хваршинский
Хин. — хиналугский
Цах. — цахурский
Цуд. — цудахарский
Чам. — чамалинский
Чеч. — чеченский
Ярк. — яркинский

4. Обозначения грамматических форм

Дат. п. — дательный падеж
Им. п. — именительный падеж
Косв. п. — косвенный падеж (или же основа косвенных падежей)
Многокр. — многократный вид
Мн. ч. — множественное число
Пов. — повелительное наклонение
Прош. вр. — прошедшее время
Род. п. — родительный падеж
Эрг. п. — эргативный падеж

ТРАНСКРИПЦИЯ

В работе используется транскрипция, созданная на основе латинского письма, однако порядок следования графических символов в таблице соответствует грузинскому алфавиту, т. к. вместо фонетической характеристики в таблице дан соответствующий грузинский графический символ. Примечаниями снабжены только символы, обозначающие звуки и фонемы, не имеющиеся в грузинском языке. Те графемы, которых нет в грузинской транскрипции (их всего две), даются в конце таблицы.

Лат.	Груз.	Примечания
a	ა	
ā	ა̄	долгое а
ã	ა̃	назализованное а
ȧ	ა̇	фарингализованное а
ä	ა̈	палатализованное а
b	ბ	
g	გ	
d	დ	
d^{ρ}	დ^{ρ}	звонкая латеральная аффриката
e	ე	
ē	ე̄	долгое е
ẽ	ე̃	назализованное е
ė	ე̇	фарингализованное е
v	ვ	
w	ჳ̂	
z	ზ	
t	თ	
tə	თə	интенсивное t
i	ი	
ī	ი̄	долгое i

Лат.	Груз.	Примечания
ĩ	ი̃	назализованное i
ï	ი̇	фарингализованное i
ḳ	კ	
ḳə	კə	интенсивное ḳ
l	ლ	
ł	ლ̃	звонкий латеральный спирант
l‘	ლ‘	неинтенсивный глухой латеральный спирант
l‘ə	ლ‘ə	интенсивный глухой латеральный спирант
l’	ლ’	неинтенсивная глухая латеральная аффриката
l’ə	ლ’ə	интенсивная глухая латеральная аффриката
m	მ	
n	ნ	
j	ჲ	
o	ო	
ō	ო̄	долгое o
õ	ო̃	назализованное o
ȯ	ო̇	фарингализованное o
ö	ო̈	палатализованное o
p̣	პ	
ž	ჟ	
žə	ჟə	веляризованное ž
r	რ	
s	ს	
sə	სə	интенсивное s
ṭ	ტ	
ṭ‘	ტ‘	неинтенсивная глоттализованная латеральная аффриката
ṭ‘ə	ტ‘ə	интенсивная глоттализованная латеральная аффриката
u	უ	
ū	უ̄	долгое u
ũ	უ̃	назализованное u
u̇	უ̇	фарингализованное u
ü	უ̈	палатализованное u
p	ფ	

Лат.	Груз.	Примечания
pə	ფə	интенсивный неглоттализованный лабиальный взрывной
k	ქ	
kə	ქə	интенсивный неглоттализованный передневелярный смычный
γ	ღ	
γ‘	ჹ	звонкая увулярная аффриката
γ́	ღ́	звонкий передневелярный спирант
q̣	ყ	
q̣ə	ყə	интенсивная глоттализованная аффриката увулярного ряда
š	შ	
šə	შə	интенсивный глухой альвеолярный спирант
č	ჩ	
čə	ჩə	интенсивная неглоттализованная альвеолярная аффриката
c	ც	
cə	ცə	интенсивная неглоттализованная постдентальная (свистящая) аффриката
ʒ	ძ	
c̣	წ	
c̣ə	წə	интенсивная глоттализованная постдентальная аффриката
č̣	ჭ	
č̣ə	ჭə	интенсивная глоттализованная альвеолярная аффриката
x	ხ	
xə	ხə	интенсивный увулярный спирант
x́	ხ́	неинтенсивный передневелярный спирант
x́ə	ხ́ə	интенсивный передневелярный спирант
q	ჴ	
qə	ჴə	интенсивная неглоттализованная увулярная аффриката
ǯ	ჯ	
ǯə	ჯə	веляризованное ǯ
h	ჰ	

Лат.	Груз.	Примечания
ḥ	ჰ̣	глухой фарингальный спирант
ω	ჺ	звонкий фарингальный спирант
’	ჸ	глухой гортанный взрывной
ə	ჷ	нелабиальный узкий гласный заднего образования
ḍ	დ̣	звонкий интердентальный спирант
f		глухой лабиальный спирант

ВВЕДЕНИЕ

Первая четверть XX века ознаменовалась двумя выдающимися достижениями в области сравнительного языкознания: почти одновременно Л. Блумфилд и Н. Трубецкой продемонстрировали полную применимость сравнительного метода к языкам, не имеющим литературной традиции. Первый проделал это по отношению к центральноалгонкинским языкам, второй же — по отношению к языкам северокавказским. В обоих случаях были достигнуты блестящие результаты. Л. Блумфилд путем последовательной диахронической интерпретации шести формул звукосоответствий, которые наблюдались между языками фокс, кри, меномини и оджибва, постулировал шесть фонем центральноалгонкинского языка-основы, доказав тем самым, что процедура реконструкции в случае бесписьменных языков, оставаясь точно такой же, как и в случае языков с древней письменностью, позволяет проследить историю сравниваемых языков не хуже, чем историю древнелитературных языков[1].

Н. Трубецкой своими исследованиями языков Северного Кавказа заложил прочную основу для дальнейшей разработки сравнительной фонетики этих языков[2]. В работах Н. Трубецкого установлены четкие формулы звукосоответствий между нахско-дагестанскими языками, а в некоторых работах и между всеми группами северокавказских языков. Однако нас в данном очерке интересуют лишь дагестанские языки, поэтому речь будет идти о том вкладе, который внес Н. Трубецкой в сравнительное дагестановедение. Достаточно сказать, что до Н. Трубецкого сравнительное изучение дагестанских языков не опи-

[1] Срв. M. Haas, The prehistory of languages, The Hague — Paris, 1969, стр. 21 и сл.; Т. В. Гамкрелидзе, Современная диахроническая лингвистика и картвельские языки I, ВЯ. № 2, 1971, стр. 20.

[2] Troubetzkoy. CL; Trubetzkoy. Stud.; Trubetzkoy. NW; Trubetzkoy. KS; Troubetzkoy. NDV.

ралось на строгие научные принципы, методологические предпосылки компаративистики не принимались должным образом во внимание. Таким образом, сравнительного дагестановедения в узко лингвистическом смысле этого слова вообще не существовало. В работе „Nordkaukasische Wortgleichungen“ Н. Трубецкой постулировал для общесеверокавказского языка две серии аффрикат: звонкие и глоттализованные[1]. Формулы звукосоответствий, предложенные им для обоснования данной гипотезы, в основном верны и нуждаются в поправках и дополнениях лишь в отдельных случаях. В другой своей работе о латеральных согласных[2] Н. Трубецкой выдвинул положение об исконности латеральных согласных, которые не сохранились в большинстве нахско-дагестанских языков. Это положение он доказывает весьма убедительно, путем интерпретации формул звукосоответствий латеральных фонем, с одновременным указанием на тенденцию к делатерализации во многих северокавказских языках.

Вопрос о корреляции интенсивности в аварско-андийских языках в диахроническом аспекте рассматривается Н. Трубецким в одной из самых значительных его работ.[3] Такая поверхностная характеристика трудов Н. Трубецкого не может, конечно, дать представления об их истинной научной ценности, для этого необходимо непосредственно и основательно ознакомиться с ними. Работы Н. Трубецкого поражают глубиной мышления, большой эрудицией, ярким талантом и высоким профессионализмом. Знание большого количества языков совершенно разных структур дает возможность автору находить удачное применение своей природной наблюдательности при решении весьма сложных вопросов истории северокавказских языков вообще и дагестанских языков в частности. Строгое применение методики сравнительно-исторического языкознания, обогащенной приемами структурной лингвистики, помогает Н. Трубецкому объяснить весьма запутанные случаи нарушения закономерностей в отдельных языках. К сожалению, ограниченность материала, которым располагал Н. Трубецкой, не позволила ему сделать большего, но и то, что он оставил, дает полное право

---

[1] Trubetzkoy. NW, стр. 89—90.

[2] Troubetzkoy. CL.

[3] Trubetzkoy. Stud.

считать его основоположником нахско-дагестанской сравнительной фонетики.

После Н. Трубецкого сравнительное дагестановедение на время осталось без должного внимания, хотя это отчасти компенсировалось монографической разработкой описательных грамматик по отдельным языкам, а также составлением словарей.

В 1959 году выходит в свет монография Е. А. Бокарева по дидойским языкам[1]. Эта книга имеет безусловную научную ценность, хотя сравнительно-исторический анализ занимает в ней скромное место, уступая большую часть описанию отдельных языков. Понятно, что о реконструкции общедидойского состояния при таком подходе не могло быть и речи. Тем не менее именно Е. А. Бокарев является продолжателем дела Н. Трубецкого. За год до опубликования упомянутой книги Е. А. Бокарев попытался дать реконструкцию прадагестанских смычно-гортанных аффрикат[2]. В 1961 году Е. А. Бокарев опубликовал сравнительный очерк по дагестанским языкам[3]. Указанный очерк содержит только фонетику. В начале книги автор дает общие сведения о дагестанских языках, краткую историю их изучения, но, как ни странно, ни одним словом не упоминает о Н. Трубецком. Не упомянут Н. Трубецкой и в других частях книги, а между тем, лишь благодаря трудам Н. Трубецкого стало возможным создание указанной книги. Основную часть книги представляет IV глава, где автор пытается воспроизвести звуковую систему общедагестанского языка. Надо признать, что в этой части много погрешностей. Часто автор, не имея соответствующего материала, позволившего бы ему постулировать ту или иную фонему, все-таки допускает возможность ее наличия в языке-основе, нередко звукосоответствия неправильно истолковываются, а еще чаще не отличаются точностью. Этимологические сопоставления во многих случаях малообоснованы и не опираются на четкие формулы звукосоответствий. В целом книга, являясь первой обобщающей работой в этой области, все-таки представляет большую ценность: она содержит больше материала, чем статьи Н. Трубецкого, а также немало новых этимологических сопоставлений.

---

[1] Бокарев. ЦЯД.

[2] Бокарев. СА.

[3] Бокарев. Введ.

Из трудов, в которых рассматриваются вопросы сравнительной фонетики дагестанских языков, необходимо отметить книгу Р. Лафона[1], имеющую целью выявить общий лексический материал в баскском и кавказских языках и, по возможности, установить звукосоответствия между этими географически разрозненными языковыми группами. С точки зрения сравнительного кавказоведения в работе Р. Лафона мало нового: автор целиком опирается на реконструкции Н. Трубецкого. Новое заключается в попытке включить в анализируемый материал данные хорошо известного автору баскского языка.

Серьезным вкладом в сравнительное дагестановедение является монография Т. Е. Гудава „Консонантизм андийских языков“[2]. Исследование это является результатом многолетней работы в области аварско-андийских языков. Автор, следуя принципам классической компаративистики и обогащая ее исследовательской методикой современного языкознания, добился подлинного успеха, установил, помимо известных, новые закономерности. Т. Е. Гудава уделяет должное внимание вопросам комбинаторики, что во многих случаях помогает ему объяснить „нарушения“ спонтанных фонетических изменений. В труде Т. Е. Гудава установлены некоторые весьма важные закономерности в области истории консонантизма дидойских языков. Книга Т. Е. Гудава, хотя она и ограничивается в основном аварско-андийскими языками, является надежной основой для плодотворного развития сравнительно-исторического изучения дагестанских языков.

Из сказанного отнюдь не следует, что сравнительное изучение дагестанских языков исчерпывается перечисленными выше монографическими исследованиями. В отдельных статьях специалисты по кавказским языкам высказывали свои гипотезы относительно той или иной проблемы сравнительной фонетики дагестанских языков. Правда, они ограничивались сравнением двух или немногим больше единиц, не охватывая материал всех групп дагестанских языков. Тем не менее, некоторые из этих работ весьма ценны. Среди наиболее интересных следует

---

[1] R. Lafon. Etudes basques et caucasiques. Universidad de Salamanca. 1952.

[2] Гудава. КАЯ.

отметить: коллективную работу Т. Е. Гудава, Д. С. Имнайшвили, Э. А. Ломтадзе, З. М. Магомедбековой и И. И. Церцвадзе „О звуковых соответствиях в языках аварско-андо-дидойской группы“ (тезисы доклада, зачитанного на III (IX) научной сессии Института языкознания АН ГССР, 1952 г., стр. 74—77), статью Ш. Г. Гаприндашвили „О лакско-даргинских звукосоответствиях (ИКЯ, т. VI, Тбилиси, 1954 г., стр. 281—326), статью И. И. Церцвадзе „О соответствии аварско-андийскому пятому латеральному согласному в удинском языке“ (ИКЯ, т. XIV, Тбилиси, 1964 г., стр. 357—362), тезисы доклада Е. А. Бокарева „Опыт реконструкции вокализма общелезгинского праязыка“, зачитанного на первой региональной сессии кавказоведов (Махачкала, 14—17 июня 1965 г., см. тезисы, стр. 45—46), статью К. Ш. Микаилова „Рефлексы аварских абруптивных аффрикат в арчинском языке“ (УЗ, т. XIX, Махачкала, 1969 г., стр. 201—212) и некоторые другие.

За последние годы отмечается усиление интереса к вопросам сравнительной лексикографии, ономастики и топонимики. Подтверждением этого служит вышедшая в 1971 г. книга „Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков“ (Москва, 1971 г.). Книга подготовлена к печати Институтом истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР под общей редакцией Г. Б. Муркелинского. Книга представляет собой нечто вроде сравнительного словаря дагестанских языков. Материал преподносится в ней несколько своеобразно — не в виде реконструированных форм в алфавитном порядке, а по значениям. Вся лексика разбита по семантическим группам. В комментариях к отдельным статьям обычно не указаны формулы звукосоответствий, на которые опирается сопоставление. Нет ссылок на труды Н. С. Трубецкого. Несмотря на все это, книга может оказаться весьма полезной, благодаря собранному в ней материалу, хотя этот материал не всегда является исконным и не классифицирован должным образом.

В 1973 году вышел в свет „Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков“ С. М. Хайдакова. В нем отражен как исконный, так и заимствованный материал. Принципы группирования и подачи лексем те же, что и в „Сравнительно-исторической лексике“. При этом книга страдает теми же погрешностями, что и вышеупомянутая работа.

Названные монографии и исследования, а также описательные грамматики почти по всем дагестанским языкам создали базу для появления работ более общего характера: сравнительной грамматики и сравнительной фонетики дагестанских языков. Как уже отмечалось, в этом направлении имелись определенные достижения, но были области, неудовлетворительно разработанные или вовсе не разработанные: традиционные квалификации и интерпретации не соответствовали современному состоянию компаративистики, ощущался недостаток материала, потребность в новых этимологических сопоставлениях, а подчас — в совершенно новом подходе к материалу. Главное же, процедура реконструкции в ранних работах не имела четкого, последовательного характера, выглядела неубедительной.

Автор настоящей работы задался целью дать по возможности цельную и четкую картину эволюции дагестанского консонантизма, начиная от общедагестанского языка-основы и кончая отдельными языками, выявить причины тех трансформаций, вследствие которых общедагестанская консонантная система дала системы отдельных дагестанских языков (с учетом отдельных этапов развития). Свои исследования, касающиеся отдельных подсистем общедагестанской консонантной системы, автор опубликовал в виде статей[1], которые послужили основанием для обобщения накопленного в процессе исследования материала и восстановления общедагестанского консонантизма.

Чем отличается настоящая работа от прежних, на каких принципах она построена?

1) В первую очередь надо отметить, что при сравнении мы опираемся на материал 14 дагестанских языков. Отбор языков производился с стремлением отобразить материал языков, наиболее отличающихся друг от друга и наименее изученных. Из аварско-андо-дидойской группы, которая может по праву считаться наиболее изученной, приводятся четыре языка: аварский, андийский, ахвахский и один из дидойских языков, чаще — собственно дидойский или же гунзибский. Приводятся также оба языка центрального Дагестана — даргинский и лакский. Из относи-

---

[1] Гигинейшвили. ЗА; Гигинейшвили. СВ; Гигинейшвили. ПА; Б. К. Гигинейшвили. Общедагестанские *l и *r: САН ГССР, X, № 1, 1968.

тельно мало изученных в диахроническом аспекте лезгинских языков привлечены почти все, за исключением крызского и будухского, т. е.: собственно лезгинский, табасаранский, агульский, рутульский, цахурский, удинский, хиналугский и арчинский. Е. А. Бокарев в своей книге оперирует только восемью языками (аварским, андийским, дидойским, лакским, даргинским, лезгинским, табасаранским и арчинским)[1]. В статьях Н. Трубецкого количество языков разное и обычно не превышает десяти. К тому же, количество сравниваемых языков у него растет за счет андийских языков, большинство которых он использует во время сравнения.

2) В работе реконструирована вся консонантная система общедагестанского языка. У предшествующих авторов отдельные звенья этой системы либо вообще не восстанавливались, либо же были постулированы чисто гипотетически, исходя лишь из того, что они должны были быть. Так, например, Н. Трубецкой оставил без внимания неглоттализованные глухие аффрикаты (в дагестанском масштабе), систему взрывных, фрикативные и неинтенсивные глоттализованные фонемы. Е. А. Бокарев в этом отношении сделал шаг вперед. Он рассмотрел все перечисленные нами серии, но не смог привлечь аргументы в пользу постулирования интенсивного неглоттализованного /*čə/ в общедагестанском, а также пары неглоттализованных латеральных аффрикат — /*l′/, /*l′ə/. Не числится у него и неинтенсивная увулярная аффриката /*q/. Эти фонемы в нашей работе восстановлены с соответствующей аргументацией. Однако нами отвергается положение о существовании звонких спирантов в языке-основе, выдвинутое Е. А. Бокаревым[2].

3) Помимо установления новых звукосоответствий и закономерностей, в работе исправлены и дополнены известные формулы звукосоответствий. Кроме этого, указанным формулам в ряде случаев дается иная, более верная, с нашей точки зрения, интерпретация.

4) В настоящей работе установлен ряд новых закономерностей диахронического порядка. Нет необходимости перечис-

---

[1] Бокарев. Введ.

[2] Бокарев. Введ., стр. 65—68.

лять их все. Укажем только на две из них, которые нам представляются наиболее важными:

а) утрата ротовой смычки интенсивными глоттализованными аффрикатами в урахинском диалекте даргинского языка (*c̣ə→’, *č̣ə→’, *q̣ə→’, *ṭ‘ə→’);

б) нулевая рефлексация исконных неглоттализованных неинтенсивных аффрикат в удинском в анлаутной и инлаутной позициях.

5) В нашей работе впервые в сравнительном кавказоведении выдвинута гипотеза о наличии дублетных форм в языке-основе. Без подобного допущения было бы невозможно объяснить разную рефлексацию языков одной и той же группы в пределах одной и той же словоформы. Допущение дублетных форм, т. е. вариабельности в языке-основе, является ключом для диахронической интерпретации подобных фактов (подробно об этом ниже).

6) В настоящем исследовании приводится ряд новых этимологических сопоставлений, дополняются и поправляются, а подчас отвергаются имеющиеся в научной литературе. Из всех этимологий Н. Трубецкого нами приняты (с определенными поправками и дополнениями) 86. Из этимологий Е. А. Бокарева с значительными поправками и дополнениями мы включили в работу 64 сопоставления. Все это составляет 150 лексических единиц. 110 этимологий сделано лично нами. В целом материал, на который опирается данное исследование, представляет собой краткий сравнительный словарь, состоящий из 260 единиц. Нами отвергались все известные этимологические сопоставления, если они в точности не отвечали требованиям формул звукосоответствий, а также если они основывались на материале какой-нибудь одной группы дагестанских языков. Например, мы не считали себя вправе восстанавливать общедагестанскую словоформу на основе данных только аваро-андо-дидойской группы или же только лезгинской группы. Для большей убедительности необходимо представить если не все ареалы дагестанского языкового мира (хотя бы по одному представителю из всех групп), то, во всяком случае, не менее двух групп, желательно „полярных“ (например, аваро-андо-дидойскую и лезгинскую).

Другим необходимым фактором мы считаем сравнение корней по крайней мере с двумя корневыми согласными (разуме-

ется, где это возможно). Как известно, „чем больше соответствующих друг другу звуковых элементов, тем меньше возможность случайных совпадений“ [1].

7) В настоящей работе выявлено особое значение места ударения для рефлексации исконных согласных фонем в отдельных языках. Без учета первоначального места ударения совершенно невозможно объяснить неоднозначность звуковых соответствий, позиционное распределение рефлексов и, стало быть, те морфофонематические чередования, которые имели место на разных этапах эволюции дагестанских языков. Архаическую картину акцентуации и морфофонематических чередований сравнительно хорошо сохранил лезгинский язык. Именно он является для нас отправной точкой при реконструкции акцентуальной модели общедагестанского языка.

В работе общедагестанский язык рассматривается как ветвь восточнокавказского или нахско-дагестанского единства и, следовательно, предполагается, что группы дагестанских языков находятся между собой в более близком родстве, чем какая-нибудь из них с нахскими языками. В научной литературе по этому вопросу имеются разногласия. Часть исследователей считает, что нахские языки образуют самостоятельную единицу наравне с абхазско-адыгскими и дагестанскими (А. С. Чикобава, Ю. Ю. Дешериев и др.), другая часть ученых (Н. С. Трубецкой, Ж. Дюмезиль и др.) придерживается мнения, что нахские языки наравне с аварско-андо-дидойскими входят в состав восточнокавказского единства. Мы не согласны ни с первым, ни со вторым мнением в той форме, в какой они высказаны. Несомненно, нахские языки обнаруживают большую близость к дагестанским как типологически, так и генетически. Однако распадение нахско-дагестанского языка-основы, по нашему мнению, происходило в следующей последовательности: вначале нахско-дагестанский разделился на два языка — нахский и дагестанский, затем общедагестанский язык распался на четыре группы, в то время как нахские диалекты были еще довольно близки друг к другу; последний этап их развития характеризо-

---

[1] А. Мейе. Сравнительный метод в историческом языкознании. Москва, 1954, стр. 36.

вался распадением как общенахского языка, так и тех четырех дагестанских языковых единиц, которые выделились на втором этапе эволюции. Мы не настаиваем на том, что все происходило именно так и что другие возможности исключаются. Мы попытаемся только показать, что большая близость нахских языков к аваро-андо-дидойским, по сравнению с близостью последних к лезгинским, является только кажущейся. Аваро-андо-дидойская группа связана с другими дагестанскими группами гораздо более тесными узами, чем с нахскими. Постараемся привести доказательства:

1. Этимологические сопоставления показывают, что звукосоответствия между нахскими и дагестанскими языками отнюдь не характеризуются той точностью, какую мы наблюдаем при сравнении дагестанских языков. Частое нарушение соотношений, обнаружение разных рефлексов для одной и той же исходной фонемы очень осложняют дело. Трудности, которые встречаются на пути сведения неоднозначной рефлексации языков к стройной системе, свидетельствуют о том, что нахская консонантная система претерпела значительные изменения, ощутимо отдалившие ее от первоначального состояния. В современных нахских языках корреляция интенсивности наблюдается только в дентальных взрывных (t — tt, ṭ — ṭṭ), но трудно сказать, являются ли эти tt и ṭṭ самостоятельными фонемами или просто группой фонем (идентичных).

2. Нелегко доказать наличие корреляции интенсивности и на общенахском хронологическом уровне. Как известно, общедагестанским /*c̣/, /*ṭʻ/, как и их интенсивным коррелятам — /*c̣ə/, /*ṭʻə/ — в нахских языках соответствуют нейтральные c̣ и q̣. В т. н. „удвоенных“ tt и ṭṭ совпали рефлексы исконных /*ʒ/, /*ǯ/, /*č̣ə/. Рефлексы чеч.-инг. lx, бацб. tx отражают то исходное /*lʻ/ (в случае чеч. malx: бацб. matx „солнце“, срв. анд. milʻi и т. д.), то — исходное /*ṭʻə/ (инг. dulx „мясо“: бацб. ditx, срв. анд. riṭʻəi), чаще же всего — исходное /*lʼə/ (чеч.-инг. jalx „шесть“: бацб. jetx, срв. ав. anlʼə-; чеч.-инг. txwo „мы“: бацб. txo, срв. ав. nilʼə и т. д.). В слове „десять“ (чеч. itt: бацб. iṭṭ) совершенно незакономерно появление рефлексов tt и ṭṭ. Рефлексы xk/xḳ появляются то в таких случаях, где исконным является /*dᵒ/, то в таких, где предполагается /*lʻ/ или

/*γ'/. Все эти нарушения, разумеется, при детальном исследовании вопроса можно объяснить. Пока же ясно одно: эволюция нахского консонантизма пошла значительно дальше дагестанской и нахскую фонологию в этом отношении нельзя рассматривать на одном уровне с какой-нибудь группой дагестанских языков. С этой точки зрения очень важно одно обстоятельство: не выходя за пределы нахских языков, постулирование в общенахском корреляции интенсивности невозможно. А это, как известно, весьма характерная черта фонетической системы общедагестанского языка.

3. Немаловажные изменения претерпела, по сравнению с дагестанской, и нахская морфонология. В нахских языках очень большую роль при образовании словоизменительных форм играет внутренняя флексия, чуждая дагестанским языкам. В бацбийском языке, например, временные формы глагола образуются от видовых основ. Одним из самых распространенных средств для видовых противопоставлений является чередование гласных фонем основы[1], т. е. т. н. внутренняя флексия. В бацбийском самым распространенным является чередование e:a (которому в других нахских языках соответствует чередование we:a)[2], затем e:o и e:i.

Примеры из бацбийского:

Несоверш. вид		Соверш. вид
	e:a	
tegɗā „делать"	—	tagɗā „сделать"
lexḳā „гнать"	—	laxḳā „погнать"
x̄ec̣ā „будить"	—	x̄ac̣ā „разбудить"
mel'ā „пить"	—	mal'ā „выпить"
lec̣ɗā „ловить"	—	lac̣ɗā „изловить"
leqɗā „протягивать"	—	laqɗā „протянуть"
le'ā „хотеть"	—	la'ā „захотеть"
xeṭṭā „спрашивать"	—	xaṭṭā „спросить"
leḥɗā „собирать"	—	laḥɗā „собрать"
	e:o	
ɗel'ā „заползать"	—	ɗol'ā „заползти"
ɗepxā „одеваться"	—	ɗopxā „одеться"

[1] Дешериев. БЯ, стр. 134.

[2] Дешериев. СГНЯ, стр. 475.

Несоверш. вид		Соверш. вид
	e : i	
xeṭā „обрываться"	—	xiṭā „оборваться"
teṭā „резать"	—	tiṭā „перерезать" „порезать" и др.

Имеются единичные случаи и других чередований (i ~ a: ixā „идти" — axā „пойти", a ~ o: ďaçā „привязывать", „вязать" — ďoçā „привязать"), но они играют весьма незначительную роль. Таким образом, в рассмотренных выше всех трех типах основа несовершенного (или неодвократного) вида представлена огласовкой e, основы же совершенных видов — гласными a, o, i. Различие в аффиксации или в чем-нибудь другом отсутствует. Это характерное для морфологии нахского глагола чередование корневых гласных совершенно чуждо дагестанским языкам как на теперешнем этапе их развития, так и исторически. Оно свидетельствует о том, что нахские языки за время своей эволюции приобрели такие структурные черты, которые в свою очередь явно указывают на то, что нахская ветвь отделилась от дагестанской раньше распада последней на группы.

4. В морфологии имени в первую очередь надо отметить почти полное разрушение системы местных падежей. Правда, и для общедагестанского хронологического уровня реконструкция локативных падежей в полном виде невозможна, но основные из них закономерно дифференцированы в отдельных дагестанских языках. В нахских же языках местные падежи представляют некие обломки прошлого.

5. Из основных падежей эргатив утерял свой древнейший показатель -ďi, который хорошо прослеживается в дагестанских языках.

6. Принцип двух основ при склонении опирается не на употребление эргатива в качестве второй основы. В этой функции выступает основа родительного падежа.

7. Временные формы опираются, как уже отмечалось, на основы двух противопоставленных видов. Поэтому принцип образования их несколько отличается от принципа, применяемого в таких случаях в дагестанских языках.

8. В заключение мы хотим привести некоторые лексико-статистические данные, которые также можно использовать при

обсуждении вопроса о большей или меньшей близости языков. Мы составили опытный список из 100 слов и высчитали совпадения и различия между 18 парами нахско-дагестанских языков. Совпадения чеченского и ингушского языков с аварским составляют 26%, т. е. наименьшее количество. Среди дагестанских языков наиболее отдалены друг от друга даргинский и самурские языки, а также — аварский и самурские языки. В обоих случаях совпадения равны лишь 28%. Из языков разных групп максимальное количество общей лексики обнаружили лакский и даргинский языки (41%), за ними следует исконно-общая арчинско-лакская лексика, составляющая 40%, т. е. немногим меньше лакско-даргинской.

Время распадения общедагестанского языка-основы следует вычислять опираясь на ту пару, которая дала наименьший процент совпадений, т. е. на лезгинско-даргинскую или на лезгинско-аварскую. Исходя из формулы М. Сводеша[1], при константе, равной 86%, и количестве совпадений 28% вычисление дает цифру 4,218. Это — количество тысячелетий, отдаляющих нашу эпоху от периода распада общедагестанского языка.

Стало быть, этот распад произошел примерно к концу двадцать третьего столетия до нашей эры. Вычисленная нами дата не противоречит мнению Е. А. Бокарева, который относил распад общедагестанского языка к III тысячелетию до н. э.[2], но суживает пределы прежней датировки. Е. А. Бокарев, не считая возможным существование общедагестанского языка позднее III тысячелетия до нашей эры, исходил из того факта, что название железа не находит закономерных соответствий в большинстве дагестанских языков[3]. На этом основании можно исключить в качестве эпохи дифференциации общедагестанского языка железный век и более позднее время, но с полным успехом предположить, что периодом распада был более ранний — бронзовый век. Далее Е. А. Бокарев ссылается и на метод М. Сводеша, хотя считает его точность „очень относительной"[4] и сам не делает вычислений.

---

[1] М. Сводеш. Лексикостатистическое датирование доисторических этнических контактов: „Новое в лингвистике", вып. I, Москва, 1960, стр. 46, 47.

[2] Бокарев. Введ, стр. 17.

[3] Там же.

Там же, стр. 18.

Мы не утверждаем, что метод М. Сводеша абсолютно точен. Впрочем, на такую точность не претендует и сам автор, поскольку ето метод не свободен от некоторых колебаний в коэффициенте сохранности[1]. Кроме того, каждый отдельный исследователь не гарантирован от ошибок при сравнении словарных единиц. Однако нельзя отрицать, что пока лексико-статистический метод является единственным из всех средств, дающим возможность абсолютной (в смысле — неотносительной) датировки дивергенции родственных языков. Сверяя данные лексико-статистической датировки с данными иного порядка (археологии, исследования названий металлов и др.), можно прийти как к полному убеждению, так и, наоборот, к сомнениям. Но пространные рассуждения о надежности метода М. Сводеша, так же как и его оценка, не являются предметом настоящей работы.

Необходимо, однако, уточнить некоторые пункты в рассуждении Е. А. Бокарева. Если считать, что распадение общедагестанского языка произошло в последней четверти III тысячелетия (примерно — в XXIII столетии до н. э), то невозможно отнести этот период к эпохе энеолита. Этот период является эпохой ранней бронзы в Дагестане. С этой точки зрения, характерно то обстоятельство, что в общедагестанском имелись названия таких металлов, как золото и серебро. Эти названия в закономерно дифференцированном виде сохранились во всех группах современных дагестанских языков (хотя, конечно, не во всех языках). Приведем названия этих металлов, которые, если исключить незначительные семантические вариации, хорошо сохранили исконное значение и закономерно изменились в плане выражения:

Общедаг. *misiđ „золото“ = ав. mesed : анд. misiđi : ахв. mišiđi : дарг. murhi // misi : лак. musi : арч. misir-tᵊu : уд. mis („медь“) : хин. mis („медь“).

Общедаг. *arc „серебро“ = ав. ɷarac : анд. orsi : ахв. ači : : дарг. arc : лак. arcu : арч. arsi : аг. ars (←*arc).

Наличие золота и серебра в энеолите маловероятно. Это подтверждает наше мнение, что дивергенция дагестанской общности имела место в бронзовом веке, точнее—на его ранней ступени.

---

[1] М. Сводеш. Указан. работа, стр. 41.

ЧАСТЬ I

КОНСОНАНТНЫЕ СИСТЕМЫ ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКОВ

В настоящем разделе синхронно описаны консонантные системы тех дагестанских языков, которые в последующей части привлекаются к сравнению с целью реконструкции общедагестанской системы согласных. Корреляционные пучки согласных фонем современных дагестанских языков опираются на четыре основных типа противопоставлений: 1) корреляция звонкий-глухой, 2) корреляция глоттализованный-неглоттализованный, 3) корреляция смычный-фрикативный и 4) корреляция интенсивности (сильный-слабый).

На корреляции звонкости мы специально не останавливаемся, поскольку она не является специфичной для дагестанских языков и имеет место в очень многих языках, совершенно разных по своей структуре.

Корреляция глоттализованный-неглоттализованный, хотя и известна в других языках, все-таки может считаться специфичной для большинства языков Кавказа.

Корреляция интенсивности является весьма важной для консонантных систем дагестанских языков. Это противопоставление, как правило, имеет место только среди глухих согласных[1]. Интенсивные фонемы произносятся с большей энергией, при большем напряжении артикулирующих органов и длятся несколько дольше по сравнению с их неинтенсивными коррелятами.

Корреляция интенсивности имеет две фонетические разновидности. Первая разновидность наблюдается в аварско-андийских языках и, отчасти, в арчинском и хиналугском. Вторая

---

[1] Чикобава-Церцвадзе, стр. 52.

разновидность, встречающаяся только в неглоттализованных смычных фонемах, наблюдается в даргинском (в диалектах пудахарского типа), лакском и самурских языках (в лезгинском, табасаранском, агульском, рутульском, цахурском). Интенсивные второго типа производят акустический эффект „непридыхательности“ или „малопридыхательности“. Их называют „преруптивными“, „непридыхательными“ и т. д. Преруптивные кавказских языков впервые были обнаружены в адыгских языках Г. В. Рогава[1], как четвертая разновидность смычных согласных (наряду с звонкими, придыхательными и абруптивами). Они приравнивались к третьему разряду глухих смычных осетинского языка, характеризующихся минимальной придыхательностью и некоторой близостью с абруптивными согласными. На этом основании Г. С. Ахвледиани счел возможным назвать их „преруптивами“[2]. Языки с преруптивными фонемами имеют специфичные четверочленные ряды смычных. Такие четверичные ряды имеет и осетинский язык[3].

Нередко преруптивные фонемы рассматриваются специалистами как геминаты (удвоенные) или долгие. „Преруптивы“ действительно имеют несколько большую длительность, чем их придыхательные корреляты, но это фонологически несущественно.

Н. С. Трубецкой характеризует сильные (resp. твердые) согласные, как более напряженные, с более сильной смычкой, с большей длительностью, что особенно проявляется в интервокальной позиции. Из вторичных фонетических черт он указывает на отсутствие аспирации при произношении[4]. Н. С. Трубецкой не различает „сильные“ аварско-андийских языков от „преруптивных“ согласных языков типа лакского даже фонетически.

---

[1] Г. В. Рогава. Четверичная система смычных в адыгских языках: САН ГССР, т. IV, № 3, Тб., 1943.

[2] Ахвледиани. Осн., стр. 880.

[3] Г. С. Ахвледиани. Три „t“ в осетинском и их отношение к соответствующим звукам древнеиранского языка: Ежегодник груз. лингвист. общества. I—II, 1923—1924 гг. В. И. Абаев. Четыре ряда смычных в осетинском. Владикавказ, 1926.

[4] Trubetzkoy. KS. стр. 9.

Р. Шор, впервые экспериментально изучившая т. н. „геминаты" аварского, лакского, даргинского и лезгинского языков, также не нашла разницы между „геминатами" аварского и остальных трех языков. По наблюдениям Р. Шор, „геминаты" характеризуются: 1) слабым взрывом; 2) движением в гортани, которое вызывает специфическое падение записывающего пера гортанной капсюли; 3) несколько большей долготой по сравнению со „слабыми"; 4) отсутствием придыхания; 5) образованием следующего за согласным гласного непосредственно за моментом ротовой смычки[1]. Два последних признака дают основание автору причислить указанные фонемы к разряду чистых глухих[2].

Судя по данной характеристике, Р. Шор имела дело с „преруптивными" согласными лакского, даргинского и лезгинского, но не с сильными согласными аварского языка. Интересно, что Р. И. Гайдаров также считает, что лезгинские „геминаты" (т. е. преруптивные) характеризуются главным образом отсутствием придыхания и стоят ближе к глухим смычным русского языка. Геминаты (в смысле удвоенных), по мнению автора, в лезгинском отсутствуют[3].

Ш. Г. Гаприндашвили, экспериментально изучив т. н. „геминаты" (т. е. преруптивные) даргинского языка (диалектов цулахарского типа), заключил, что они „противопоставляются звонким смычным отсутствием периодических колебаний в момент артикуляционной смычки и, частично, глухостью момента взрыва; о т г л у х и х п р и д ы х а т е л ь н ы х о н и о т л и ч а ю т с я о т с у т с т в и е м п р и д ы х а п о с л е в з р ы в а и з в о н к о с т ь ю в т о р о й п о л о в и н ы п е р и о д а п р е о д о л е н и я а р т и к у л я ц и о н н о г о з а т в о р а (разрядка наша — Б. Г.). От смычно-гортанных они отличаются отсутствием безголосого и бесшумного интервала между моментами взрыва и начала последующего гласного"[4].

Л. И. Жирков также считает долготу нерелевантным признаком и поэтому при характеристике „усиленных" согласных

---

[1] Шор. Гем., стр. 237.

[2] Там же.

[3] Гайдаров. Гем., стр 91.

[4] Гаприндашвили. ФДЯ, стр. 17.

лакского языка выдвигает на первый план их непридыхательность [1].

Интересно, что отсутствие придыхания или минимальная аспирация указывается почти во всех характеристиках, а некоторые авторы считают ее основным признаком преруптивных согласных. Однако необходимо здесь же указать, что абсолютную непридыхательность преруптивных разделяют не все авторы. Г. С. Ахвледиани не соглашается в этом вопросе с В. И. Абаевым и считает, что осетинские преруптивные характеризуются придыхом, хотя и минимальным [2]. Г. В. Рогава также оспаривает точку зрения Р. Шор о непридыхательности преруптивных, считая, что абсолютно непридыхательными могут быть только смычно-гортанные (т. е. абруптивные) [3].

Допустим, что противопоставление преруптивный-простой сводится к противопоставлению придыхательный-непридыхательный. Маркированным членом оппозиции, естественно, является придыхательный. Поскольку данное противопоставление в определенных языках перед согласным и в ауслауте нейтрализуется, различительный признак в позиции нейтрализации должен исчезнуть, а представителем архифонемы — предстать немаркированный член, т. е. преруптив (фонетически непридыхательный). Наблюдается же как раз обратная картина: представителем архифонемы выступает аспирированный (т. е. „маркированный") член. Стало быть, в противопоставлении преруптивного придыхательному аспирация не является релевантным признаком, иначе она не могла бы сохраняться при снятии противопоставления. Что же остается? Согласно остальным данным, „преруптивный" тождествен интенсивным неглоттализованным смычным аварско-андийских языков (напряженность, долгота, слабый взрыв, сильная смычка). Следовательно, разница между интенсивными глухими типа аварских cə, kə и „преруптивными" типа лакских c′, k′ существует только на уровне реализации. С фонологической точки зрения они

---

[1] Л. И. Жирков. Лакский язык. Москва, 1955, стр. 9.

[2] Ахвледиани. Осн., стр. 81, 380.

[3] Г. В. Рогава. О четверичной системе взрывных в кавказских языках: Сообщ. АН ГССР, т. IV, № 8, 1943, стр. 840.

относятся к одному и тому же типу интенсивных неглоттализованных смычных, разница же в степени аспирации не является релевантным признаком. Исходя из этого положения, термин „придыхательный“ тоже излишен, т. к. он указывает не на релевантный, а на избыточный признак[1]. Консонантные системы дагестанских языков содержат следующие смыслоразличительные противопоставления: звонкий-незвонкий (глухой), глоттализованный-неглоттализованный, смычный-фрикативный и интенсивный-неинтенсивный. Первые три противопоставления имеются во всех дагестанских языках, четвертое же в большинстве. Для некоторых консонантных систем нехарактерна корреляция интенсивности (дидойская, урахинская, рутульская, удинская), в некоторых она распрсстраняется только на неглоттализованные смычные и спиранты (цудахарская, лакская, табасаранская и др.). Среди глоттализованных смычных данная корреляция имеет место в аварско-андийских языках и в арчинском.

Система согласных аварского языка

(по данным северного диалекта)

Звонкие		b	d	z	ž	g	γ	—	ω
Глухие смычные (неглотт.)	слабые	p	t	c	č	k	q⌜ə⌝	l'⌜ə⌝	
	сильные			cə	čə	kə			
Глоттализованные	слабые	—	ṭ	c̣	č̣	ḳ	q̣⌜ə⌝	ṭ'⌜ə⌝	
	сильные			c̣ə	č̣ə	ḳə			
Спиранты	слабые			s	š	x̄⌜ə⌝	x	l'	ḥ h
	сильные			sə	šə		xə	l'ə	

Сонорные: r, l, m, n

[1] Такая оценка лежит в основе схем Н. С. Трубецкого (см. его: KS, Stud. и др.), но мы в своих ранних работах, увлекшись фонетической характеристикой „преруптивных“, к которой примешивалась известная доля этимологизирования, пытались противопоставить „преруптивные“ согласные интенсивным глухим (см. Гигинейшвили. ЛК, Гигинейшвили. СВ и др.).

По вертикалям расположены локальные ряды в следующем порядке: билабиальный, дентальный, постдентальный, альвеолярный, передневелярный, увулярный, латеральный, фарингальный и ларингальный. Эта последовательность будет сохранена и при описании консонантных систем других языков. Среди „звонких“ представлены как смычные, так и фрикативные (щелевые). Это диктуется тем, что в серии звонких фонем противопоставление по признаку смычности-фрикативности не является релевантным: в одних локальных рядах звонкие реализуются как смычные, в других — как спиранты. В большинстве дагестанских языков наблюдается аналогичная картина.

Корреляция по признаку интенсивности имеет место только среди глухих фонем[1]. При этом, как точно подметил Н. С. Трубецкой, интенсивная артикуляция в аварском непременно связана со спирантным исходом согласного[2]. Следовательно, взрывные согласные не могут быть интенсивными. Там, где вместо оппозитивной пары имеется лишь одна фонема, которую с фонологической точки зрения следует рассматривать как нейтральную относительно признака интенсивности, мы ее обозначаем как сильную (интенсивную): x̄ə, qə, q̣ə, l'ə, tʻə. С одной стороны, мы избегаем излишнего усложнения транскрипционной системы, с другой — указываем на фонетическую сущность нейтральных фонем: *все указанные согласные артикулируются как интенсивные.*

В передневелярном ряду наблюдается особое положение: члены оппозитивных пар по признаку интенсивности (k—kə, k—kə) отличаются друг от друга еще и тем, что слабые (неинтенсивные) члены оппозиции являются взрывными, в то время как их сильные корреляты реализуются как аффрикаты. Спирантоидный характер интенсивных передневелярных был замечен еще П. Усларом, который их транскрибировал как kx и ẋ и считал сложными звуками, состоящими из взрывного и спиранта[3].

Ларингальный взрывной звук [’] не является самостоятельной фонемой в рассматриваемом диалекте. Он встречается только в позициях /# — V/ и /V — V/, т. е. обязательно перед глас-

---

[1] *Чикобава-Церцвадзе,* стр. 52.

[2] *Trubetzkoy.* KS, стр. 40.

[3] *Услар.* Авар., стр. 11—12.

ным. Поэтому он должен рассматриваться как твердый приступ последующего гласного. Гласный с твердым приступом является одним из аллофонов гласной фонемы того или иного тембра. Поэтому он не нуждается в специальном транскрипционном знаке[1]. Поскольку же ларингальный взрывной встречается лишь как фонетическая характеристика указанного гласного, то мы его не вносим в таблицу согласных фонем аварского (хунзахского типа) языка[2].

Для аварского очень характерна звуковая последовательность согласный +w. C+w единственная группа неслоговых звуков, которая встречается в анляуте, где по законам аварской комбинаторики недопустимы сочетания согласных. Это обстоятельство как будто должно склонить нас к монофонематической интерпретации данной звуковой последовательности. Однако, несмотря на это, Н. Трубецкой и Г. Деетерс, опираясь на транскрипцию П. Услара, считают более целесообразным рассматривать данную последовательность как группу фонем, исходя из того, что Cw перед гласными a и e воспринимается как Coa//Cua и Coj соответственно, т. е. как соединение простого согласного с дифтонгами wa и oj[3]. А. С. Чикобава и И. И. Церцвадзе также рассматривают последовательности типа Cw как две фонемы, как лабиализованные комплексы, аналогичные грузинским[4]. Бифонематическая квалификация оправдана, в ее пользу можно привести аргументы чисто фонологического характера. Но чем объяснить тот факт, что аварский язык допускает стечение C и w в анляуте, между тем как в этой позиции для аварского не характерно стечение согласных?

Согласно 4-му правилу Н. С. Трубецкого, в подобных случаях звуковой последовательности дается монофонематическая интерпретация[5]. По нашему мнению, прежде чем согласиться с монофонематической квалификацией звуковой группы C+w,

---

[1] Чикобава-Церцвадзе, стр 28; З. Л. Кикнадзе. Вокализм аварского языка. Тбилисский университет Георгию Ахвледиани (Юбилейный сборник). 1969, стр. 199, 201 (на грузинском языке).

[2] Срв. Чикобава-Церцвадзе, стр. 38.

[3] Trubetzkoy. KS, стр. 40; G. Deeters. Armenisch und kaukasische Sprachen. Leiden/Köln. [illegible], стр. 21.

[4] Чикобава-Церцвадзе, стр. 81.

[5] Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. Москва. 1960, стр. 66.

необходимо уточнить, является ли звуковая группа C+w последовательностью согласных звуков. Если это—последовательность согласных звуков, то она несомненно является реализацией одной фонемы (лабиализованной), если же C+w содержит фонемы разных классов, то нет необходимости в монофонематической интерпретации. Если рассмотреть дистрибуцию второго компонента звуковой группы C+w (т. е. w) сопоставительно с дистрибуцией фонетически близкого с ним гласного звука [u], обнаружится, что эти два сегмента (w и u) дополнительно распределены: w встречается в позициях — /# — V/, /V—V/, /C — V/ и /V — #/, а u — в позициях /# — C/, /C — C/ и /C — #/ (позиция /V — C/ одинаково нехарактерна для обоих). Это дает нам основание считать звуковые сегменты w и u аллофонами одной и той же сонантной фонемы, которая в зависимости от окружения реализуется то как слогообразующая, то как неслогообразующая. Аналогичное распределение звуковых сегментов j и i утверждает нас в том мнении, что в аварском языке, помимо гласных и согласных, имеется третий класс фонем—сонанты. Стало быть, звуковая последовательность C+w не является группой согласных звуков. По этой причине 4-ое правило Н. С. Трубецкого здесь нельзя применить в пользу монофонематической интерпретации C+w[1]. Однако наличие сонантов в языке, само по себе, еще не гарантирует бифонематичность звуковой группы, если оба члена данной группы не являются одинаково коммутабельными с другими звуковыми сегментами. В том диалекте, который является основой для литературного аварского языка и который мы рассматриваем, первый компонент лабиализованного звукового комплекса легко заменим (к примеру, в последовательности [kw] в слове ḳweze „мочь", заменив ḳ другими согласными звуками, получим вполне нормальные для аварского языка формы xᵊweze „умереть", qᵊweze „зарезать" и др.). Второй компонент может чередоваться в пределах одной морфемы с гласным звуком u. Например:

Инфинитив		Повелительное наклон.
c̡ᵊwize „цедить"	—	c̡ᵊuj „цеди!"
cwize „примыкать"	—	cuj „примыкай!"

[1] Срв. И. И. Церцвадзе. О природе лабиализованных комплексов в аварском и андийском языках. Труды ТГУ. В 3 (142), 1972, стр. 217—218.

Инфинитив		Повелительное наклон.
čᵊwize „макать“	—	čᵊuj „обмакни!“
ṭwize „плевать“	—	ṭuj „плюй!“
swize „разрезать“	—	suj „разрежь!“
		и т. п.[1]

Распределение w и u в приведенных примерах обусловлено позиционно. Следовательно, w является комбинаторным вариантом u. В таком случае (когда часть группы звуков может быть истолкована как комбинаторный вариант какой-либо фонемы языка) группа звуков не может рассматриваться в качестве реализации одной фонемы (согласно 6-му правилу Н. С. Трубецкого)[2]. Исходя из сказанного, звуковые последовательности типа C+w в аварском следует считать двумя фонемами. То же самое можно сказать об аналогичных звуковых группах андийских языков.

Чередование согласных в аварском не такое уж частое явление. Сравнительно четко вырисовывается альтернация m∼n (m заменяется n перед согласными и в конце слова): gamač „камень“ — g̣anči-ca (эрг. пад.), ṭamax́ „лист“ — ṭanx́i-ca (эрг. пад.), ωad̄amal „люди“ — ωad̄an „человек“, čarmica „сталь“ (эрг. пад.) — čaran (им. пад.), ʕumumul „отцы“ — emen (←*emem) „отец“, çᵊamul „соли“ (род. пад.) — çᵊan „соль“[3]. Указанное чередование имеет место в северном диалекте аварского языка. Данными именно этого диалекта мы ограничиваемся в настоящей работе.

Система согласных андийского языка

Звонкие		b	d	z	ž	g	γ	—
Глухие смычные (неглотт.)	слабые	p	t	c[ᵊ]	č	k	q[ᵊ]	l'[ᵊ]
	сильные				čᵊ	kᵊ		

---

[1] Т. Е. Гудава. К спряжению одного ряда глаголов (çᵊwize „выжимать“, kwine „есть“, „кушать“) в аварском языке. ИКЯ, т. XIX. Тбилиси. 1974, стр. 127.

[2] Н. С. Трубецкой. Основы фонологии, стр. 67.

[3] См. Услар. Авар., стр. 9; срв. Ш. И. Микаилов. Сравнительно-историческая фонетика аварских диалектов. Махачкала, 1958, стр. 103—105; также Г. И. Мадиева. Аварский язык: Языки народов СССР, IV, Иберийско-кавказские языки. Москва, 1967, стр. 257.

Глоттализо-ванные	слабые	— ṭ	c̣	č̣	ḳ		q̣	ṭ‘	
	сильные		c̣ə	č̣ə	ḳə		q̣ə	ṭ‘ə	
Спиранты	слабые		s	š		x[ə]	x	l‘	h
	сильные		sə	šə			xə	l‘ə	

Сонорные: r, l, m, n

В отличие от аварского, в андийском недостает слабого постдентального c (который встречается лишь в некоторых говорах[1], факультативно чередуясь с s) и фарингальных спирантов ω и ḥ, которые встречаются лишь в заимствованных словах, и то не во всех говорах[2]. В нашей таблице c, ω и ḥ отсутствуют, так как мы разделяем мнение, согласно которому они не характерны для андийской системы в целом[3].

Альвеолярная (шипящая) аффриката ǯ в андийском является факультативным вариантом фонемы /ž/.[4]

В андийском языке (мы опираемся на показания нижнеандийских говоров), в отличие от аварского, имеем глоттализованные фонемы /q̣/ и /ṭ‘/. Первая из них встречается в нижнеандийских говорах во всех позициях, кроме интервокальной (где она представлена вариантом [’], тогда как в верхнеандийских говорах—в виде озвонченной аффрикаты)[5]. /ṭ‘/ нижнеандийских говоров реализовано в верхнеандийских говорах как l, l‘ и ’ (соответственно в Анди, Гагатле и Зило)[6]. В остальном андийская консонантная система совпадает с аварской.

Представляет несомненный интерес тот факт, что в большинстве андийских говоров слово может оканчиваться лишь на гласные фонемы и на r, l, m, n, w, j, b, то есть слово не может иметь в конце шумный согласный, за исключением /b/. К тем же заимствованным словам, которые оканчиваются на

---

[1] И. И. Церцвадзе. Андийский язык. Тбилиси. 1965 (на груз. яз.), стр. 54—65; его же, Андийский язык: Языки народов СССР, IV, Москва, 1967, стр. 278.

[2] И. И. Церцвадзе. Андийский язык, Тбилиси. 1965 (на груз. яз.), стр. 34, 65; его же, Андийский язык: Языки народов СССР, IV, Москва, 1967, стр. 278.

[3] Trubetzkoy. KS. стр. 41; Гудава. КАЯ, стр. 6—7.

[4] Trubetzkoy. KS, стр. 42.

[5] И. И. Церцвадзе. Андийский язык, стр. 55—56

[6] Там же, стр. 47.

шумные (колхоз, купец, кирпич, аварск. gamušə „буйвол“, ɣal-baç „лев“ и др.), андийцы добавляют i: kolxozi „колхоз“, ku-pecəi „купец“, kerpeči „кирпич“, gamušəi „буйвол“, ɣalbaçi „лев“ и др.[1]

Система согласных ахвахского языка

Звонкие		b	d	z	ž	g	γ	—		ω
Глухие смычные (неглотт.)	слабые	p	t	c	č	k	q	l′		
	сильные			cə	čə		qə	l′ə		
Глоталлизованные	слабые	—	ṭ	c̣	č̣	ḳ	q̣	ṭ‘		
	сильные			c̣ə	č̣ə	ḳə	q̣ə	ṭ‘ə		
Спиранты	слабые			s	š	x[ə]	x	l‘	ḥ	h
	сильные			sə	šə		xə	l‘ə		

Сонорные: r, l, m, n

Корреляция по признаку интенсивности в ахвахском представлена полнее, чем в аварском и андийском (а также других дагестанских) языках. Во всех рядах спирантов и аффрикат (за исключением передневелярного) имеются как слабые, так и сильные корреляты. В североахвахском диалекте (на который мы опираемся при данном описании) засвидетельствована слабая глухая неглоттализованная латеральная аффриката[2], которая доводит число латеральных согласных до шести фонем, распадающихся на три коррелятивные пары (l‘ — l‘ə, l′ — l′ə и ṭ‘ — ṭ‘ə).

В остальном ахвахский не очень отличается от аварского и андийского, разве только тем, что передневелярные глухие смычные представлены единственной неглоттализованной фонемой, которая, являясь фонологически нейтральной (с точки зрения интенсивности), реализуется как слабая.

---

[1] И. И. Церцвадзе. Андийский язык, стр. 15—20.

[2] З. М. Магомедбекова. Вопросы фонетики ахвахского языка: ИКЯ, т. VII, Тбилиси. 1955, стр. 295—296. В последнее время для обозначения этой фонемы используют знак lᵛ (Гудава. КАЯ; З. М. Магомедбекова. Ахвахский язык. Тбилиси, 1967 и др.). Здесь мы в целях удобства пользуемся знаком l′, которым обычно передают интенсивный коррелят, а для интенсивного используем знак l′ə.

Последовательность C+w в ахвахском, так же как и в других аварско-андийских языках, квалифицируется как реализация двух фонем.

Слово в североахвахском диалекте имеет, как правило, гласный исход[1] (сюда входят и слоговые сонанты u и i), но в цегобском и тлянубском говорах оно может оканчиваться и на сонорные (r, l, m, n) и b[2], точно так же, как в андийском языке. С этим правилом связано чередование конечных корневых согласных с нулем (reše „год"—мн. ч. rešen-a, zama „время" — мн. ч. zaman-a, maq̣a „напев" — мн. ч. maçan-a), а также прибавление i к словам с согласным исходом ĭḳəoṭi „мышь"— мн. ч. ĭḳəoṭ-a, č̣uli „палка" — мн. ч. č̣ul-a, šari „лиса" — мн. ч. šar-a, ḳoli „сноп" — мн. ч. ḳol-a)[3].

Объединение четырех родственных корреляций (звонкости, глоттализации, смычности и интенсивности) образует семичленные коррелятивные пучки для сибилянтных и увулярного рядов и шестичленный — для латерального ряда:

```
  s — c — c̣        š — č — č̣        x — q — q̣      l‘ — l′ — ṭ‘
z<|   |   |      ž<|   |   |      γ<|   |   |      |          |
  sə — cə — c̣ə     šə — čə — č̣ə     xə — qə — q̣ə    l‘ə — l′ə — ṭ‘ə
```

Система согласных дидойского языка

Звонкие	b	d	z	ž	g	γ	—	ω	
Глухие смычные (неглоттализованные)	p	t	c	č	k	q	l′[ə]		
Глоттализованные	p̣	ṭ	c̣	č̣	ḳ	q̣	ṭ‘[ə]		ʼ
Спиранты			s	š	—	x	l‘	ḥ	h

Сонорные: r, l, m, n

Отсутствие корреляции интенсивности значительно упрощает дидойскую консонантную систему по сравнению с аварско-андийскими языками. Корреляции звонкости и смычности объединяются с корреляцией рекурсии (глоттализованность-неглотта-

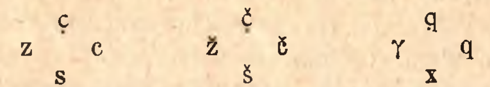
---

[1] З. М. Магомедбекова. Ахвахский язык, Тбилиси, 1967, стр. 20.

[2] Там же, стр. 24.

[3] Там же, стр. 46—48.

лизованность) и дают четверочленные пучки для сибилянтных и увулярного рядов:



Билабиальный, дентальный и передневелярный ряды дают трехчленные пучки: b ⁄ p ⁀ p̣ d ⁄ t ⁀ ṭ g ⁄ k ⁀ ḳ, так как в них отсутствует корреляция сближения (смычности-фрикативности). Остальные ряды дефектны.

По мнению Н. С. Трубецкого, в восточнокавказских языках имеются т. н. „эмфатически смягченные“ согласные, которые образуются с помощью поднятия гортани, вследствие чего получается специфическое хриплое звучание, происходящее от шума трения хряща[1].

Д. С. Имнайшвили и Э. А. Ломтадзе допускают в дидойском наличие „фарингализованных согласных“[2], которые по существу не что иное, как указанные Н. С. Трубецким „эмфатически смягченные“. Однако они не пытаются доказать фонематичность звуков, транскрибируемых ими как γ‘, q‘, q̣‘, x‘.

И. В. Мегрелидзе вышеуказанные звуки, которые он называет „дебелыми“, не считает фонемами[3].

Согласно Е. А. Бокареву, в дидойском языке имеются фарингализованные гласные, но не согласные[4]. К этому мнению присоединяемся и мы по следующим соображениям: 1) число „фарингализованных согласных“ ограничивается согласными заднего образования, в то время как фарингализованные гласные образуют стройную систему; 2) появление фарингализованных гласных в окружении согласных переднего образования, не имеющих т. н. „фарингализованных“ коррелятов, доказывает, что указанные гласные не зависят от окружения и, стало быть, — самостоятельные фонемы; 3) „фарингализованные“ же

---

[1] Trubetzkoy. KS, стр. 10—11.

[2] Имнайшвили. ДЯ, стр. 19—20; Э. А. Ломтадзе. Некоторые общие корневые элементы в иберийско-кавказских языках: ИКЯ, т. VII, 1955, стр. 423.

[3] И. В. Мегрелидзе. Из дидойской диалектологии. Труды Сталинирского пединститута. II. 1955, стр. 223—242.

[4] Бокарев. ЦЯД, стр. 176—179.

согласные, наоборот, можно рассматривать как комбинаторные варианты увулярных согласных (γ, q, q̣, x); появление этих вариантов обусловлено соседством фарингализованных гласных. Напр., слово γ'wa „собака“ следует понимать как последовательность из трех фонем, которая должна быть записана как /γwä/. Фонетическая запись будет такова [γ'wä].

Системы согласных даргинского языка

Здесь необходимо различать две разные системы. Одна из них представлена в диалектах урахинско акушинского типа, другая — в диалектах цудахарского типа.

А) Система согласных урахинского диалекта

Звонкие смычные	b	d	ʒ	ǯ	g	γ'		
Глухие смычные (неглотт.)	p	t	c	č	k	q		
Глоттализованные	p̣	ṭ	c̣	č̣	ḳ	q̣		’
Звонкие спиранты			z	ž	γ̄	γ	ω	
Глухие спиранты			s	š	x̄	x	ḥ	h

Сонорные: r, l, m n

Характерной особенностью данной системы, в отличие от уже рассмотренных, является противопоставление по признаку сближения (т. е. смычности-фрикативности) в серии звонких фонем (ʒ — z, ǯ — ž, γ' — γ, g — γ̄). Это противопоставление не распространяется на лабиальный и дентальный ряды.

Корреляция интенсивности отсутствует. Латеральных шумных фонем в даргинском нет.

Звонкая увулярная аффриката γ' квалифицировалась по-разному: П. Услар транскрибирует ее как k̆[1] и, по-видимому, считает глухой интенсивной. Н. С. Трубецкой придерживается того же мнения[2]. Ш. Г. Гаприндашвили, экспериментально изучив ее, заключает: „...аффриката kъ в произношении кебахмулебкинца имеет глухую смычку, но звонкий взрыв. Ее можно

---

[1] Услар. Хюрк.

[2] Trubetzkoy. KS, стр. 36.

отнести к группе неполноценных звонких, озвонченных согласных"[1]. А. А. Магометов определяет урахинскую ɣ' именно как звонкую фарингальную смычную, а не интенсивную глухую[2]. Эта последняя квалификация нам кажется точнее других, так как она исходит из всей системы урахинского диалекта, для которого не характерны интенсивные согласные, но свойственны звонкие аффрикаты.

В урахинском диалекте П. К. Усларом замечен звук vᵊ[3] который „отличается от b только малой энергичностью артикуляционной смычки губ"[4]. Л. И. Жирков полагает, что vᵊ и v не противопоставляются друг другу как две разные фонемы[5]. В действительности же vᵊ является факультативным вариантом фонемы /b/ и противопоставляется v контрастно.

Урахинские глухие аффрикаты и спиранты, являясь фонологически нейтральными с точки зрения интенсивности, реализуются как средние между слабыми и сильными по сравнению с соответствующими аварскими фонемами.

Одна из сложнейших проблем — квалификация последовательности Cw — в даргинском языке возникает с еще большей настоятельностью, так как данное звукосочетание характеризуется высокой частотностью. Н. С. Трубецкой выделяет три случая: а) когда последовательность Cw восходит к правосточно-кавказским лабиализованным согласным; б) когда она получена из сочетания „эмфатически смягченного" согласного с гласным u; в) когда она сводится к сочетанию u+a. В первых двух случаях он рекомендует обозначать указанную последовательность символом C° (т. е. дает ей монофонематическую интерпретацию), в третьем же случае — двумя буквами (C+w), считая её тем самым реализацией двух фонем[6]. Большинство специалистов отстаивает монофонематическую квалификацию[7]. Если

---

[1] Гаприндашвили ФДЯ, стр. 157.

[2] А. А. Магометов. Кубачинский язык. Тбилиси, 1963, стр. 47.

[3] Услар. Хюрк., стр. 8—9.

[4] Гаприндашвили. ФДЯ, стр. 106.

[5] Л. И. Жирков. Грамматика даргинского языка. Москва, 1926, стр. 7.

[6] Trubetzkoy. KS, стр. 37—38.

[7] А. А. Магометов. Лабиализованные звуки в даргинском языке. ИКЯ, т. V, Тбилиси, 1953; Ш. Г. Гаприндашвили. О природе лабиализации в некоторых иберийско-кавказских языках. ИКЯ, т. VII, Тб., 1955 и др.

исходить из сонантической природы фонемы /w/, целесообразнее все три случая свести к одному и сочетание C+w рассматривать как реализацию фонемной группы, как считал П. Услар. Дело в том, что мы имеем возможность проиллюстрировать чередование w ~ u на довольно большом количестве примеров. Приведем некоторые: ḥu „ты“ — ḥw-al „ты один“ (← *ḥu-al), ḥuli „глаз“ — род. пад. ḥwā (← *ḥua ← *ḥulla)[1], kuc̣ul „ложка“ — род. пад. kuc̣wā (← *kuc̣ua ← *kuc̣ulla), urcul „дрова“ — род. пад. urcwā (← *urcua ← *urculla), ḥuni „дорога“—род. пад. ḥwā (← *ḥunna), γʿuγʿu „гром“—род. пад. γʿuγʿwā (← *γʿuγʿua ← ← *γʿuγʿula) и т. д.

Таким образом, последовательность C+w удобнее понимать как реализацию двух фонем, но поскольку „лабиальные комплексы“ являются очень характерными для даргинского языка, как и для дагестанских языков вообще, их можно считать своего рода гармоничными группами. Члены таких групп не только имеют одновременный приступ, но, помимо этого, лабиальный компонент вместе с основным согласным образует гомогенную последовательность: с звонким согласным он является звонким, с глухим же — глухим[2].

Б) Консонантная система диалектов цудахарского типа

Звонкие		b	d	z	ž	g	γ	ω	
Глухие смычные (неглотт.)	слабые	p	t	c	č	k	q		
	сильные	pə	tə	cə	čə	kə	qə		
Глоттализованные		p̣	ṭ	c̣	č̣	ḳ	q̣		'
Спиранты	слабые			s	š	x́	x	ḥ	h
	сильные			sə	šə	x́ə	xə		

Сонорные: r, l, m, n

---

[1] Выпадение комплексов ll и nn характерно для урахинского диалекта не только между u и a, но вообще в интервокальном положении. Если в результате выпадения встречаются гласные i и a, они реализуются в виде долгого ē (gili „скот“ — род. пад. gē ← *gia ← *gilla), a и a дают ā (dux́ala „крыло“—род. п. dux́ā ← *dux́aa ← *dux́alla) и т. д. Эта закономерность установлена П. Усларом (см. Услар. Хюрк., стр. 22).

[2] Ш. Г. Гаприндашвили. О природе лабиализации..., стр. 240—242.

Корреляция интенсивности наличествует только в неглоттализованных смычных и фрикативных фонемах. Противопоставление по сближению (смычности) отсутствует в серии звонких. Лабиальные звуковые последовательности типа С+w в диалектах цудахарского типа квалифицируются так же, как и в диалектах урахинско-акушинского типа, т. е. как двухфонемные группы.

Противопоставление по признаку интенсивности нейтрализуется перед согласными и в конце слова. В качестве представителей архифонем выступают неинтенсивные корреляты.

Система согласных лакского языка

Система согласных лакского языка почти полностью совпадает с консонантной системой даргинских диалектов цудахарского типа. Мы опираемся в основном на данные кумухского говора, легшего в основу лакского литературного языка, учитывая одновременно и показания других говоров.

Звонкие		b	d	z	ž	g	γ		
Глухие смычные (неглотт.)	слабые	p	t	c	č	k	q		
	сильные	pə	tə	cə	čə	kə	qə		
Глоттализованные		p̣	ṭ	c̣	č̣	ḳ	q̣		'
Спиранты	слабые			s	š	x́	x[ə]	ḥ	h
	сильные			sə	šə	x́ə			

Сонорные: r, l, m, n

По сравнению с системой Б даргинского языка здесь отсутствует звонкий фарингальный спирант, который имеется в вицхинском говоре. Однако фонематичность этого звука вообще сомнительна. Смычно-гортанный билабиальный p̣ попадается в основном в звукоподражательных словах (p̣ilc̣u „искра“, p̣a „блеск“. p̣ärp̣är ṭun „болтать без умолку“, p̣arx „треск“), реже— в заимствованных (p̣ap̣irus „папироса“, p̣urṭixal „апельсин“), очень редко — в исконных (čap̣i „лист“).

Н. С. Трубецкой отмечает, что слабое (неинтенсивное) x перед гласными встречается только в заимствованных словах[1].

---

[1] Trubetzkoy. KS, стр. 32.

К. Боуда еще более сузил дистрибуцию [x] и заключил, что в коренных лакских словах он вообще не встречается[1].

Если исключить заимствованные слова, сегменты [x] и [xᵊ] окажутся по отношению друг к другу в дополнительной дистрибуции: [xᵊ] представлен только перед гласными, [x] же — в остальных позициях (сильные спиранты перед согласными и в ауслауте реализуются как слабые). Так что [x] и [xᵊ] придется объединить в одну фонему. Условно обозначим ее как /xᵊ/.

В лакском, так же как и в даргинском Б, имеются глухие интенсивные смычные фонемы, фонетически совершенно тождественные даргинским. Корреляция интенсивности, как и в пудахарском, налицо только в глухих неглоттализованных смычных и спирантах.

Корреляция по т. н. „эмфатической смягченности" согласных, вопреки утверждению Н. Трубецкого[2], отсутствует. На самом деле такой акустический эффект создается влиянием соседних фарингализованных гласных. Например, слово „теленок" (записанное П. Усларом как bjarč[3]) надо записать фонематически не как /bʹarč/, а как /barč/. Также: /bar/ „озеро" (а не /bʹar/), /qüru/ „горох" (а не /qʹuru/) и т. д.

Корреляция лабиализации также отсутствует, поскольку „лабиализованные согласные" (или — лабиальные комплексы) не образуют оппозиции с нелабиализованными. Передневелярные согласные в позиции перед a и i, как указывает Н. Трубецкой, всегда огублены[4]. Это не совсем точно: перед a и i лабиальные комплексы gw, kw, kᵊw, k̠w факультативно могут заменяться простыми g, k, kᵊ, k̠: lagwan//lagan „пойти", dukwan//dukan „есть", „кушать", bikwan//bikan „быть", laxʹᵊwin//laxʹᵊin „учиться" и т. д. В остальных позициях встречаются нелабиализованные варианты. Поскольку w в этой последовательности не может рассматриваться как комбинаторный вариант какой-либо фонемы (так как после передневелярных чередование w ~ u не наблюдается) и поскольку замена w нулем не ведет к изменению смысла слова перед гласными a и i, вы-

---

[1] K. Bouda. Lakkische Studien. Heidelberg, 1949, стр. 8.

[2] Trubetzkoy. KS, стр. 34.

[3] П. Услар. Лак., стр. 253.

[4] Trubetzkoy. KS, стр. 33.

ходит, что один из двух элементов звуковой группы несет ту же информацию, что и группа в целом (напр. g=gw); в этом случае мы имеем дело с неразложимой фонологической единицей, которая может реализоваться двояко. Если мы постараемся заменить w другой фонемой (скажем, l: lagwan/lagan „идти"— laglan „ходить"), это будет добавлением нового элемента, а не заменой[1]. Таким образом, g° и g два варианта одной и той же фонемы /g/, которая в определенных позициях может произноситься и как g°.

Г. Деетерс в качестве доказательства релевантности противопоставления по лабиализации приводит якобы „минимальные пары": c̣u „огонь" — c̣°u „соль", čəan „нога"—čəwan „хотеть"[2]. Фактически же эти примеры не являются минимальными парами. Как мы уже указывали, перед u появление лабиализованного согласного недопустимо, исходя из комбинаторики лакского языка; так что *c̣°u не есть реальная форма[3]. В слове же со значением „хотеть" допускается свободное варьирование čəwan// čəan. Аналогичная картина и в слове čwal/čal „лошади" (род. пад.). Более интересна форма родительного падежа c̣wil „соли" (от c̣u „соль"), в которой корневое u чередуется с w. Таким образом, здесь мы имеем дело с реализацией двух фонем в отличие от случая čəwan//čəan, где имеет место свободное варьирование.

Для лакского языка характерно чередование согласных шипящего ряда с передневелярными[4], что является отражением имеющей место в истории лакского языка палатализации передневелярных перед гласными a и i[5]; например: γaža „печень" — γag-lu l (род. пад.), uč in „сказать" — uk-l-an (длит. вид), uc̣-an „прийти" — uwk-un-ni „пришел (он)", bačə-in „ис-

---

[1] См. A. Martinet. Un ou deux phonèmes?... стр. 118.

[2] G. Deeters, G. R Solta, V. Inglisian. Armenisch und kaukasische Sprachen. Leiden/Köln. 1963, стр. 21.

[3] Интересно, что у С. М. Хайдакова слово со значением „соль" приводится в виде c̣°u (см. его „Лакско-русский словарь", Москва, 1962 г.), а у Г. Б. Муркелинского как c̣u (см. его „Русско-лакский словарь". Махачкала, 1953 г.).

[4] Услар. Лак., стр. 6—7.

[5] Troubetzkoy. CL, стр. 191; Гигинейшвили. ЛВС.

кривиться" — bowkə-un-ni (прош. вр.), cuša „медведь" — cux́-ri (мн. ч.), lašə-an „уподобиться" — lowx́əu-səa „похожий" и т. д.

В вихлинском диалекте шипящие согласные в позиции перед w заменены соответствующими свистящими[1].

Система согласных арчинского языка

Звонкие		b	d	z	ž	g	γ	
Глухие смычные (неглотт.)	слабые	p	t	c	č	k	q⌈ə⌉	l'⌈ə⌉[2]
	сильные		tə			kə		
Глоттализованные	слабые	—	ṭ	c̣	č̣	ḳ	q̣	ṭ'⌈ə⌉[2]
	сильные			c̣ə	č̣ə		q̣ə	
Спиранты	слабые			s	š	—	x	l'
	сильные			sə	šə	—	xə	l'ə

Сонорные: r, l, m, n

Лабиальный ряд является дефектным: отсутствует абруптивный p̣, который в коренных словах совершенно не встречается, и глухой интенсивный pə, который представляет собой комбинаторный вариант фонемы /b/ на стыке морфем при встрече суффиксального b с каким-либо согласным того же ряда. В качестве примера можно привести: l'ipəu „три" ← *l'ib-bu (III гр. класс), срв. формы других грамматических классов того же слова: l'ib-ṭu (IV гр. кл.), l'iba-wu (I гр. кл.)[3]; zapəos „позвать" (← *zab-bos; срв. пов. накл. zaba „иди!")[4] и т. д. Интересно, что передача сдвоенного bb звуком pə характерна для арчинского и в заимствованных словах (apəas „20 коп." ← перс. abbas).

Остальные ряды взрывных представлены четырьмя членами (звонкий, глухой интенсивный, глухой неинтенсивный и глоттализованный). Глухие сильные tə и kə, хотя и имеют весьма ограниченную дистрибуцию (встречаются лишь в инлауте: ин-

[1] Г. Б. Муркелинский. Краткие сведения о вихлинском диалекте лакского языка: ЯД, вып. I, Махачкала, 1948, стр. 91—92.

[2] q̣ə, l'ə и ṭ'ə, являясь фонологически нейтральными по отношению к признаку интенсивности, реализуются как интенсивные. Здесь транскрипция отражает фонетическую сущность указанных фонем.

[3] Дирр. Арч., стр. 2.

[4] К. Ш. Микаилов. Арчинский язык. Махачкала, 1967, стр. 25.

тервокальном положении, а также между согласным и гласным), тем не менее являются самостоятельными фонемами: в интервокальной позиции им противопоставляются другие согласные соответствующего ряда (звонкие, неинтенсивные глухие и глоттализованные).

Корреляция интенсивности наличествует в серии взрывных, спирантов и абруптивных аффрикат. По этому поводу имеются разногласия: часть специалистов считает, что корреляция интенсивности в сибилянтных рядах имеется в серии неглоттализованных, но не глоттализованных. Н. С. Трубецкой[1], а вслед за ним К. Ш. Микаилов[2] предполагают наличие сильной шипящей аффрикаты čә, что не подтверждается фактами. Ошибка Н. С. Трубецкого объясняется неудобной транскрипцией А. Дирра, на работу которого Н. Трубецкой опирался (А. Дирр сильное čә передает знаком ч̱[3], в котором Н. Трубецкой усмотрел долгое č). К. Ш. Микаилов принимает за самостоятельные фонемы сильные варианты фонем /c/ и /č/, появляющиеся в интервокальной позиции[4]. О первой из них Н. Трубецкой справедливо замечает, что она с фонологической точки зрения нейтральна по отношению к признаку интенсивности. В анляуте, ауслауте и перед согласными она реализуется как слабая (mac „язык", bac „месяц", „луна", cal „перо", cor „моча"), в инлауте же после гласного как долгая (геминированная)[5]. Определение нуждается в уточнении: сильный вариант появляется только в инлауте перед гласными.

Что касается противопоставления по интенсивности в серии глоттализованных, его можно иллюстрировать следующими примерами: ac̣-as „наполнять" — ac̣ә-is „болеть" („частично-минимальная" пара), ɗiq̇ „суп", „навар" — ɗiq̇ә „пепел", „зола". Минимальных пар для иллюстрации противопоставления /č̣/ и /č̣ә/ нет, но они могут встречаться в совершенно одинаковом окружении, т. е. находятся в отношении контраста между собой.

Арчинский — единственный язык, не относящийся к аварско-андо-дидойской группе, который располагает специфически-

[1] Trubetzkoy. KS, стр. 43.
[2] К. Ш. Микаилов. Арчинский язык... стр. 33.
[3] Дирр. Арч., стр, 196.
[4] К. Ш. Микаилов. Арчинский язык... стр. 33.
[5] Trubetzkoy. KS, стр. 43.

ми латеральными согласными. Серия аффрикат представлена двумя латеральными фонемами: глухой неглоттализованной /l'ə/[1] и глоттализованной /t'ə/. С точки зрения интенсивности они обе нейтральны, но фонетически реализуются как сильные. Глоттализованное /t'ə/ представлено двумя аллофонами: звонким латеральным спирантом [ł] в позиции перед /d/ и глоттализованной аффрикатой [t'ə] — во всех остальных позициях. Примеры: not'ə „дом" — noł-dur (мн. ч.), nat'ə et'əi „посинел" — nał-dut „синий", „голубой", t'ət'əə bos „искривить" — t'əł-dut „кривой" и др.[2] Латеральные спиранты представлены парой l' — l'ə, члены которой противопоставлены друг другу по признаку интенсивности.

Н. Трубецкой отмечает наличие особых лабиализованных фонем в передневелярном, увулярном, латеральном и шипящем рядах, а также фонему s° из свистящего ряда. Для иллюстрации релевантности противопоставления по лабиализации он приводит несколько минимальных пар: q°al „вымя" — qal „кожица", „скорлупа", x°al „коса" (волос) — xal „нора", x°an „теневая сторона" — xan „чётки", x°ara „веселый" — xara „дорогой", x°el „серый" — xel „дождь"[3]. Корреляция лабиализации, по мнению Н. Трубецкого, используется также в морфологии, где I гр. класс представлен формами, в которых корневой согласный лабиализован, в отличие от форм других грамматических классов: k°-es (I гр. кл.) — k-es (IV гр. кл.) „быть", xə°-es (I гр. кл.) — xə-es (IV гр. класс) „носить" и т. д.[4]

Подобные аргументы вряд ли годятся для доказательства монофонематичности звуковых последовательностей C + w. Глагольные формы доказывают скорее обратное: w является морфемой I грамматического класса, которая следует за корне-

---

[1] Н. Трубецкой по ошибке вместо глухой неглоттализованной аффрикаты в арчинском предполагает наличие звонкого латерального спиранта (Troubetzkoy. CL, стр. 42). Это объясняется тем, что Н. С. Трубецкой пользовался материалами А. Дирра, у которого имеются ошибки при обозначении латеральных фонем. Подробно об этом см. О. И. Кахадзе. Некоторые замечания по поводу латеральных согласных, ИКЯ, т. XI, Тбилиси, 1959, стр. 307, 307, 312.

[2] К. Ш. Микаилов. Арчинский язык... стр. 28.

[3] Trubetzkoy. KS, стр. 44.

[4] Там же.

вым согласным; если же корень состоит из двух и больше фонем, то вставляется между первым корневым согласным и следующей за ним фонемой. Если w попадает перед r, то реализуется как слоговой вариант сонанта /w/. Например: ďa-kr-as (II гр. класс) „брать с собой“, IV гр. кл.: kr-as, I гр. кл.: kur-as (← *kwr-as)[1].

Поскольку в глаголах последовательность C+w явно является фонемной группой, из которой один компонент является инфиксом грамматического класса, то с точки зрения простоты описания все звуковые группы типа C+w (и те, которые встречаются в именных формах) удобнее считать двумя фонемами, а не особыми лабиализованными. Это тем более оправдано, что компоненты звуковых последовательностей встречаются также и вне этой комбинации.

Из чередований согласных наиболее интересны:

1) альтернация сильных глоттализованных аффрикат с звонкими: c̣ə ~ z, č̣ə ~ ž, q̣ə ~ γ, при которой звонкие наличествуют перед d, глоттализованные же — в остальных позициях: marc̣ə-as „чистить“—marz-dut „чистый“, ȯrč̣əuši „направо“ — ȯrž-dut „правый“, iq̣əwši „тяжело“ — iγ-dut „тяжелый“, tuq̣ə kes „сгуститься“ — tuγ-dut „густой“[2] и т. д.

2) альтернация неглоттализованных глухих аффрикат с глухими спирантами (перед t выступают спиранты); c ~ s, č ~ š: gwaci „кобыла“ — gwas-tu (мн. ч.), gwači „собака“ — gwaš-tu (мн. ч.)[3].

Система согласных лезгинского языка
(по данным кюринского диалекта)

Звонкие смычные		b	d	ʒ	ǯ	g	—	
Глухие смычные (неглотт.)	слабые	p	t	c	č	k	q	
	сильные	pə	tə	cə	čə	kə	qə	
Глоттализованные		ṗ	ṭ	c̣	č̣	ḳ	q̣	'

---

[1] К. Ш. Микаилов, Арчинский язык, стр. 110.

[2] К. Ш. Микаилов считает, что со звонкими чередуются вообще глоттализованные аффрикаты, не оговаривая при этом, что со слабыми этого не бывает: К. Ш. Микаилов. Арчинский язык.. стр. 36.

[3] К. Ш. Микаилов, указанная работа, стр. 37.

Звонкие спиранты			z	ž	γʼ	γ	
Глухие спиранты	f		s	š	xʼ	x	h

Сонорные: r, l, m, n

Корреляция по смычности-фрикативности охватывает и звонкие согласные: в конечной позиции после гласной фонемы ʒ, ǯ, g могут противопоставляться z, ž, γʼ. Корреляция интенсивности налицо только в неглоттализованных смычных: p — pə, t — tə, k — kə, c — cə, č — čə, q — qə. Фонема /f/ характеризует систему как собственно лезгинского языка, так и большинства представителей лезгинской группы. ω и ḥ не встречаются в собственно лезгинских словах.

Звуковая последовательность C+w встречается в велярном, увулярном и альвеолярном (шипящем) рядах. Н. С. Трубецкой квалифицирует ее как единую фонему и приводит в качестве доказательства минимальные пары[1]. Тот факт, что звуковая последовательность C+w может контрастно противопоставляться нелабиализованному согласному того же ряда, не вызывает сомнения. Суть в том, как квалифицировать это противопоставление: как противопоставление группы фонем одной фонеме или же как оппозицию между лабиализованной и нелабиализованной фонемами. В пользу бифонематической интерпретации C+w говорит то, что компоненты группы звуков [Cw] могут встречаться вне указанной комбинации во всех тех окружениях, в которых встречается [C+w]. Разумеется, можно привести аргументы и в пользу монофонематической интерпретации, но мы придерживаемся первого решения, поскольку оно дает возможность более простого и экономного описания лезгинской консонантной системы.

В соседстве с узкими гласными группа фонем /C+w/ реализуется как [C][2]. Подобные случаи следует расценивать как автоматическое чередование w с нулем в позициях V(i, u, ü)C—# и C—V(i, u, ü).

Чередование согласных занимает значительное место в лезгинской морфонологии. В лезгинском сохранена древнейшая

[1] Trubetzkoy. KS, стр. 24.

[2] Trubetzkoy. KS, стр. 24; его же: Основы фонологии. М., 1960, стр. 259.

система альтернаций, комбинаторный характер которых ныне несколько завуалирован. Однако восстановить древнейшую модель вполне возможно. Одним из важнейших факторов, обусловливающих альтернации, являлось ударение. Целью исследовать лезгинское ударение, его характер, место задался известный кавказовед Л. И. Жирков. Он сформулировал следующие законы лезгинского ударения: 1) ударение падает на второй слог слова от начала; 2) ударение не может падать на известные аффиксы словоизменения и словообразования (-da локатива и -da „общего времени", аффикс -bur мн. числа, аффиксы -na, -ra, -ja прошедшего времени, аффиксы деепричастий: -la, -q, -di, аффиксы эргатива: -di, -ni, на форматив условных форм глагола -ta, вспомогательный глагол x̃un, окончание инфинитива -un); 3) ударение может падать на формативы множественного числа -ar, -er[1].

Надо сказать, что никакой закономерности в определении места ударения автор, к сожалению, не обнаружил. Законы, сформулированные автором, противоречат друг другу: второй закон исключает первый, так как, если ударение не может падать на некоторые аффиксы (перечисленные выше), то образованные посредством этих аффиксов двусложные формы будут нести ударение на первом от начала слоге, а не на втором, как гласит первый закон (baγ „сад" — эрг. п. báγ-di, təim „человек"—эрг. təím-di, tal „узел" — эрг. п. tál-di, tə-ún „вложить", „всыпать" — прошедшее время təú-na, γ̃-ún „дать" — прошедшее время γ̃ána и др.). Вся суть в том, что Л. И. Жирков смешивает причину со следствием. То, что в некоторых случаях ударение не падает на перечисленные им аффиксы, вызвано не тем, что они в принципе не могут носить на себе ударения, а тем, что в лезгинском нет фиксированного ударения, которое обязательно падало бы на второй слог[2] (согласно первому закону автора).

Если бы Л. И. Жирков учел те изменения согласных в лезгинском, которые связаны с перемещением ударения на сле-

---

[1] Л. И. Жирков. Законы лезгинского ударения: „Язык и мышление", X. М—Л., 1940, стр. 109—110.

[2] Этот факт отмечен П. Усларом, который пишет: „Ударение в кюринском падает на разные слоги". Услар. Кюр., стр. 19.

дующий слог, ему стало бы ясно, что показатель эргатива {-di} вполне может принять ударение, только в этом случае он автоматически дает алломорфу /-cəi/ (промежуточным звеном являлось, по-видимому, /-*təi/). Б. Б. Талибов убедительно доказал, что /-cəi/ является вариантом /-di/ при условии, если гласный i ударный[1].

Законы Л. И. Жиркова имеют такое большое количество исключений, что автору приходится прибегать к разным сложным и запутанным объяснениям. По его мнению, „лезгинское ударение выделяет основы-корни не из состава слова, а из всего комплекса речи. Во всем потоке контекста речи акцентуационные вершины совпадают как раз с реальными семами-основами, несущими в себе главнейшее содержание речи, и слабыми в акцентуационном смысле промежутками являются чисто формальные семы словоизменения, устанавливающие в предложении синтаксические связи реальных сил“[2].

Таким образом, автор ищет не объективные критерии, обусловливающие динамичность лезгинского ударения, а исходит из туманных постулатов о „семах-основах“, не совпадающих ни с основами, ни с корнями в общепринятом понимании этих терминов. Надо воздать автору должное, когда он говорит: „Такое использование ударения, какое мы наблюдаем (разрядка наша — Б. Г.) в лезгинском языке, представляет чрезвычайно редкое ...явление“[3]. Действительно, жирковская интерпретация лезгинской акцентуации настолько нереальна и противоречива, что вряд ли может найти параллели в языковом мире.

Чередования согласных в лезгинском связаны с местом ударения, характером второго корневого согласного и тембром корневого гласного. В лезгинском наблюдаются в основном следующие типы чередования: 1) звонкий ~ глухой интенсивный; 2) интенсивный (глухой) ~ неинтенсивный; 3) звонкий ~ глоттализованный; 4) неинтенсивный (глухой) ~ глоттализованный. Неинтенсивный глухой смычный реализуется как придыхательный, но этот признак для него не является релевантным.

---

[1] Талибов. ФП. стр. 129—130.

[2] Л. И. Жирков. Указанная работа, стр. 111.

[3] Там же.

Вопросам чередований согласных в лезгинском уделено должное внимание в научной литературе. В трудах Н. С. Трубецкого[1], Е. А. Бокарева[2], Б. Б. Талибова[3] и других имеются серьезные попытки к окончательному решению проблемы — объяснению механизма указанных альтернаций. Н. С. Трубецкой сформулировал следующие правила: 1) перед глухими согласными глухой интенсивный смычный заменяется неинтенсивным (слабым) коррелятом; 2) после глухих согласных глухой неинтенсивный смычный заменяется интенсивным; 3) в конце слова и перед заударной гласной глухой интенсивный смычный переходит в неинтенсивный; 4) если слово начинается глоттализованной фонемой, следующий за ней слог не может начинаться интенсивным смычным (недопустимо ÇVCəV). Сформулированные Н. Трубецким правила[4] охватывают только первые два типа чередований, к тому же в первых двух формулах не учитывается место ударения, что делает их непригодными. Из правил Н. Трубецкого действительно ценно лишь четвертое.

Е. А. Бокарев разбирает лишь первый тип чередований, объясняя переход звонких в глухие интенсивные смычные интервокальной и анлаутной позициями[5], не учитывая место ударения.

Б. Б. Талибов, изучив все типы чередований, приходит к следующим заключениям: 1) звонкие переходят в глухие интенсивные в интервокальном положении[6]; 2) перемещение ударения на конечный слог вызывает редукцию предшествующего гласного и во избежание стечения двух глоттализованных один из них превращаетя в глухой неинтенсивный (придыхательный)[7]; 3) в таких словах, где

[1] Trubetzkoy. KS, стр. 22.
[2] Бокарев. Введ, стр. 93.
[3] Талибов. ФП.
[4] Trubetzkoy. KS, стр. 22.
[5] Бокарев. Введ., стр. 93.
[6] Талибов. ФП, стр. 119—122.
[7] Там же, стр. 120.

оглушение звонких в интенсивные смычные происходит не в интервокальной позиции (qəib „лягушка“ — эрг. пад. qipə-ré), оно объясняется соприкосновением двух звонких[1]; 4) конечные неинтенсивные глухие переходят в интенсивные в интервокальном положении, а также в позиции r—V[2]; 5) начальный глоттализованный переходит в глухой смычный (неглоттализованный) вследствие стечения двух глоттализованных, что вызвано редукцией корневого гласного (kaḳ „переулок“ — эрг. п. kḳa←*ḳḳa); происходит диссимиляция[3]; 6) начальный интенсивный смычный переходит в неинтенсивный в позиции перед ударным слогом (qəib „яичный желток“ — эрг. п. qipə-í).

Б. Б. Талибов точно уловил диссимилятивный фактор в ряде случаев, а также роль ударения.

Но, пользуясь материалом литературного лезгинского, Б. Б. Талибов не счел нужным обратить внимание на качество гласных, которые в кюринском разделяют корневые согласные. Кроме того, от Б. Б. Талибова ускользнуло то обстоятельство, что некоторые „вторичные“ альтернации выводимы из основных. Вследствие того, что ударение, несочетаемость определенных согласных и степень открытости корневого гласного не были осмыслены Б. Б. Талибовым комплексно, не получилось единой модели, объясняющей все типы альтернации. Целью именно комплексного осмысления всех перечисленных факторов (с учетом уже достигнутого в этой области) задалась выпускница факультета кибернетики Тбилисского государственного университета Т. Д. Напетваридзе. Работая под нашим руководством над дипломной работой, она сформулировала следующие правила[4]:

1) звонкий заменяется интенсивным смычным перед ударным гласным (jab „ухо“ — эрг. п. japəú, rad „кишка“ — эрг. п. ratə-úni, naγw „слеза“ — эрг. п. naqəw-ādi, legw „корыто“ — эрг. п. lekəw-é);

[1] Талибов. ФП, стр. 122.

[2] Там же, стр. 122—124.

[3] Там же, стр. 125—126.

[4] Т. Д. Напетваридзе. Чередования согласных в лезгинском языке (дипломная работа), 1970.

2) находясь непосредственно после ударного гласного, интенсивный смычный озвончается (cə-un „пахать“ — пов. cəuʒ! tə-un „положить в...“ пов. təud! ← ← *təutə! и т. д.)[1]; чередование неинтенсивного неглоттализованного глухого смычного с глоттализованным также зависит от перемещения ударения за вторым согласным корня (met „колено“ — эрг. п. meṭ-í, wak „свинья“ — эрг. п. waḳ-í, nik „поле“ — эрг. п. niḳ-í);

3) если слово начинается с глоттализованного согласного, то вторым корневым согласным не может быть интенсивный неглоттализованный смычный (Trubetzkoy. KS, стр. 22);

4) две согласные фонемы одной и той же серии, если они разделены безударным узким гласным, недопустимы[2] (иначе говоря, структуры ÇV$_{(i, u, ü)}$ÇV́, CəV$_{(i, u, ü)}$CəV́, C^{h}V$_{(i, u, ü)}$C^{h}V́ и т. д. недопустимы); например: ÇV$_{(i, u, ü)}$ÇV́ → C^{h}V$_{(i, u, ü)}$ÇV́: c̣ic̣ „кузнечик“ эрг. п. cic̣-ré (← *c̣ic̣ré), q̣üč „подмышки“ — эрг. п. qüc̣ú (← *q̣üč-ú) и т. д. C^{h}V$_{(i, u, ü)}$C^{h}V́ → C^{h}V$_{(i, u, ü)}$CəV́: kek „ноготь“ — эрг. п. kikəé (← *kiké), qurq „кусок овечьей шкуры“ — эрг. п qurqəúni, kač „сука“ — эрг. п. kičəá (← *kič-á) и др. Тем не менее вполне допустимы две согласные фонемы одной и той же серии, разделенные гласными a, e: qəacəú „зеленый“, cəekəré „муравей“ (эрг. п.), pəapəá „женщина“, cəatəú „кузня“ (эрг. п.) и др.

Остальные чередования выводятся из вышеприведенных. Так, например, в определенных случаях чередование звонкий ~ глоттализованный сводится к чередованию звонкий ~ интенсивный (неглотт.) смычный. Это имеет место в тех случаях, когда первым корневым согласным является глоттализованный, вторым же — звонкий. Слово q̣eb „люлька“ в эрг. падеже должно дать форму *q̣epəíni (чередование звонкого с интенсивным глухим), но такая последовательность ÇVCə), согласно четвертому закону Н. С. Трубецкого, недо-

---

[1] Гигинейшвили. ЗА, стр. 204.

[2] Имеются в виду случаи, когда разъединяющий гласный находится в предударном слоге.

пустима[1]. Поэтому она автоматически изменяется в последовательность CVC̣ и дает форму q̣ep̣íni. Здесь последовательность C̣V́C̣V удерживается по той причине, что корневые согласные разделены широким гласным.

Чередование начального интенсивного глухого с неинтенсивным (типа qəib „яичный желток“ — эрг. п. qipəédi) вызвано переходом конечного согласного корня в интенсивный, вследствие чего должна была получиться недопустимая, согласно лезгинской комбинаторике, последовательность CəV$_{(i, u, ü)}$CəV́, которая автоматически изменялась в последовательность C^{h}V$_{(i, u, ü)}$CəV́.

Аффрикатизация дентальных взрывных имеет место непосредственно перед ударным i[2].

Система согласных табасаранского языка

Звонкие смычные		b	d	ʒ	ǯ	g	γ‘	
Глухие смычные (неглотт.)	слабые	p	t	c	č	k	q	
	сильные	pə	tə	cə	čə	kə	qə	
Глоттализованные		p̣	ṭ	c̣	č̣	ḳ	q̣	
Звонкие спиранты		—		z	ž	γ´	γ	
Глухие спиранты	слабые	f		s	š	x´	x	h
	сильные	fə		sə	šə		xə	

Сонорные: r, l, m, n

Корреляция интенсивности имеет место в неглоттализованных глухих смычных и спирантах.

Проблема лабиализованных звуковых групп в табасаранском еще более осложняется, так как здесь имеются, по мнению ряда специалистов, специфические дентолабиальные согласные шипящего ряда[3]. Н. Трубецкой в таблице согласных фонем дает

---

[1] Trubetzkoy. KS, стр. 22.

[2] Талибов. ФП, стр. 126—134.

[3] П. Услар. Табасаранский язык (Рукопись), 1875 г. (Институт языкознания АН СССР, Москва), § 9; А. Дирр. Табасаранский язык: СМОМПК, XXXV, Тифлис, 1905, стр. 3; А. А. Магометов. Табасаранский язык, Тбилиси, 1965, стр. 72—78; Б. Г. Ханмагомедов. Табасаранский язык. ЯН СССР, IV, Иберийско-кавказские языки. М., 1967, стр. 546—547.

указанные звуки с оговоркой, что „разница между лабиосибилянтами и остальными сибилянтами в табасаранском не коррелятивна, а дизъюнктивна...“[1]. На самом деле, хотя указанные сегменты акустически воспринимаются как единые, с фонологической точки зрения их бифонематическая квалификация нам кажется более верной. Составные части вышеуказанных сегментов (ǯw, čw, šw и др.) могут встречаться вне данной комбинации во всех тех позициях, в которых попадаются сами эти последовательности.[2] Н. С. Трубецкой, указывая на отсутствие корреляции по признаку лабиализации в табасаранском, пишет, что разница между лабиосибилянтами и остальными сибилянтами не является коррелятивной[3]. Попытка доказать, что „дентолабиальные“ в ряде случаев являются рефлексами общедагестанских фонем *c°, *c̣°, *ǯ° и др., также заводит в тупик, так как в слове čwul „осень“, хотя čw и восходит к более древнему *cw, тем не менее само *cw является двуфонемной группой, полученной в результате синкопы разделяющего эти звуки гласного. Сравнение табасаранского čwul с пахурским cuwul „осень“, хиналугским csəw, ботлихским cəiburu „зима“, гунзибским sib-ar, лакским səuv-t наглядно указывает на это (таб. čwul ← *cwul ← *cuwul). Трубецкой считает čw в рассматриваемом нами слове соответствием лезгинского g (gül//γ́ül „осень“)[4], не учитывая лезгинскую форму zul, представленную в гюнейском диалекте[5].

Система согласных агульского языка

(На основе данных бурхиханского говора)

Звонкие		b	d	z	ǯ	g	γ	
Глухие смычные (неглотт.)	слабые	p	t	c	č	k	q	
	сильные	pə	tə		čə	kə	qə	
Глоттализованные		p̣	ṭ	c̣	č̣	ḳ	q̣	’

---

[1] Trubetzkoy. KS, стр. 27.

[2] См. A. Martinet. Un ou deux phonèmes?.. стр. 120.

[3] Trubetzkoy. KS, стр. 27.

[4] Trubetzkoy. NW, стр. 79.

[5] Б. Талибов и М. Гаджиев. Лезгинско-русский словарь. М., 1966. У. А. Мейланова. Очерки лезгинской диалектологии. М., 1964, стр. 57, 342.

Спиранты	f		s	š	x́	x	ḥ	h

Сонорные: r, l, m, n

В серии звонких нет противопоставления по признаку сближения (смычности-фрикативности); большинство звонких реализуется как смычные (исключение составляют свистящий и увулярный ряды). ʒ может свободно заменяться ž, не меняя смысла слова (напр. ʒaq̣w//žaq̣w „птичка“)[1].

Корреляция интенсивности охватывает все ряды смычных, за исключением свистящего. Интенсивного /cə/ в буркиханском говоре нет. Мы это тщательно проверили и считаем, что упреки Н. Трубецкого[2] в адрес А. Дирра, который опирается на буркиханский говор и не упоминает об интенсивных свистящих, лишены основания.

Корреляция интенсивности в спирантах отсутствует в говоре аула Буркихан (Гехюн): минимальные пары, приводимые Н. Трубецким (xar „печь“ — xəar „русло“, xal „дом“ — xəal „позади“), в сущности являются омонимными словами.

Звуковые последовательности типа Cw в агульском следует расценивать как реализации фонемных групп типа /C/+/w/, так как в ряде случаев наблюдается чередование второго компонента звуковой последовательности C+w с гласным u в пределах одной словоформы. Например: bagw „сторона“ — род. п. bagu-n, neγw „слеза“ — род. п. neγu-n, nec̣w „река“ — род. п. nec̣u-n и др.[3]

Из чередований согласных следует отметить b ∼ w и d ∼ r[4].

Система согласных рутульского языка

Звонкие	b	d	z	ž	˙g	γ		
Глухие смычные (неглотт.)	p	t	c	č	k	q		
Глоттализованные	p̣	ṭ	c̣	č̣	ḳ	q̣		
Спиранты	f	—	s	š	x́	x	ḥ	h

Сонорные: r, l, m, n

---

[1] А. А. Магометов. Агульский язык. Тбилиси, 1970, стр. 32.

[2] Trubetzkoy. KS, стр. 29.

[3] Дирр. Аг., стр. 4—5.

[4] А. А. Магометов. Агульский язык, стр. 34, 36.

В серии звонких нет противопоставления по смычности-фрикативности. Неясность, которую отмечает Н. Трубецкой[1], у А. Дирра действительно имеет место при квалификации таких звуков, как γ́ и ǯ. Фонемы γ́ в рутульском на самом деле нет, звуки же ž и ǯ являются аллофонами одной фонемы.

В собственно рутульском говоре нет также звонкой аффрикаты γ‘ и глухой интенсивной (неглотталиэованной) qə. Глухая интенсивная и звонкая других говоров в собственно рутульском представлена смычно-гортанной q̣, которая, однако, может факультативно заменяться в начале слова неглоттализованным интенсивным вариантом. По мнению Е. Ф. Джейранишвили, наличие [q̣] рядом с [γ‘] указывает на утерю звонкого в тех аулах, где наблюдается γ‘ → q̣. То же самое можно сказать об интенсивных неглоттализованных[2]. Во время проверки материалов на месте обнаружилось, что информатор допускал три варианта (γ‘, q̣, γə)[3] в одном и том же слове. Несмотря на указанные обстоятельства, звонкая аффриката γ‘ фигурирует у Е. Ф. Джейранишвили в таблице согласных фонем в качестве самостоятельной фонемы[4].

Корреляция интенсивности в рутульском отсутствует. Звуковые последовательности типа C+w следует считать двухфонемными группами.

Система согласных цахурского языка

Звонкие		b	d	z	ǯ	g	γ	
Глухие смычные (неглотт.)	слабые	p	t	c	č	k	q	
	сильные	pə	tə		čə	kə	qə	
Глоттализованные		ṗ	ṭ	c̣	č̣	ḳ	q̣	’
Спиранты	слабые			s	š	x́	x	h
	сильные			sə	šə	x́ə	xə	

Сонорные: r, l, m, n

[1] Trubetzkoy. KS, стр. 17.

[2] Е. Ф. Джейранишвили. Основные вопросы фонетики и морфологии цахского и мухадского языков (докторская диссертация, рукопись). Тбилиси, 1965, стр. 141.

[3] Там же, стр. 83, сн. 2,

[4] Там же, табл. № 2; см. также Е. Ф. Джейранишвили. Рутульский язык: ЯН СССР, IV, стр. 580.

Корреляция по сближению (т. е. смычности) в серии звонких отсутствует. В увулярном ряду наблюдается свободное варьирование между γ и γ‘ в начале и середине слова: γel//γ‘el „нога“, γəl//γ‘əl „лето“, γina//γ‘ina „сегодня“, γarg//γ‘arg „баран“, sanγəs//sanγ‘əs „одному“, „одной“ (дат. пад.), manγun//manγ‘un „его“ (IV кл.) и др.

В конце слова γ‘ не имеется. Следовательно, γ и γ‘ не являются самостоятельными единицами, они — варианты фонемы /γ/[1].

Е. Ф. Джейранишвили x́ в словах x́an „вода“, x́a „шерсть“, x́eb „три“ квалифицирует как палатализованный коррелят фонемы /x/, а не как щелевую фонему совершенно другого — передневелярного — ряда[2]. Принимая во внимание тот факт, что палатализованность в цахурском не является релевантным признаком (так как другие фонемы увулярного ряда не противопоставляются по этому признаку), данную квалификацию приходится отвергнуть.

Неглоттализованные интенсивные глухие наблюдаются, как правило, только лишь в интервокальной позиции[3]. В свистящем ряду нет интенсивной неглоттализованной аффрикаты.

Корреляция интенсивности имеет место среди неглоттализованных смычных и спирантов[4].

Лабиализованные звуковые группы следует считать двухфонемными сочетаниями[5] (А. Дирр слово xwa транскрибирует как xoă, что указывает на бифонематическую квалификацию последовательности xw). В пользу бифонематической квалификации говорит и тот факт, что в начале слова после согласного возможен также другой сонант — j: njak „молоко“ (род. п. nik-ne-n).

---

[1] Срв. Г. Х. Ибрагимов. Фонетика цахурского языка. Махачкала 1968, стр. 41, 57; также Е. Ф. Джейранишвили. Основные вопросы фонетики и морфологии цахского и мухадского (рутульского) языков (рукопись), табл. № 2.

[2] Е. Ф. Джейранишвили, указ. работа, стр. 48.

[3] Г. Х. Ибрагимов. Фонетика цахурского языка. Махачкала, 1968, стр. 53, 55; Б. Б. Талибов. Цахурский язык: ЯН СССР, IV... стр. 593.

[4] См. указанные работы.

[5] Срв. Trubetzkoy. KS, стр. 46; Г. Х. Ибрагимов. Указанная работа, стр. 57; Б. Б. Талибов. Цахурский язык: ЯН СССР, IV... стр. 593.

Помимо этого, составные части лабиального комплекса могут подвергаться коммутации (замещаться нулем или другими фонемами языка, давая правильные последовательности).

Система согласных удинского языка

Звонкие смычные	b	d	—	ǯ	[ǯə]	g	—	
Глухие смычные (неглотт.)	p	t	c	č	[čə]	k	q	
Глоттализованные	ṗ	ṭ	c̣	č̣	[č̣ə]	ḳ	q̣	
Звонкие спиранты	v		z	ž	[žə]		γ	
Глухие спиранты	f		s	š	[šə]		x	h

Сонорные: r, l, m, n

Противопоставление по признаку сближения (т. е. смычности-фрикативности) в звонких фонемах имеет место лишь в лабиальном и альвеолярном (шипящем) рядах. Удинское /v/ не является сонантом (не чередуется с гласным /u/). Это — лабиодентальный спирант, образующий пару с глухим коррелятом /f/. Звонкий шипящий спирант /ž/ имеет очень ограниченную дистрибуцию. Тем не менее он встречается в одной части тех окружений, в которых появляется аффриката /ǯ/, а именно — в начале слова перед гласным žal-desun „кипеть“ (срв. ǯar-desun „выжечь“, „опалить“), в интервокальной позиции (V—V): bužesun „чваниться“ (срв. keǯe „кислый“, ḳaǯux „борода“, aǯux „зло“, „гнев“).

Звонкая свистящая аффриката ʒ не является фонемой. Она встречается только в нескольких заимствованных словах и может свободно варьироваться с z (ʒabri//zabri „воронка“, xaʒal//xazal „лист“ (дерева), mänʒil//mänzil „расстояние“, γanʒil//γanzil „черемша“[1], ʒet//zet „оливковое масло“). Нет в удинском и увулярной аффрикаты γ'.

Специалисты выделяют в удинском интенсивные шипящие фонемы: ǯə, čə, č̣ə, žə, šə[2]. В. Н. Панчвидзе указывает на уча-

[1] Е. Ф. Джейранишвили. Удинский язык. Грамматика, хрестоматия, словарь. Тбилиси. 1971 (на груз. языке), стр. 13.

[2] В. Н. Панчвидзе, Е. Ф. Джейранишвили. Удинский язык: ЯН СССР, т. IV, стр. 677; В. Л. Гукасян. Фонетические и морфологические особенности ниджского диалекта удинского языка (автореферат канд. диссерт.). Баку. 1965, стр. 9.

стие твердого нёба в артикуляции указанных звуков[1]. А. Дирр отмечает только šə, как более тонкий (свистяще-шипящий) звук наподобие сшь[2]. То обстоятельство, что специалистами отмечается наличие ǯə и žə, т. е. „интенсивных звонких", ставит под сомнение квалификацию всего ряда. Как известно, корреляция интенсивности не наблюдается в серии звонких в дагестанских языках. Несколько необычным выглядит также наличие корреляции интенсивности только в одном локальном ряду. Было бы более целесообразным выделить указанные звуки в особый ряд веляризованных шипящих, если их вообще можно считать самостоятельными фонемами. Дело в том, что до сих пор не было серьезных попыток доказать фонематичность ǯə, čə, č̣ə, žə, šə путем применения методики фонологического анализа. Между тем, известные позиционные ограничения, по-видимому, существуют. Симптоматично с этой точки зрения то, что „веляризованные шипящие" чаще всего попадаются в непосредственном соседстве с веляризованными (resp. фарингализованными) гласными, которые встречаются во всех позициях и не зависят от окружающих согласных[3]. Соседство т. н. „сильных альвеолярных" с фарингализованными гласными может отчасти объяснить ту пестроту при записи вышеуказанных звуков, которая наблюдается не только при сравнении записей разных исследователей, но подчас и в материалах одного и того же специалиста. К примеру, в недавно опубликованной книге Е. Ф. Джейранишвили[4] можно встретить разные написания одного и того же слова: ižə „снег" (стр. 22) — iž (стр. 208, 249), žəol „пробка" (стр. 214) — žol (стр. 23. 78), uč̣ə „мёд" (стр. 217, 254) — uč̣ (стр. 22), ḳač̣əi „слепой" (стр. 28, 219) — ḳač̣i (стр. 255), č̣əoč̣əa „красный" (стр. 220, 258)—č̣oč̣a (стр. 32) и т. д. По всей вероятности, веляризованный оттенок согласного, вызванный в некоторых случаях соседством веляризованных гласных, принимается исследователями за дистинктивный

---

[1] В. Н. Панчвидзе. Грамматический анализ удинского языка. Тбилиси, 1974, стр. 29 (на груз. языке).

[2] Дирр. Уд., стр. 2.

[3] В. Н. Панчвидзе. К вопросу о взаимоотношении диалектов удинского языка: Сообщ. Груз. филиала АН СССР, I, № 9, 1940, стр. 703—711.

[4] Е. Ф. Джейранишвили. Удинский язык. Тбилиси. 1971.

признак согласного, который на этом основании квалифицируется как самостоятельная фонема.

При сравнении записей разных авторов мы обнаруживаем гораздо больше расхождений. Все это указывает на то, что фонематичность ǯə, čə, ç̌ə, žə, šə не только не может считаться доказанной, но вызывает весьма серьезные сомнения. Эти звуки могут быть комбинаторными или факультативными вариантами обыкновенных шипящих. Вопрос требует дополнительного изучения.

Лабиализованные комплексы в удинском отсутствуют. Исконные последовательности типа Cw или упростились за счет утраты лабиального w, или же дали билабиальные смычные[1].

Система согласных хиналугского языка

Звонкие		b	d	z	ž	g	γ	
Глухие смычные (неглотт.)	слабые	p	t	c	č	k	q	
	сильные		tə	cə	čə	kə	qə	
Глоттализованные		p̣	ṭ	c̣	č̣	ḳ	q̣	
Спиранты				s	š	x́	x	h

Сонорные: r, l, m, n

В звонких нет противопоставления по сближению (ž и ǯ являются аллофонами одной фонемы)[2]. В серии глухих неглоттализованных смычных имеет место противопоставление по признаку интенсивности (исключение составляет лабиальный ряд). Интенсивные /cə/ и /čə/ могут реализовываться по-разному. В начале слова они обычно представлены в виде звуковых последовательностей cs, čš (csə „брат“, čša „свет“). Интенсивные /cə/ и /čə/ хиналугского языка являются „прямыми наследниками“ общедагестанских /*cə/ и /*čə/, но увулярный /qə/ хиналугского языка не восходит к общедагестанскому /*qə/.

Смыслоразличительную способность противопоставления слабый-сильный в придыхательных сибилянтах можно проил-

---

[1] Е. Ф. Джейранишвили. Лабиализованные согласные и их изменения в цахско-мухадском и других языках лезгинской группы: ИКЯ, т. XV, Тбилиси, 1966. стр. 358.

[2] Срв. Ю. Д. Дешериев. Грамматика хиналугского языка Москва, 1959, стр. 12 15

люстрировать следующими минимальными парами: čimi „нo готь“ — čəimi „какого?“, kuči „медный кувшин“—kučəi „пятой“ (эрг. пад.), cu „пей!“ — cəu „брату“ (дат. п.).

Латеральных фонем (не считая сонорного /l/) в хиналугском нет[1]. Нет также особых палатализованных согласных. Палатализация носит чисто комбинаторный характер: в соседстве с гласными переднего ряда g, k, k̦, c, č, s и другие согласные произносятся мягче обыкновенного: [ing′] „ярмо“, [eng′] „сыр“, [mičeg′] „муха“, [ink′] „трава“, [mic′] „масло“, [mis′] „медь“, [zäk′] „шесть“, [k′äl] „тур“, [k′ind] „мост“, [k′ič′] „дно“ и др.

Лабиальные звуковые группы следует понимать как реализацию двух фонем[2] в словах cəwa „небо“, ҫwa „дом“, swa „село“, k̦war „дорога“ и др. Оба компонента таких звуковых последовательностей обычно коммутабельны: первый компонент можно заменить любым согласным (за исключением лабиальных), второй же слоговым вариантом сонанта /w/: swa „село“ — эрг. пад. suj//swi, k̦war „дорога“ — эрг. пад. k̦ur-i и т. д.

По законам хиналугской комбинаторики две смычные фонемы не могут быть представлены в анлауте в непосредственном соседстве при децессивной последовательности, если второй компонент—аффриката. Обычно второй член комплекса является спирантом (psə „медведь“, pšit „котенок“, pxra „собака“, pšlä „лиса“, pša „хлеб“, cxwamï „мельницы“ (род. п.), cxi „пошла“ (женщ.), čxi „большой“ и др.) Единственным известным нам исключением является слово cqwa „хлев“. Акцессивные группы аффрикат в анлауте возможны: qcəz „грецкий орех“, qčiz „годовалый теленок“ и др. Возможны разные сочетания смычных и спирантов, а также двух взрывных (как децессивные, так и акцессивные): xčik̦in „подушка“, ksan „хороший“, ptəi „глаз“ (эрг. п.), tkəän „колючка“, kx′a „шерсть“, kčəqan „сорок“, kšu „кому?“ (дат. п.), stəal „палец“ и др. В середине слова еще больше возможностей для всяких комбинаций, но хиналугский язык интересен тем, что он единственный из дагестанских языков допускает скопление шумных согласных в анлауте.

---

[1] Срв. Ю. Д. Дешериев, указан. работа, стр. 12—15.

[2] Срв. там же.

Чередование звонких с глоттализованными (qaž „хвост“ — эрг. п. qač̣-í, onγw „четыре“ — эрг. п. unq̇w-í, eγ „свадьба“ — эрг. п. inq-í) является результатом озвончения глоттализованных после ударного гласного. В тех словах, где место ударения не меняется (éng „сыр“ — эрг. п. éng-i, úngw „сердце“ — эрг. п. úngw-i), чередование не происходит.

Не лишен интереса способ суперации комплекса из двух спирантов посредством превращения первого из них в аффрикату: šax̃ „живот“ — эрг. п. čx̃-i (← *šx̃-i), мн. ч. им. пад. čx̃al (← *šx̃-al).

ЧАСТЬ II

СИСТЕМА СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ ОБЩЕДАГЕСТАНСКОГО ЯЗЫКА

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Общедагестанская консонантная система распадается на два основных класса: сонорные и шумные. Первый сравнительно малочисленен и содержит всего четыре фонемы: *r, *l, *m, *n. Класс шумных, в свою очередь, делится на подклассы взрывных, спирантов и аффрикат. Фонемы /*w/ и /*j/ являются сонантами[1] и в этой работе специально не разбираются.

Взрывные согласные представлены трехчленными рядами, состоящими из звонкого, глухого неглоттализованнного и глухого глоттализованного членов. Аффрикаты образуют пятичленные ряды, в которых кроме вышеупомянутых трех членов наличествуют еще интенсивные корреляты глухих глоттализованных и неглоттализованных фонем. Спиранты представлены парами, члены которых противопоставляются друг другу по признаку интенсивности. Постулирование звонких спирантов для общедагестанского не представляется возможным. Однако поскольку в серии звонких нет противопоставления по смычности-фрикативности, звонкие аффрикаты фонологически расцениваются как „звонкие вообще“. Так же обстоит дело со звонкими взрывными.

---

[1] См. H. Fähnrich. Gab es Sonanten in gemeindaghestanischen Grundsprache? Труды ТГУ, В 2 (140). Гуманитарные науки, Тбилиси, 1971, стр. 149—160.

Таблица согласных фонем общедагестанского языка

Шумные

Звонкие		b	d	ʒ	ʒ̇	g	γ‘	dᵖ	
Глухие неглоттализованные	слабые	p	t	c	č	k	q	l′	
	сильные			c^ə	č^ə	k^ə	q^ə	l′^{ə}	
Глоттализованные смычные	слабые	—	ṭ	c̣	č̣	ḳ	q̣	ṭ‘	q$_ı$
	сильные			c̣^{ə}	č̣^{ə}	ḳ^ə	q̣^{ə}	ṭ‘^{ə}	
Спиранты	слабые			s	š	x̃	x	l‘	
	сильные			s^ə	š^ə		x^ə	l‘^{ə}	

Сонорные: r, l, m, n

Глава I

ПРОЦЕДУРА РЕКОНСТРУКЦИИ

Вышеприведенная таблица составлена из фонем, которые постулируются нами на основе диахронической интерпретации формул звукосоответствий, прослеживающихся между исторически засвидетельствованными дагестанскими языками. Нередко, наряду со сравнительной реконструкцией, используется метод внутренней реконструкции, заполняющий те пробелы в нашем знании общедагестанской консонантной системы, которые неизбежны при пользовании одним лишь сравнительным методом.

1. СОНОРНЫЕ СОГЛАСНЫЕ

а) Вибрант /*r/. Особенно трудно установить общедагестанское /*r/ в анляуте, так как в этой позиции он чаще бывает исконной морфемой одного из грамматических классов вещей, которых было несколько, и в ряде случаев в разных языках мы наблюдаем не закономерные рефлексы общедагестанского *r, но простую замену его другим показателем класса (чаще—*d и *j). Поэтому, мы выделяем случай, когда аварско-андийскому инициальному r в лакском, даргинском, арчинском соответствует l, при наличии в лезгинских языках r/j. В удинском всегда (иногда и в арчинском) будет ∅. Например:
1. ав. raq^{ə}n „зола“, „пепел“: лак. lax: лезг. rüq: рут. rəq: цах. jiq;

2. ав. rač̣^{ə} „хвост“: арч. òč: таб. riǯw: аг. ruǯ: уд. oǯil;

3. ав. rat'əa „кость": анд. rot'əi: ахв. rat'əi: тляд. l'əora (<*rol'əa): дарг. liga: лак. ličəa;

4. ав. rel'eda „вечер": анд. rel'o „ночь": ахв. rel'a: лак. laxˉəu „вчера": лезг. jif;

5. ав. raži „чеснок": лак. lačəi: арч. lači.

Мы считаем, что приведенные примеры являются иллюстрацией рефлексации общедагестанского *r в анляуте. В середине и конце слова *r уже легче отделить от исконных *l и *j. В ауслауте общедагестанское *r дает следующие рефлексы в отдельных дагестанских языках:

ав. r: анд. r: ахв. r: дид. r/∅: дарг. r/∅: лак. ∅: арч. r: лезг. r: таб. r: аг. r: рут. r: цах. ∅: уд. ∅: хин. ∅ [1].

6. ав. cəar „имя": анд. cəer: ахв. cəeri: дид. ci: дарг. 'u (урах.) || zu (цудах.): лак. ca: арч. cəor: лезг. tar: таб. čəwur: аг. təur: рут. dur: цах. do: уд. ci: хин. cu;

7. ав. xur „нива": анд. xur: ахв. quri: дид. xur (←*xuri): дарг. qu: лак. qu: таб. xer: аг. xu (!): хин. ənqa;

8. дарг. miqir „грудь": арч. muxor: лезг. xur: таб. muxur: аг. muxur: рут. məxər: цах. məxu: хин. maxar (!).

В середине слова *r обычно сохраняется без изменения.

9. ав. ωarac „серебро": анд. orsi: ахв. ači: (←*arči): дарг. arc: лак. arcu: арч. arsi: аг. ars;

10. ав. gurgin-„круглый": анд. gurguma: ахв. girgan-: дарг. žurug-: лак. kəurkəi-: арч. gukəi-(←*gurkəi-): лезг. kəurkəu-: таб. gerg-mi: аг. girgen-;

11. ав. səwer-i-ze „крутить": анд. səor-du: ахв. səor-eri (прош. вр.): дарг. šur-i-es: лак. šəur-un;

12. дарг. qāra „горох": лак. qūru: лезг. xar: аг. xar: рут. xar „град": уд. ar-um „пшеница".

б) Сонорное *l: наблюдается только в срединной и конечной позициях. В общедагестанском *l в начале слова не было. В остальных позициях оно представлено следующими рефлексами в дагестанских языках: в аварском — r (в соседстве с гласным e) и l (в остальных позициях), в андийских и дидойских языках также r и l, но без точного распределения, в лакском ∅ (в конце слова) и l в остальных позициях, в цахурском l (если в

[1] См. об этом Б. К. Гигинейшвили. Общедагестанские *l и *r: САН ГССР, XLIX, № 1, 1968, стр. 246—247.

корне имеется лабиальный согласный) и w (в остальных случаях)[1], в хиналугском l/∅ и r. В остальных лезгинских языках l сохранилось без изменения. Формула такова:

ав. l/r: анд. l, r: ахв. l, r, ∅: дид. l, r: дарг. l: лак. l/∅: арч. l: лезг. l: таб. l: рут. l: цах. w/l: уд. l: хин. l/∅, r.

Примеры:

1. ав. t'əeωer „ягненок“: ахв. t'əeje: дид. l'əeli: лак. či(←*kil): арч. t'əal: лезг. kāl: таб. čəil: аг. kəel: рут. gāl: цах. gew: уд. qal: хин. ku;

2. ав. ter-en-ab: анд. be-t'er-a: ахв. ba-t'ar-o-: дарг. bu-kula: лак. küla-: арч. kala-: лезг. qele-: таб. čil-li-: аг. kile-: рут. qəl: цах. kiwa „тонкий“: хин. kər;

3. ав. cer „лиса“: анд. sor: ахв. šari: хварш. zaru: лак. cul-ča: арч. sol: аг. sul: таб. sol: рут. sil-k: цах. siwa: уд. šul: хин. pšla;

4. ав. čolo „ремень“: лак. čuluw: лезг. čul: таб. čul: аг. čil: рут. čil: цах. čuwa;

5. дарг. qali „дом“: арч. xal „нора“: таб. xal: аг. xal: рут. xal: цах. xaw;

6. лак. šəulli- „зеленый“: аг. čul-le-„синий“: рут. šil-də „зеленый“: цах. čiwa//čuwa „мокрый“ (срв. čiwa rangsəa „зеленый“, буквально: „мокрого цвета“);

7. дарг. urquli „доска“: лезг. qul: таб. qul: аг. qul: рут. qul: цах. quwa;

8. лезг. qal „соль“: таб. qil: аг. qal: рут. qāl: цах. qew: уд. el: хин. qä.

Случаи, когда в корне имеется лабиальный согласный:

9. ав. beter „голова“: дарг. bik: лак. bak: лезг. qil (←*wəqil): таб. kul (←*wəkül): аг. kil: рут. qul: цах. wukul: уд. bul;

10. ав. kwer „рука“: лак. ka(=kwa): арч. kul: уд. kul: хин. kul;

11. ав. ber „глаз“: лезг. wil: таб., аг., рут., цах. ul;

---

[1] Звукосоответствие цах. w: l (остальных лезгинских языков) в конце слова установлено А. Дирром (Дирр. Цах., стр. 3). Это звукосоответствие с уточнениями и объяснениями появления l в цахурском вместо ожидаемого w дается в указанной выше нашей статье „Общедагестанские *l и *r“, стр. 244—245.

12. ав. per „лук“ (зел.): арч. pil: рут. sipil: цах. sipa (!) (вопреки ожидаемому *sipal);

13. ботл. cəib-uru „зима“: ахв. cəib-era: дид. sebi „осень“: лак. səuw-t: арч. so-tə-iq: лезг. zul: таб. čwul: аг. cul: цах. cuwul: хин. csəv-aż;

14. ав. ca „зуб“: анд. sol: ахв. čilo: хварш. sel: дарг. cula: арч. so-t: таб. selew: аг. silew: рут. səlab: цах. sili: уд. ul-ux: хин. cul-oz;

15. ав. kəal „плесень“, „паутина“: ахв. x̆ali: лак. x̆əa (←*x̆əal) „нить“: лезг. γal;

16. ав. cəibil „виноград“: рут. təməl: цах. tumul: уд. čapal „виноградный лист“.

в) Назальное билабиальное *m: в анляуте и интервокальной позиции сохранилось без изменения во всех языках; в конце слова и перед согласным в аварском и лакском дает n, в остальных языках сохраняется. В некоторых случаях имеет место чередование m∼b, но позиционная обусловленность его не ясна.

ав. m/n: анд. m: ахв. m: дид. m: дарг. m: лак. m/n: арч. m: лезг. m: таб. m/b: аг. m: рут. m/b: цах. m: уд. m: хин. m.

1. ав. marho „сказка“: анд. muxa: ахв. muxa: лак. maha: арч. maxu: лезг. maγw: таб. maqw: рут. maxw: цах. mexwa;

2. ав. mal‘ „ноготь“: анд. mul‘a: ахв. mil′u: дид. mol‘u: дарг. (кубач.) mika: лак. mix̆: уд. mux;

3. дарг. mi’ (урах.) //mig (цуд.) „лёд“, „град“: лак. mik: арч. mut‘əat‘ə: лезг. murk: таб. merkə: аг. merkə: рут. mək: цах. mək: хин. mik;

4. гин. me „не“ (запретительная частица): дарг. ma: лак. ma: таб. ma: аг. ma: рут. ma: цах. ma: уд. ma;

5. ав. maxə „железо“: ахв. (цег.) (rač)-mixəi: дарг. mirh (урах.) ‖ mixə (кубач.): лак. max: лезг. mix „гвоздь“ (?);

6. ав. macə „язык“: анд. micəi: ахв. micəi: дид. mec: дарг. miʒ ‖ mecə: лак. maz: арч. mac: лезг. meʒ: таб. melʒ: рут. miz: цах. miz: уд. muz: хин. mic;

7. ав. mičə „крапива“: анд. mičəi: ахв. micəi: дид. meča: лак. mič: арч. mač: лезг. miǯ: аг. miǯ: уд. meč: хин. məč;

8. ав. mikə „дуб“, „желудь“: дарг. miγ̆ ‖ mig: лак. murx̆ „дерево“: лезг. maγw: таб. maqw: рут. max: цах. moq: уд. maq;

9. ав. meωer „нос“, „гора“: анд. mahar: дид. mäli: гунз. maru: лак. mej (род. п. mejr-al): арч. mul „гора“: лезг. ner;

10. ав. čan „сколько?“: анд. čom: ахв. čami: дид. šomo: дарг. čum: лак. cimi: арч. šume-: лезг. šumu-: таб. šwunu←*šwumu (диссимил.): рут. šumu-: уд. em-ma: хин. samə-;

11. ав. l‘ₔami-„жидкий“: ахв. l‘ₔeme-: лак. x̄ümu-: арч. l‘ama-: лезг. žimi-(←*γ̄imi): таб. šimi (←*x̄imi): аг. x̄ime-: рут. x̄əmə-: цах. x̄üma-;

12. ав. cₔin „желчь“, „гнев“: анд. sₔim: ахв. sₔimi: беж. sim: дарг. himi || simi || timi: лак. sₔi || sₔin- (род. п. sₔin-tₔu-l): арч. sₔam: таб. seb: рут. sab;

13. ав. sun „соломинка“: год. suma: ахв. šuma: лак. sun: лезг. sam: таб. šwum: хин. sam.

Иногда в даргинском и лезгинских языках начальное m может переставляться перед вторым корневым согласным. Например, дарг. um’u-l || umzu-se „чистый“ (срв. ахв. macₔa, лак. marc̣-, арч. marc̣ₔ-, таб. marcₔi, аг. martₔe-, уд. maci „белый“) или же—арч. amk̡ „пот“: таб. amk: аг. amk̡: уд. ap̡(<*amk̡).

г) Назальное дентальное n: в анляуте, в интервокальной позиции и в конце слова во всех языках обычно сохранено без изменения; между гласным и согласным в некоторых случаях утрачивается. Особенно интересны в этом отношении группы согласных типа n+дентальный смычный или сибилянт (nd, nt, nṭ, nc̣, ncₔ, nž и др.). Их суперация происходит за счет утраты одного из членов комплекса, вследствие чего создается впечатление, будто имеют место чередования n∼d, n∼t, n∼ž и т. д.

Андийские и дидойские языки склонны к метатезе анлаутного n после корневого гласного, нередко с последующей назализацией корневого гласного.

Метатеза часто сопровождается наращением перед анлаутным гласным ларингального спиранта h[1]. Метатеза анлаутного n происходит иногда и в даргинском (unʒa „дверь“←*nuʒa, anda „лоб“←*nada и др.). В даргинском имеются также случаи наращения в анлауте слога ωi/ωu (ωiniʒ „родник“ срв. анд. incₔi; ωiniγ‘ „пещера“—срв. ав. noqₔo, арч. nox, лак. nux и др.). Указанные фонетические явления удобнее показать на

---

[1] См. об этом Гудава. КАЯ, стр. 44.

примерах, иллюстрирующих рефлексацию общедагестанского /*n/ в отдельных дагестанских языках:

1. ав. nakəu „мякина“: анд. nikəu: ахв. nix̄o: гунз. naxu: дарг. (акуш.) neg: лак. nax̄: арч. naxw: лезг. naɣw: таб. naqw: аг. neqw: рут. näqw: уд. neq: хин. nuk;

2. ав. naçə „вошь“: анд. noçəi: ахв. naçəi: дид. noci: дарг. nir' (урах.) || niz (цуд.): лак. naç: арч. naçə: лезг. net: таб. necə: аг. netə: уд. neç: хин. nimç;

3. ав. nax „масло“: ахв. ĩxwa: гунз. āx „пища“: лак. nah „масло“: арч. inx(←*nix)[1];

4. ав. nodo „лоб“: ботл. handa: ахв. nido: гунз. āda: дарг. anda: лак. netəa-: арч. ont[1]; таб. unt[1];

В некоторых случаях (после метатезы) исконное n в аварском утрачивается[2]:

5. ав. ixə „поток“: год. inxəi: ахв. ĩxəe: кварш. exu: лак. nex „река“;

6. ав. icə „родник“: анд. incəi: ахв. ĩcəi: дарг. ωinʒ;

7. ав. oc „бык“: анд. unso: ахв. ũča: дид. is: дарг. unc: лак. nic: арч. ans;

8. ав. hoçəo „мёд“: анд. hunçəi: ахв. ũçəi: дид. noci: лак. niç: хин. nüç;

9. ав. ωeč „яблоко“: анд. inči: дид. heneš: дарг. ωinc: арч. anš.

/*n/ в конце слова:

10. ав. t'əin „зима“: анд. t'əinu: дид. el'ənu: гунз. l'əini: дарг. 'ini: лак. kin-t: хин. kin-až;

11. ав. son „вчера“: анд. son: ахв. šuni: арч. san'ɣi[1]: таб. san „прошлой ночью“: хин. san;

12. ав. x̄on „семя“: анд. šen: кар. x̄uni: лак. han-na: арч. l'win: лезг. fin;

13. ав. mun „ты“: анд. men: ахв. mene: дид. ma(←*man): дарг. u(←*un): арч. un(←*wun): лезг. wun: аг. wun: рут. wə (←*wən): уд. un: хин. wə(←*wən)[3];

---

[1] Метатеза характерна отчасти и для арчинского и некоторых других лезгинских языков (табасаранского, хиналугского и др.).

[2] Гудава. КАЯ, стр. 44.

[3] Слово „ты“, естественно, часто употреблялось в живой речи. Поэтому утерю конечных n в словах дагестанских языков с этим значением следует считать незакономерным изменением и расценивать как результат истирания данного слова.

14. ахв. cəu „щуп“: лак. cun: арч. cəan: лезг. tan „молозиво“: рут. ufnitan (←*ufni dan): цах. ⁽wux″nin⁾dan: уд. can: хин. cum.

Суперация комплексов nd. nt, nt, nž, nʒ в середине слова (nd→n, nd→d, nd→nn[1]):

15. ав. qəed „стена“: анд. qəen: ахв. qəenda: хварш. qad || qod: дарг. γ‘adawla „крыльцо“: лак. qəatəa „дом“, „комната“;

16. ав. čet „блоха“ (←*čent): анд. čonni (<*čondi): ахв. čanti : арч. čin (←*čind): лезг. čut (←*čunt): аг. čid (←*čind): рут. čit (←*čint): цах. čin (←*čint): уд. in (←*int): хин. čüt (←*čünt);

17. ав. l‘əadi „жена“, „женщина“: дарг. x″un-ul (урах.) || x″əade (кубач.): лак. šəar-səa (<*šəad-səa <*šəand-səa): арч. l‘əonnol (←*l‘əond-ol): рут. x″ədə-ldə: цах. x″une-še: уд. xuni: хин. x″ini-mkir;

18. ав. γež „плечо“: анд. γažu: ахв. γenča: лак. qač: арч. qün (←*qünč): лезг. qəün: таб. γ‘ün: рут. γən: цах. γulʒe (<*γunʒe) „лопатка“.

2. ШУМНЫЕ СОГЛАСНЫЕ

а) **Взрывные** согласные общедагестанского языка представлены троичными рядами, которые состоят из звонкого, глухого неглоттализованного и глухого глоттализованного членов. Система взрывных охватывает три ряда: лабиальный, дентальный и передневелярный. При этом следует особо отметить, что передневелярный ряд характеризуется некоторыми особенностями, что и отражается в известной степени на рефлексации исконного звонкого /*g/ в отдельных дагестанских языках, несколько отличной от рефлексации /*b/ и /*d/. Кроме того, передневелярные глухие взрывные имеют интенсивные корреляты, которые реализуются как аффрикаты. Это, должно быть,—результат слияния передневелярных аффрикат с взрывными соседнего ряда, при котором аффрикаты выступают в роли сильных (resp. интенсивных) коррелятов.

Смешение должно было произойти еще до распада общеда-

[1] Эта последняя разновидность чаще встречается в собственно андийском.

Соответствия звонких отражены в следующей таблице:

Общедаг.	ав.	анд.	ахв.	дид.	дарг.	лак.	арч.	лезг.	таб	аг.	рут.	цах.	уд.	хин.
*b	b	b	b	b/m[1]	b	b/pə[3]	b	w[4]/pə[3]/b[5]	w[4]/b	w[4]/b	w[4]/b	w[4]/b	b	w[4]/b
*d	d	d	d	d	d	d/tə[3]	d/tə[1]	z[4]/tə[3]/d[5]	z[4]/d	z[4]/d	z[1]/d	z[4]/d	?	z[4]
*g	g	g	g	ḳ/k[2]	g	kə	g/kə[1]	kə/?	g	g	g	g/kə[1]	ḳ	kə/ḳ/g[2]

Примечания к таблице:

1. Дидойское m, арч. tə и kə, цах. kə—только в интервокальной позиции.
2. Дид. k, хин. g—перед сонантом w.
3. Лак. pə, tə, лезг. pə, tə — непосредственно перед ударным гласным.
4. Лезг., таб., аг., рут., цах., хин. w и z— в начале слова перед безударными гласными заднего ряда.
5. Лезг. b, d—после ударения.

гестанского языка, о чем свидетельствуют колебания в рефлексации и разнородное отражение передневелярных сильных в отдельных языках.

Лезгинским b и pə в остальных лезгинских языках соответствует только b (соответственно—собственно лезгинским d и tə —лишь d), т. е. лезгинские языки (за исключением собственно лезгинского) не различают позиции непосредственно перед ударным гласным от позиции после ударного гласного.

В отдельных дагестанских языках имеют место вторичные изменения рефлексов, как то: палатализация рефлексов передневелярного /*g/ (kə→čə, g→ž), аффрикатизация дентальных непосредственно перед ударными гласными переднего образования (təi→cəi в лезгинском), переход b→w, d→r перед согласным и в конце слова и т. д. Результаты подобных изменений не отображены в таблице, поскольку они, имея местный характер, являются следствием нейтрализации фонемных противопоставлений или же позднего расщепления фонем в отдельных языках. В примерах дается указание на исходную форму.

§ 1. Звонкие взрывные

Лабиальный звонкий взрывной /*b/: 1. анд. borc̣əi „луна“, „месяц“: ахв. boc̣əo: дид. buci: дарг. baʒ (урах., акуш.) ‖ bacə (цуд.): лак. barz (←*barəz): арч. bac: лезг. warʒ (←*warəʒ): таб. waʒ: аг. waz: рут. waz: цах. waz: хин. wac̣;

2. ав. baq̣ə „солнце“: дид. buq: лак. barγ(←*barəγ): арч. barq: рут. wirəγ: цах. wirəγ: уд. bə̇γ;

3. дид. bel′əo „свинья“: гин. bol′əi: лак. burḳ: арч. boṭ‘ə: лезг. wak: цах. wok: уд. boq̇;

4. ав. beṭer „голова“: дарг. biḳ ‖ beḳ: лак. baḳ (←*baḳar срв. род. пад. baḳr-al): цах. wuḳul: уд. bul;

5. ав. b- (показ. Ш гр. класса): анд. b-: ахв. b-: дид. b-: дарг. b-: лак. b- (в виде реликта также — pə): арч. b-: лезг. w/b (реликты): таб. w (реликт)/b: аг. w/b: рут. w/b (реликты): цах. w/b (реликты): уд. b (реликт): хин. w/b/p (перед глухими согласными);

6. дарг. burh-es „сеять“: лак. buh-an: лезг. wih-in: рут. wihin: уд. biṣṭ-un (←*biṭ-sun←*bih-ṭesun);

7. анд. bešonu-„сто“: ахв. bešano-: арч. bäšan: лезг. wiš-: таб. warž-: аг. warš-: рут. weš-: цах. waš-: уд. baš;

8. арч. bakw „бок“, „ребро“: лезг. pəagw: таб. bag· (в слове baga-x̄- „близко“, „рядом“, которое этимологически можно рассматривать как форму местного падежа от *bag „бок“: bagax̄ „у бока“, „близко“, “рядом“): аг. bagw: рут. beg: хин. bugw-rə;

9. ав. ϖebu „шило“: дид. emu: дарг. bureba (←*rebu-reba, редупл., срв. i-rb-is „шить“[1]): лак. pəa (←*dipəa): арч. ɗab: лезг. rab: таб. rub: аг. reb: рут. rub: цах. weba: уд. eb- (в глаголе eb-sun „шить“[2]);

10. ав. l'ab- „три“: анд. l'ob-: ахв. l'ab- (в слове l'ab-ilet'əu „третий“): дарг. ḥab-: лак. šam- (←*šab-): арч. l'ib: лезг. pəuɗ (←*γ̄ipəüd): таб. šub: аг. x̄ibu-: рут. x̄ibu-: цах. x̄eb: уд. xib;

11. ав. bat'ə „кишка“: ахв. bat'əi: дид. bil'ə: арч. babt'ə.

Дентальный звонкий взрывной /*ɗ/: 1. ав. ɗu-n „я“: анд. ɗe-n: ахв. ɗe-ne: дид. ɗi: хварш. ɗa: дарг. ɗi- (основа косв. падежа): лак. təu- (осн. косв. пад.): лезг. zu-n: таб. izu: аг. zu-n: рут. zə: цах. zə: хин. zə (арч. zon и уд. zu не являются закономерными формами, они могут быть заимствованы из других лезгинских языков).

2. дарг. ɗ/r[3] (показатель класса вещей): лак. ɗ/r[3]: арч. ɗ/r[3]: хин. z (с позиционными c, s); в аварско-андо-дидойской группе унифицировался r, в лезгинских языках—r и j;

3. дарг. ɗirix̄w „облако“, „туман“: лак. təurlu: арч. dil'w: лезг. cəif (←*təix̄w): таб. dif (←*dix̄w): аг. dif (←*dix̄w);

4. ав. -ɗ (показатель эргативного падежа): анд. -ɗi: ахв. -ɗe: дид. -ɗ: дарг. (кубач.) -ɗ: лак. -təú/-təá (суффиксы, образующие основу косвенных падежей, исконные показатели эрг. падежа): арч. -ɗe: лезг. -ɗi/-cəí: таб. -ɗi: аг. -ɗi (вставка): рут. -ɗə: цах. -ɗa;

---

[1] Р. Лафон для даргинского приводит лишь глагол irbis „шить“, не связывая его с bureba „шило“. См. его Etudes basques et caucasiques. Salamanca. 1952, стр. 31.

[2] Р. Лафон приводит форму eb-sun „шить“; см. там же.

[3] r является результатом изменения ɗ в позиции перед согласным.

5. ав. nodo „лоб“: ботл. handa: ахв. nido: гунз. ãda „мозг“: дарг. anda „лоб“: лак. netəa-bak: арч. ònt (←*ònd);

6. ав. qəed „стена“: ахв. qəenda: хварш. qad || qod: дарг. γ‘adawla „крыльцо“ (этимологически—род. пад. от *γ‘adaw „стена“): лак. qəatəa „дом“, „комната“;

7. дарг. rud „кишка“: лак. [xəu]-təú: лезг. rad (мн. ч. ratəar): таб. udar: аг. rud: рут. rud.

Изменение d→z в научной литературе не квалифицировалось как спонтанный процесс, который вместе с изменением b→w следует рассматривать как переход общедагестанских антериорных взрывных в соответствующие спиранты. И. А. Джавахишвили не видел непосредственной связи между личным местоимением первого лица аварско-андо-дидойских и даргинского языков, с одной стороны, и той же лексемой языков лезгинской группы, с другой. Он объединял в одну группу, на основании фонетического сходства личного местоимения первого лица, абхазско-адыгские, нахские и лезгинские языки, отрывая тем самым лезгинские языки от аварско-андо-дидойских и лакского языков[1]. А. С. Чикобава в лакском na, акушинском nu, а также в лезгинских zun, zu и т. д. видит фонетические варианты аварско-андо-дидойских местоимений первого лица[2]. Процесс представлен так: d→ʒ→z, т. е. переход d в z, по мнению автора, опосредствован аффрикатой ʒ[3]. Мы считаем, что в начале слова перед безударным гласным общедагестанские антериорные звонкие взрывные /*b/ и /*d/ в лезгинских языках (за исключением арчинского и удинского) перешли в соответствующие спиранты, причем переход d→z был опосредствован интердентальным спирантом /*ḍ/, который вначале являлся аллофоном фонемы /d/, впоследствии же слился с фонемой /z/[4].

---

[1] И. А. Джавахишвили. Первоначальный строй и родство грузинского и кавказских языков. Тбилиси, 1937, стр. 569—570 (на груз. языке).

[2] А. С. Чикобава. К склонению местоимений аварского языка. Изв. ИЯИМК, т. XII, Тб., 1942, стр. 38 (на груз. языке).

[3] А. С. Чикобава, указ. работа, стр. 38. Срв. также: А. С. Чикобава. Диалектные вариации инфинитива в аварском языке: Изв. ИЯИМК, т. I, Тб., 1937, стр. 93.

[4] Гигинейшвили. СВ, стр. 179—183.

Место ударения, как видим, определяет появление того или иного рефлекса в отдельных языках. Особенно наглядно роль ударения вырисовывается в лезгинском, в котором для исконных /*b/ и /*d/ представлены три рефлекса соответственно трем позициям: 1. непосредственно перед ударными гласными — pə, tə, 2. в анляуте перед безударной гласной— w, z, 3. после ударения—b, d. В передневелярном ряду релевантны только две позиции: 1. в части слова, находящейся перед ударением, и 2. в части слова, находящейся после ударения. Это свойство сближает передневелярный ряд с аффрикатами, у которых наблюдается такое же распределение рефлексов. О том же говорит и рефлексация удинского языка, где вместо ожидаемого звонкого g имеем глоттализованный ḳ.

Примеры:

Общедагестанское /*g/: 1. ав. gurg-in-„круглый": анд. gurg-uma: ахв. girg-an-: дарг. žurug- (урах., акуш.): лак. kəurkəi-: арч. gukəi-: лезг. kəurkəu-: таб. gerg-mi ‖ gurg-um : аг. girg-en-: уд. ḳaḳ-an-iḳ;

2. ав. gigu „кукушка": ботл. gegu: ахв. gegu: дарг. gegu-t: лак. čəikəu (←*kəikəu): арч. gikəu: лезг. kukəu-p: цах. gukəi: уд. ḳunḳuri: хин. kəokəú;

3. дид. ḳenač̣ „яйцо" (←*ḳenaḳi): хварш. ḳemeč: гин. ḳimač̣: лак. kəunuk (←*kəunug): арч. genuk (← *genukəi): лезг. kəakəa;

4. ав. gwaži „сука": гунз. kača (←*kwača): дарг. gwaǯa: лак. kəačəí: арч. gwači: лезг. kač (←*kačə); эта же последняя форма получена по аналогии с основой косвенных падежей kičə- (эрг. kičəa): цах. goǯe;

5. ав. gožo „основной зуб", „клык": гин. ḳeču: дид. ḳicu (←*ḳiču): лак. kəarčəí: арч. gänži: лезг. karč „рог" (←*karčə; эта же основа получена по аналогии с косвенными падежами: эрг. kirčəíni): аг. gwarǯ „зубец": цах. gač „рог";

6. дид. bi-kw-a-da[1] „смотреть", „видеть": дарг. gw-is (урах.):

---

[1] Отражение gw аварско-андийских языков в виде kw в дидойских языках имеет место и в других случаях. Срв. ав. gordo „окно": анд. ingur: тинд. hingwar: ахв. ĩgo (←*ĩgwa): дид. aḳi (←*akwi:): хварш. ãka (←*ãkwa).

лак. kəakə-an (редупл.): арч. akə-us: лезг. akə-ún: таб. li-g-uz: аг. agw-as: рут. ha-g-ün: цах. il-akə-as: уд. ak-sun: хин. la-k-ri;

7. ав. gaza „кирка": дарг. gaʒa: лак. kəäza: лезг. kəacəä: таб. gazu;

8. дарг. igw-is (урах.) „жечь": арч. ukə-as: лезг. kə-un: таб. urg-uz: аг. ugw-as: хин. je-kə-íri (ав. rekine, дид. ri-k-a, хварш. la-kw-a к этому корню не относятся);

9. ав. žul „веник", „метла" (←*gul): арч. mukəul: лезг. kəul: таб. murgul: аг. mugul: рут. mugul: хин. mukəúr;

10. арч. bakw(←*bäkəu) „бок", „ребро": лезг. pəagw: таб. bag (в слове bag-a-x̃ „рядом", „близко"—этим. „у бока"): аг. bagw: рут. beg: хин. bugw-rə;

11. ав. keto (хунз.) || getu (анц.): анд. gedu (←*getu?): дид. ketu (←*ketu): хварш. kitu: гин. ketu: дарг. gata: лак. čəitu (←*kəitu): арч. gatu: лезг. kəac (←*kəací←*kəatí): таб. gati: аг. gitan: рут. gät. Формы даргинского, лакского, а также лезгинских языков ведут к исходным формам *getu || *gatu[1], которые близки к одному из народнолатинских вариантов gattus/gatt , легшему в основу большинства романских наименований кота и кошки (итал. gatto/gatta, испан. gato/gata, португ. gato, пров. gat-z). С другой стороны, эти формы находят аналогии в языках северной Африки—в языке маба(gitte „дикий кот") и в вымершем языке аффаде (gēda || gāda), а также в одной из форм баскского языка (сульск. gathü)[2].

Трудно указать на непосредственный источник заимствования, но судя по тому, что в даргинском, лакском и лезгинских языках формы закономерно дифференцированы, заимствование очень древнее и не может восходить к периоду „одомашнения" дикой кошки. Аварско-андийские формы претерпели, по всей вероятности, комбинаторные изменения и вместе с дидойскими их тоже можно возвести к праформам *getu || *gatu || *gati, хотя

---

[1] Форму *gatu в качестве архетипа для дагестанских языков предлагает Г. А. Климов в статье „Из истории одной общекавказской лексической параллели (к названию домашней кошки в кавказских языках): Орион. Акакию Шанидзе (Юбилейный сборник), Тбилиси, 1967, стр. 380.

[2] Сведения почерпнуты из доклада А. Б. Долгопольского „Об этимологии латинского cattus „кот", „кошка", зачитанного на IV всесоюзной конференции по классической филологии в ноябре 1969 г. в Тбилиси. Тезисы опубликованы (см. стр. 19, 20, 21).

не исключается возможность, что они являются более поздними заимствованиями из другого источника.

12. дарг. gwaӡa „кобыла“: лак. kəwacəa: арч. gwaci.

§ 2. Общедагестанские неглоттализованные глухие взрывные *p, *t, *k сохранились без изменения, хотя постулирование общедагестанского /*p/ затруднено за неимением достаточного материала и подчас необъяснимой рефлексации в некоторых языках.

Общедагестанское /*p/?: 1. ав. per „лук“ (зелень): арч. pil: рут. ⌈si⌉-pil: цах. ⌈si⌉-pa;

2. анд. pera „пчела“: кар. pera: ахв. hera: хварш. por (постулируется только для аварско-андо-дидойского хронологического уровня).

Общедагестанское /*t/: 1. ав. t-eze „оставить: анд. be-t-idu: ахв. be-t-ur-ul'a: дарг. ba-t-es: лак. bi-t-an: арч. ab-t-is „отпустить“: лезг. t-un: таб. e-t-uz „оставить“, „допустить“, „позволить“;[1]

2. анд. bi-t-idu „потерять“: кар. be-t-a „потерял“: дарг. beta-qes „терять“: лак. bat-x'un: лезг. bat-miš: уд. bat-kesun;

3 ав. keto „кошка“: дарг. gata: лак. čəitu: арч. gatu: лезг. kəac (←*kəatí): таб. gati: рут. gät;

4. ав. tw-ize „плюнуть“: анд. tu-idu: ахв. tu-r-ul'a: дарг. tu-ikes: лак. puv-učin (←*tvuv-učin): арч. tu-bus: лезг. tu-tu „плевок“: таб. tu-apuz „плюнуть“: рут. tu-jehin: цах. tu-'as.

Общедагестанское /*k/: 1. ав. kwer „рука“: ахв. kwar- (в слове kwar-qəen „браслет“): гин. kwe-zej: кап. ko: дарг. kwi- „в руки“ (преверб): лак. ka ‖ kwa: арч. kul: уд. kul: хин. kul;

2. ав. kwi „баран“: анд. kun: дарг. kiwa: лак. ku: хин. ki;

3. ав. kan „свет“: ботл. kwani: дид. kwa: беж. kā „лучина“: лак. čani (←*kani): лезг. ekw (эрг. пад. ekün-i): таб. akw: аг. 'akw: рут. jakw;

4. ав. kwan-a-ze „есть“, „кушать“: анд. ikon „съел“: ахв.

---

[1] Совмещаемость значений „оставить“, допустить“ и „позволить“ в одной корневой морфеме не вызывает сомнений. Хорошей аналогией может послужить древнегрузинский корень ṭev, который имеет все эти значения при соединении с разными превербами: da-u-ṭev-a „оставил“, gan-u-ṭev-a „отпустил“ и u-ṭev-a (без преверба) „допустил“, „позволил“.

unkani: гунз. ken „еда“ (<ав. kwen „еда“?): дарг. dir-kw-is: лак. kan-an, du-k-an: арч. kum-mus, bu-k-mus: уд. uk-sun;

5. ав. kweω- „левый“: ботл. kwaω-: лак. kwi-j-: цах: ka-ʳbaqa[1];

6. ав. naku „колено“: ботл. niko „нога“, „колено“: ахв nikwa: кап. āga (←*āka?): хин. nik „колено“;

7. лак. uč-in (←*uk-in) „сказать“: хин. li-k-ri.

§ 3. Глоттализованнные взрывные в общедагестанском языке были представлены только в дентальном и передневелярном рядах. Лабиальный /*p/ в языке-основе накануне его распада на отдельные группы и языки отсутствовал[1]. В исторически засвидетельствованных дагестанских языках /p/ встречается также довольно редко и, как правило,—вторичного происхождения. Чаще всего /p/ получено от kw или qw[2].

Дентальное /*t/ и велярное /*k/ в дагестанских языках не претерпели никакого изменения, если не считать озвончения /*k/ в хиналугском в позиции n—#.

Дентальный глоттализованный взрывной /*t/: 1. ав. tank „точка“: ботл. tanki „пятно“: ахв. tanka „точка: дарг. kant (←*tank): лак. kunt „капля“ (←*tunk): арч. kent (←*tenk): аг. tink: уд. kat (←*tak): хин. təng;

2. ав. t-eze „налить“: анд. t-in-nu: ахв. t-in-ul'a: дарг. x̃a-rt-is (урах.) ‖ ka-rt-es (акуш.): лак. du-t-in;

3. ав. kwet „губа“: дарг. kwint: арч. kwet: таб. kwant;

4. хварш. tu „палец“: дарг. tul: арч. ti-„маленький“ (этим. -„маленький палец“, „мизинец“): лезг. tub „палец“: таб. tub: аг. tu: рут. tili: цах. tub;

5. арч. e-t-mus „привязать(ся)“: лезг. ku-t-un: таб. e-t-uz: аг. i-t-as: рут. ki-t-in: цах. aj-t-an-es (пов. н. aj-t-lä!).

Передневелярный глоттализованный взрывной /*k/: 1. ав. tank „точка“: ботл. tanki „пятно“: ахв. tanka: „точка“: дарг. kant: лак. kunt „капля“ (←*tunk): арч. kent (←*tenk): аг. tink: уд. kat (←*tak): хин. təng;

---

[1] Бокарев. Введ., стр. 61. См. также: Гигинейшвили. СВ стр. 187.

[2] Е. Ф. Джейранишвили. Лабиализованные согласные и их изменения в цахско-мухадском (рутульском) и других языках лезгинской группы: ИКЯ, т. XV, Тб., 1966, стр. 353 и дальше.

2. ав. wač-ine[1] „прийти“: дарг. wa-k-is: лак. u-č-an (←*uk-an; срв. прош. вр. u-v-k-ra);

3. ав. rak „сердце“: анд. rokwo: ахв. rakwa: дид. roku: тин. rokwe: дарг. urki: лак. ɗak: арч. ikw: лезг. rik: таб. juk: аг. irkw: рут. jik: цах. jik: уд. uk: хин. ungw;

4. ав. bu-k-ine „быть“ (←*bi-kw-ine — Т. Е. Гудава): анд. bikw-idu: ахв. bi-k-ur-ul'a (прош. bi-kw-ari): лак. bi-k-an;

5. лак. rik „топор“: лезг. jakw: таб. jak: аг. jak: цах. jakw;

6. ав. kwet „губа“: дарг. kwint: арч. kwet: таб. kwant;

7. ав. neko-go „давно“: чам. hⁱkwe-ɗa: дарг. nikw-al (урах.) „раньше“: лак. ɗu-k-u „в прошлом году“.

б) Аффрикаты

Общедагестанские аффрикаты представлены пятеричными рядами, состоящими из звонкого, глухого неглоттализованного слабого, глухого неглоттализованного сильного (resp. интенсивного), глухого глоттализованного слабого и глухого глоттализованного сильного (resp. интенсивного) членов. К четырем полным рядам (постдентальному, или свистящему, альвеолярному, или шипящему, увулярному и латеральному) присоединяется еще один дефектный — передневелярный ряд, который располагает лишь глухими интенсивными членами.

§ 4. Звонкие аффрикаты постулированы еще Н. С. Трубецким[2], который в основном дал правильные формулы звукосоответствий, нуждающиеся, однако, в поправках и дополнениях. Формулы, предложенные Е. А. Бокаревым[3] для звонких аффрикат, во многом уступают формулам Н. С. Трубецкого как в

---

[1] Н. С. Трубецкой аварское wačine сопоставляет с формами лезгинских языков (арч. ču-bus „войти“, таб. ućw-uz, аг. uč-as, лезг. älä-č-un „перейти“, рут. äč-un „войти“, цах. ič-es „войти“, уд. č-esun „выходить“; см. Trubetzkoy. NW, стр. 87). Однако в удинском česun „выйти“ če является превербом „вы“- (срв. če-psun „выносить“) кроме того семантически и по строению ав. wačine ближе к даргинской и лакской формам, корнем которых является k. Трудно объяснить также появление č в табасаранском.

[2] Trubetzkoy. NW, стр. 90.

[3] Бокарев. Введ., стр. 69—79.

Соответствия, на основе которых можно постулировать звонкие аффрикаты в общедагестанском, могут быть представлены в виде следующей таблицы:

Общедаг.	ав.	анд.	ахв.	дид.	дарг.	лак.	арч.	лезг.	таб.	аг.	рут.	цах.	уд.	хин.
*ʒ	c̣ᵓ, z[1]	c̣ᵓ, z[1]	c̣ᵓ, z[1]	c	ʒ ‖ cᵓ[2]	cᵓ/z[3]	c	cᵓ/ʒ[3]	ʒ	z	z	z	z	c̣
*ǯ	č̣ᵓ/ž	č̣ᵓ/ž	c̣ᵓ/ž	č	ǯ ‖ čᵓ[2]	čᵓ/č̣	č	čᵓ/ǯ[3]	ǯ	ǯ	?	ǯ	ǯ	č̣
*γ‘	q̣ᵓ, γ[1]	q̣ᵓ, γ[1]	q̣ᵓ, γ[1]	q	γ‘ ‖ qᵓ[2]	qᵓ/γ[3]	q	qᵓ/γ[3]	γ	γ	γ	γ	γ	q̣
*dϱ	ṭ‘ᵓ	ṭ‘ᵓ	ṭ‘ᵓ	l’ᵓ	g ‖ kᵓ[2],ḥ	kᵓ/l[3]	l’ᵓ	kᵓ/γ̃[3]	γ̃	j/x̃[4]	j[5]/w[6]/x̃[4]	γ/l[5]	γ/l[5]	ḳ

Примечания к таблице

1. В аварско-андийских языках наличие двух позиционно не обусловленных рефлексов в свистящем и увулярном рядах объясняется их свободным варьированием в аварско-андийском языке-основе.

2. Параллельные линии указывают на принадлежность рефлексов разным диалектам.

3. В лакском и лезгинском языках звонкие выступают в послеударной части слова, в предударной же появляются сильные неглоттализованные. Поскольку согласно законам лакской комбинаторики ž не может находиться в конце слова, он заменяется глоттализованным č̣.

4. x̃ в агульском и рутульском — только в конце слова.

5. Рутульское j, цахурское и удинское l — перед гласными переднего образования (i, e, ü).

6. Рутульское w — лишь перед гласными заднего образования.

смысле правильности, так и с точки зрения упорядоченности и систематизации.[1].

Примеры:

Общедагестанское /*ʒ/: 1. ав. moçə „луна“, „месяц“: анд. borçəi: ахв. boçəo: дид. buci: дарг. baʒ || bacə: лак. barz: арч bac: лезг. warʒ: таб. waʒ: аг. waz: рут. waz: цах. waz: хин. waç;

2. ав. maçə „язык“: анд. miçəi: ахв. miçəi: дид. mec: дарг. miʒ || mecə: лак. maz: арч. mac: лезг. meʒ: таб. melʒ: аг. mez: рут. miz: цах. miz: уд. muz: хин. miç;

3. ав. çəu-jze „выдавливать“, „доить“: анд. bu-çə-in-nu: ахв. çəo-n-ur-ul'a: дарг. dir-ʒ-is: лак. təí-z-in: арч. ba-c-as: лезг. acə-ún: таб. ar-ʒ-uz: аг. u-z-as: рут. we-z-in: цах. gā-z-as.

4. ав. nuçəa „дверь“: анд. hinçəu: ахв. icəo: дид. ωac: хварш. ас: дарг. unʒa || ucəa: лак. nuz;

5. ав. çəun „орел“: анд. çəun: ахв. çəu: дид. ce: лак. bá-rzu;

6. ав. çəan „соль“: анд. çəon: ахв. çəani: гунз. cā: дарг. ʒi || cəi;

7. лак. í-z-an „встать“: арч. bu-c-is: лезг. aqəwá-z-un: таб. γ'u-ʒw-uz: аг. γu-z-as: рут. lu-z-un: цах. ulu-z-ar-as;

8. дарг. gwaʒa „кобыла“: лак. kəwacəa: арч. gwaci;

9. ав. zaz „колючка“ (ахв. žaža): дарг. ʒanʒi || cəacəe: лак. cəac (←*cəaz вследствие унификации парадигмы под влиянием основы косвенных падежей cəucə-, а затем с упрощением сильной cə в c в конце слова): лезг. cəaʒ: таб. ʒaʒa: аг. zaz: рут. ziza;

10. ав. zob „небо“ (срв. ав. çəob „милость“, „милосердие“): дарг. ʒub-ri || cəub-ri: лезг. cəaw: таб. ʒaw: аг. zaw (лак. səaw и хин. cəwa предполагают исконное *cə);

11. ав. gaza „кирка“: дарг. gaʒa (урах.): лак. kəaza: лезг. kəacəá: таб. gazu.

Общедагестанское /*ǯ/: 1. ав. miçə „крапива“: анд. miçəi: ахв. miçəi: дид. meča: дарг. miʒ: лак. mič: арч. mač: лезг. miǯ („съедобная трава“): аг. maǯar: хин. məç;

---

[1] Об этом специально: Гигинейшвили. ЗА, стр. 203—217.

2. ав. гačə „хвост“: ахв. гаçəi (?) „веревка“: арч. öč: таб. riǯw: аг. ruʒ: уд. oʒ-il;

3. ав. be-ž-ize „жарить“, „испечь“: анд. be-ž-idu: ахв. bi-ž-ur-ul'a: лак. čəučə-ín: арч. ba-č-r-as: лезг. čə-ur-un: таб. urʒ-uz(←*u-ʒr-uz?): аг. u-ʒ-as: цах. qe-ʒ-es;

4. ав. gožo „клык“, „зуб“: гин. kečn: лак. kəarčəí: лезг. karč(←*karčə под влиянием основы косв. падежей kirčə-, которая, в свою очередь, предполагает исходной основу *kəarʒ): аг. gwarʒ;

5. ав. gwaži „сука“: ахв. geži: гунз. kača (←*kača): лак. kəačəí: арч. gwači: лезг. kač(←*kačə←*kəaʒ): цах. goʒe;

6. ав. raži-ʳperˡ „чеснок“: лак. lačəi: арч. lači.

Общедагестанское /*γ'/: 1. ав. baqə „солнце“: дид. buq: лак. barγ: арч. barq: лезг. raγ(←*wiraγ): таб. riγ || riγ'i: аг. raγ: рут. wirəγ: цах. wirəγ: уд. beγ: хин. ənq (дарг. barḥi, как справедливо считает Н. С. Трубецкой, является результатом контаминации двух разных основ, обозначающих „солнце“: инициальное *b в нем от основ типа арч. barq, лак. barγ, корневое же ḥ закономерно соответствует l' андийских языков, чеченскому lx и бацбийскому tx[1]);

2. ав. qəo „день“: арч. iq: лезг. joγ (эрг. п. qəä): таб. jiγ: аг. jaγ: рут. jəγ: цах. jəγ: уд. γi: хин. qä;

3. ав. qəono „каменная плита“, „засов“: арч. qwan „засов“, лезг. qəwan „камень“: таб. γwan: аг. γwan;

4. ав. qəed „стена“: анд. qəen: ахв. qəenda[2]: хварш. qad||qod: дарг. γ'adaw-la „крыльцо“ (этим. — „стенной“, „стены“, т. е. род. пад. слова *γ'ada „стена“): лак. qəatəa „дом“, „комната“;

5. ав. γež „плечо“ (←*qəež?): анд. γažu: ахв. γenča: лак. qač (←*qəač): арч. qün: лезг. qənn: таб. γün: рут. γən :цах. γulʒe „лопатка“;

---

[1] Troubetzkoy. CL, стр. 192.

[2] Возможно, общедагестанское *γ'wanda „стена“ является производным от общедагестанского *γ'wan „камень“. Соотношение этих двух значений поддерживается соответствием между праславянским *stěna и прагерманским *staina „камень“ (см. В. В. Мартынов. Анализ по семантическим микросистемам и реконструкция праславянской лексики : „Этимология“ (1968), Москва, 1971, стр. 18).

6. ав. γuγa-đ-izө „греметь: дарг. γ'uγ'u „гром“: лак. qəuw: арч. qu-ħus „греметь“: лезг. qəuqərüm „гром“: рут. γiγa-na „громко“: цах. γa-ħädaqw „греметь“;

7. дарг. nerγ „слеза“: арч. naħq: лезг. naγw: таб. nevγ || nivγ': аг. neγw: рут. naγw: цах. naγ: уд. neγ (в аварско-андо-дидойских и лакском языках с этим значением употребляется другое слово с начальным m-, второй корневой согласный которого восходит к общедагестанскому слабому*q).

Небезынтересно отношение вышеуказанной основы—особенно в табасаранской реализации—к древнегрузинскому navγel „желчь“, „горечь“ с точки зрения древних контактов между картвельскими и дагестанскими языками.

Общедагестанское /*đə/: 1. ав. ħot'ə „хлев“, „конюшня“: ботл. ħet'əi: ахв. ħet'əo: дид. ħul'əu: дарг. ħiγ́ (урах.) „крупный рог. скот“: лак. pəal[1]: лезг. kəür (←*wukəür?) „хлев“: аг. mix́: рут. wix́: уд. ħele „скот“;

2. ав. t'əeze „дать“: дид. ne-l'ə-a: дарг. γ́-is || g-es: лак. ül-un: арч. l'ə-os: лезг. γ́-un (←*úγ́-un): таб. γ́-uz: аг. j-es: рут. qə-w-un: цах. qi-l-es: хин. la-k-ri;

3. ав. ant'ə- „семь“: анд. ħot'əu-: ахв. at'əu-: дид. ol'ə-: дарг. werħ-(урах.): лак. arul-: арч. wil'əi-: лезг. eri-(←*erγ́i): аг. jeri-(←*jerji): таб. urγ́u-: рут. jiwu-: цах. jiγə-: уд. vüγ: хин. jik;

4. ав. mit'ə- „восемь“: анд. ħejt'əi-: ахв. ħit'əi-: дид. ħil'ə-: дарг. ga-ħ(?): лак. mjej- (←*mjel?): арч. mel'əe-: лезг. müžü-(←*müγ́ü-): таб. mirži-(←*mirγ́i-): аг. muja-: рут. məje-: цах. molü-: уд. muγ: хин. ink;

5. ав. rat'əa „кость“: анд. rot'əi: ахв. rat'əi: кап. (тляд.) l'əora (←*rol'əa): дарг. liga (урах.): лак. ličəa (←*likəa; род. пад. likəural)[2]: арч. lekəi (←лак. ?);

6. дарг. marγ́a „самец“ (урах.) || marga (акуш.): арч. mel'əe-: цах. wəγəl (лезг. γül „муж“← *γ́ul?).

Глухие аффрикаты общедагестанского языка являются членами одновременно двух корреляций: корреляции рекур-

---

[1] Аварскую и лакскую основы впервые увязал Н. Я. Марр (См. Марр, НИ, стр. 321).

[2] Другое лакское слово с синонимичным значением—təark, по нашему мнению, сюда не относится. Оно может быть сопоставлено с табасаранским jirkə, агульским irkə, удинским üqejn, хиналугским ink и восходить к форме с общедагестанским корневым *t'ə.

сии (глоттализованность—неглоттализованность) и корреляции интенсивности („слабый-сильный"). Следовательно, как глоттализованные, так и неглоттализованные аффрикаты имели в общедагестанском сильные (resp. интенсивные) и слабые (resp. неинтенсивные) корреляты. Н. С. Трубецкой изучил эволюцию сильных и слабых согласных на материале аваро-андийских языков[1] и пришел, за некоторым исключением, к правильным выводам.

Весьма ценные наблюдения над слабыми согласными сделаны Н. С. Трубецким, который установил первые закономерности и звуковые соответствия. Те неправильные заключения, которые сделаны Н. С. Трубецким о генезисе сильных неглоттализованных аварского языка cə, qə, l'ə[2], впоследствии были замечены и правильно истолкованы Т. Е. Гудава[3]. Речь о них пойдет ниже.

§ 5. Глухие неглоттализованные (т. н. „придыхательные") аффрикаты.

Неглоттализованные глухие были представлены в общедагестанском четырьмя слабыми и пятью сильными фонемами. Несоответствие в количестве между сильными и слабыми вызвано тем, что у сильной передневелярной /*kə/ среди аффрикат не было слабого коррелята. В качестве слабого коррелята kə в современных аваро-андийских языках выступает взрывной /k/. По мнению Т. Е. Гудава, этот факт является отражением древнего состояния, т. е. „аффрикатность /kə/ (а также /ḳə/) была формой артикуляции исконных сильных передневелярных взрывных, которые превратились в аффрикаты по причине именно такого произношения".[4] Мы склонны к несколько иной интерпретации. Поскольку противопоставление по признаку интенсивности было свойственно лишь глухим согласным с спирантным исходом (таково положение вещей во всех остальных рядах), можно предположить, что слабые корреляты передневелярных /*kə/ и /*ḳə/ слились с взрывными /*k/ и /*ḳ/ еще до распада общедагестанского языка-основы. Поэтому они не оставили следа в исторически засвидетельствованных дагес-

---

[1] Trubetzkoy. Stud., стр. 7—36.
[2] Там же.
[3] Гудава. Аффр., стр. 276—278; Гудава. ФС, стр. 263.
[4] Гудава. Аффр., стр. 263.

танских языках. Впрочем, решительно примкнуть к тому или иному мнению, без предварительной попытки привлечь методику внутренней реконструкции, затруднительно.

Н. С. Трубецкой при реконструкции слабых неглоттализованных *c, *č, *q ничего не говорит о слабой латеральной *l′. Это объясняется тем, что он не был осведомлен о наличии в ахвахском языке фонемы /l′/.

§ 6. Слабые неглоттализованные аффрикаты /*c/, /*č/, /*q/, /*l′/ общедагестанского языка дают в отдельных языках следующие рефлексы: в аварском— соответственно— c, č, x, l‘ (т. е. в сибилянтных рядах исконные фонемы сохранены без изменения, в остальных же—спирантизированы), в андийском—s, č, x, l‘ (спирантизация не коснулась лишь шипящего ряда); в ахвахском—č, č, q, l′ (свистящий *c→č[1], остальные не претерпели изменений), в дидойских языках —s, š, x, l‘ (все перешли в спиранты), в даргинском— c, č ‖ c, q, k (исконный *l′ делатерализовался в k), в лакском—c, č ‖ c, q, x̋, в арчинском—s, š, x (рефлекс *l′ не встречается в материале), в лезгинском—s, š, x (в анляуте) и—c, č, q (в остальных позициях), x̋ (для *l‘ во всех позициях), в табасаранском—s, š, x, x̋ (в анляуте) и c, č, q, x̋ (в остальных позициях), в агульском— s, ?, x, x̋ (в анляуте) и —c, č, q. ? (в остальных позициях; не встречается в материале /*č/ в начальной позиции и /*l′/—в конечной), в рутульском—s, š, x (в анляуте) и—c, č, q (в остальных позициях; рефлекс исконного *l′ неизвестен), в цахурском—s, ?, x, x̋ (в анляуте) и c, č, q, ? (в остальных позициях), в удинском ∅ (для всех слабых в анляуте и инляуте) и—s, š, x, x (в конце слова), в хиналугском—c, č, q, k (во всех позициях).

Как видим, почти без всякого изменения исконные слабые неглоттализованные аффрикаты сохранились лишь в ахвахском. Если не принимать во внимание делатерализацию исконного /*l′/, можно считать, что *c, *č, *q, и *l′ не претерпели почти никаких изменений также в даргинском и хиналугском.

---

[1] Переход слабых свистящих в соответствующие шипящие заметил и в виде закона сформулировал Н. С. Трубецкой (см. Trubetzkoy. Stud., стр. 20).

В остальных языках довольно закономерно (за исключением аварского и андийского) наблюдается спирантизация исконных аффрикат, которая в лезгинских языках зависит от позиции, в дидойском и арчинском же позиционно не обусловлена.

Привлекает внимание нулевая рефлексация общедагестанских неглоттализованных слабых аффрикат в удинском в начальной и срединной позициях. Эта закономерность, которая стирает грань между исконными *c, *č, *q, *l' в удинском[1], а также спирантизация указанных фонем в удинском в конечной позиции и позиционная обусловленность двух рядов рефлексов в лезгинских языках установлена нами[2].

Общедагестанское /*c/: ав. c: анд. s: ахв. č: дид. s: дарг. c: лак. c: арч. s: лезг. s/c: таб. s/c: аг. s/c: рут. s/c: цах. s/c: уд. ∅/s: хин. c.

1. ав. co „один": анд. se-: ахв. če-: дид. si-: дарг. ca: лак. ca-: арч. os: лезг. sa-: таб. sa-: аг. sa-: рут. sa-: цах. sa-: уд. sa(!): хин. sa(!)[3];

2. ав. ca „зуб": анд. sol: ахв. čilo: хварш. sel: дарг. cula арч. so-t: лезг. sas (редупл.): таб. selew: аг. silew: рут. səlab: цах. sili(←*silib)[4]: уд. ul-ux: хин. cul-oz:

3. ав. be-c-ize „косить": дарг. ⌈balk⌉-bur-c-es: лак. bu-c-an „рвать": лезг. *bi-c-in (в слове bič-in-či „косарь"←*bicin-či): аг. u-c-as: уд. ca-psun. Н. С. Трубецкой для лезгинского приводит üγ̍-ün „жать", а также табасаранское wu-s°-ur (Trubezkoy. NW, стр. 84), не имеющие отношения к вышеприведенным основам.

4. ав. oc „бык": анд. unso :ахв. ũča: дид. is: дарг. unc: лак. nic: арч. ans: лезг. jac: таб. jac: аг. wec: рут. jac: цах. jac: уд. us;

---

[1] См. Гигинейшвили. ПА, стр. 74.

[2] Там же, стр. 70—71.

[3] Хиналугская форма вместо ожидаемого c дает s, что можно приписать влиянию других лезгинских языков. Также обстоит дело и с удинским sa.

[4] Сохранение в цахурском исконного /*l/ объясняется наличием в основе лабиального согласного /*b/: Б. К. Гигинейшвили. Общедагестанские *l и *r (САН ГССР, XLIX, № 1, 1968, стр. 245).

5. ав. bo-c-ize „мерить“, „взвешивать“: анд. ba-s-on-nu: ахв. ma-č-un-ul′a: дарг. um-c-es: лак. du-c-in: арч. ab-s-mus: лезг. al-c-um-un: таб. jar-c-uz: аг. al-c-as: уд. us-ksun || us-kesun;

6. ав. ωarac „серебро“: анд. orsi: ахв. ači: дарг. arc: лак. arcu: арч. arsi: таб. ars: аг. ars.

Незакономерные формы (с спирантом вместо аффрикаты) табасаранского и агульского языков, а также отсутствие данной основы в остальных лезгинских языках как будто указывают на то, что табасаранское и агульское ars заимствовано из арчинского с последующей утерей конечного гласного. Однако можно дать и другое объяснение, если уточнить дистрибуцию рефлексов общедагестанских *c, *č, *q, *l′, данную выше, и в качестве двух релевантных позиций принимать не анлаут в противовес остальным позициям, а нахождение фонемы в предударной или послеударной части слова. Получится, что в предударной части слова в табасаранском и агульском (а также в лезгинском, рутульском и цахурском) исконные слабые неглоттализованные аффрикаты отражаются в виде спирантов, в послеударной же части—в виде аффрикат. Данное правило можно распространить и на другие языки, представленные двумя рядами рефлексов.

Исходя из сформулированного правила, таб. и аг. s в слове ars, находящиеся в послеударной позиции, можно объяснить унификацией парадигмы или парадигматического уравнения: основа косвенных падежей этих слов является двусложной (таб. arsra-, аг. arsur-), ударение падало на второй слог и *c оказывалось в предударной части слова, где оно могло реализоваться только в виде s, которое позднее распространилось и на именительный падеж.

Дагестанские основы с значением „серебро“ Р. Лафон сопоставляет с чеченским axča „серебряная монета“, с абхазским arazən, кабардинским dəz̆ən, с грузинским wercxli и занским varčxili[1] и полагает, что это слово является „общекавказским“[2].

---

[1] R. Lafon. Le nom de l’argent dans les langues caucasiques: Revue Hittite et Asianique, 3-e année, f. 10 et 11, 1933, стр. 91.

[2] Там же, стр. 91, 94.

При сравнении с абхазско-адыгскими языками он опирается на соответствие абх.-адыг. *z: нахско-дагестан. *c, которое наблюдается якобы в слове „один" (абх.-адыг. *zə: нах.-даг. *ca [1]). Опираясь лишь на один пример, трудно утверждать что-либо определенное, хотя даннное сопоставление не исключается. Труднее обстоит дело с картвельскими языками. Во-первых, весьма произвольно разложение груз. vercxl- и выделение в качестве корня cx, во-вторых, соответствие груз. cx (зан. čx): даг. c не подкрепляется другими примерами и не может считаться закономерным. „Общекавказское" происхождение данного слова тем самым исключается. Трудно отнести слово „серебро" даже к общесеверокавказскому лексическому фонду, так как сравнение с чеченским axča неубедительно и абхазско-адыгские эквиваленты также оставляют некоторые сомнения. Гораздо интереснее привлечение Р. Лафоном индоевропейского материала [2] (греч. argür-os, лат. argent-um, арм. arcat'и др.), в особенности если учесть основу косвенных падежей некоторых дагестанских языков (срв. греч. argür-: аг. arsur-, таб. arsr-). Однако этот вопрос может ставиться только на уровне древнейших культурных связей языков-основ и требует специального изучения. Поэтому мы на нем здесь останавливаться не будем.

Общедагестанское /*č/: ав. č: анд. č: ахв. č: дид. š: дарг., лак. č, c: арч. š: лезг. š/č: таб. š/č: аг. ?/č: рут. š/č: цах. ?/č: уд. ∅/š: хин. č.

1. ав. čan „сколько?": анд. čom: ахв. čami: дид. šomo: дарг. čum: лак. cimi: арч. šume-: лезг. šumu-: таб. šunu-: рут. šumu-: уд. em-ma: (хин. samə-?);

2. ав. ɷeč „яблоко": анд. inči: ахв. ɷeče (<ав.?): дид. heneš: дарг. ɷinc: лак. hiwč: арч. anš: лезг. ič: таб. weč: аг. ḥač: рут. ač: цах. eč: уд. eš: хин. məč;

3. ав. ču „лошадь": анд. iča: ахв. ičwa: дарг. urči: лак. ču: арч. noš: лезг. šiw „жеребец": хин. pši „лошадь" (←*pči); [3]

---

[1] R. Lafon, указ. сочинение, стр. 93.

[2] Там же, стр. 94—95.

[3] В хиналугском начальный комплекс p + аффриката суперируется путем спирантизации второго члена группы. К примеру: хин. pša „хлеб" (←*pča; срв. ав. čed, лак. čəaṭ), pšiṭ „котенок" (←*pčiṭ; срв. ав. keto, лак. čəitu, дарг. gatu) и др.

4. ав. beče „теленок“: гунз. biše: лак. barč: арч. biš: аг. urč(←*wurče);

5. ав. muč(-huri) „ветер“: анд. moči: лак. marč: цах. məc(!): уд. muš;

6. ав. ba-č-ine „привести“: лак. bu-c-in: уд. esč-un „принести“ (←*eč-sun[1]).

Общедагестанское /*q/: ав. x: анд. x: ахв. q: дид. x: дарг. q: лак. q: арч. x: лезг. x/q: таб. x/q: аг. x/q: рут. x/q: цах. x/q: уд. ∅/?: хин. q.

1. ав. xur „нива“, „пахотный участок“, „поле“: анд. xur: ахв. quri: дид. xur: дарг. qu: лак. qu: арч. ux (мн. ч. uxur-čen): таб. xér: аг. xu: рут. xuj: хин. ənqa;

2. ав. ax „сад“, „виноградник“: анд. oxi: ахв. aqi: дарг. anq: лак. aq: таб. aq „хлев“, „конюшня“ (этим.—„огороженное место для скота“? Срв. русское „огород“);

3. ав. xer- „старик“, „старый“: анд. bo-xor-: ахв. ba-qaro-: дарг. unqa: лак. quna-: арч. xala-: цах. xȧr-na: хин. inqir;

4. ав. nixa „овес“: анд. nixa: ахв. niqa: хварш. nixa: дарг. niqä: лак. neqa: лезг. nexw „полба“ (←*nexwȧ);

5. дарг. qär „груша“: лак. qür-t: арч. xer-t: лезг. (čn)-xwér: таб. (ǯe)-xér: аг. (ǯi)-xér: рут. xər: цах. (ǯi)-xȧ: уд. ar;

6. дарг. qali „дом“, „комната“: арч. xal „нора“: таб. xal „дом“: аг. xal: рут. xal: цах. xaw;

7. ав. xax-ize „сосать“: ахв. ba-q-ur-ul'a: дарг. dir-q-is: лак. tə̈i-q-in: аг. u-q-as: цах. gjo-q-as;

8. ав. xaďu- „позади“, „после“: ахв. qeďo: лак. qiri-: арч. xara (←*xaďa): таб. ȧ-xirì'-: аг. xaw (←*xaďuw);

9. дарг. qära „горох“, „боб“: лак. qüru: лезг. xar „боб“, „град“: аг. xar „боб“: рут. xar „град“ (то, что семантика „града“ может быть связана с семантикой „боба“, хорошо видно на примере лезгинского языка, где xar имеет оба эти значения. Значения „град“, „боб“ можно возвести к более общему значению „зерно“, „зернышко“).

Мы здесь не приводим основы со значениями „высокий“, „ячмень“ и „грудь“, корневые согласные которых возводятся

---

[1] Наличие в удинском č вместо ожидаемого š, надо полагать, объясняется диссимиляторным влиянием соседнего s.

Е. А. Бокаревым к общедагестанскому /*q/[1]. В этих словах имеют место колебания, которые наталкивают на мысль, что в языке-основе они могли произноситься двояко. Из двух параллельных форм в одних языках нашла распространение одна форма, в других—другая. Такие случаи специально будут разобраны в последующей части нашей работы.

Общедагестанское /*l′/ специалистами до сих пор не восстанавливалось. Н. С. Трубецкой не был хорошо знаком с ахвахским материалом, который сохранил без изменения указанную фонему. К тому же Н. С. Трубецкой не видел принципиального различия между рефлексами /*l′/ и /*l‘/ и поэтому нередко усматривал в словах с корневым /*l′/ общедагестанский слабый спирант /*l‘/[2]. Е. А. Бокарев вообще представляет латеральный ряд без неглоттализованных (т. н. придыхательных) глухих. Слабую неглоттализованную аффрикату для общеаварско-андийского впервые постулировал Т. Е. Гудава[3]. Но дальнейших поисков в этом направлении не последовало. А между тем, хотя рефлексы исконного /*l′/ и совпадают с рефлексами /*l‘/ в большинстве языков (в аварском, андийском, лакском, табасаранском, агульском, цахурском и, отчасти, удинском), имеются языки, служащие основанием для различения указанных фонем. Таковы: ахвахский, дидойский, даргинский, лезгинский, хиналугский. Особенно важны показания ахвахского, даргинского и хиналугского, в которых исконная аффриката не спирантизировалась. В ахвахском имеется даже минимальная пара, которая опирается на противопоставление l′:l‘. Это слова rel′a „ночь“ и rel‘a „море“. Но только наличие в ахвахском l′ еще не решает вопрос в пользу её исконности. В ахвахском, по нашему мнению, имеются и вторичные l′. Поэтому показания даргинского (а также хиналугского) особенно важны. Если ахвахскому l′ в даргинском и хиналугском соответствует k, то мы вправе постулировать для общедагестанского фонему /*l′/. Косвенную поддержку в таких случаях оказывают также дидойский и лезгинский языки. Если в дидойском и лезгинском не имеет места озвончение исконно глухой фо-

---

[1] См. Бокарев, Введ., стр. 78.

[2] Troubetzkoy. CL, стр. 191—192.

[3] Гудава. Аффр, стр. 269, 286; Гудава. КАЯ, стр. 132—133.

немы (т. е. переход её в сонорный l в дидойском и в перед невелярный звонкий спирант—γ́—в лезгинском), то следует постулировать общедагестанское /*l'/. В целом формула звукового соответствия, на основе которой предполагается наличие в общедагестанском слабой неглоттализованной латеральной аффрикаты, выглядит так:

ав. l': анд. l': ахв. l': дид. l': дарг. k: лак. x́: лезг. x́: таб. x́: аг. x́: цах. x́: уд. ∅/x: хин. k.

1. ав. l'-ize „стать", „сделаться" (в сложных словах: l'əik-l'ize „улучшиться"-„стать хорошим", wacə-l'ize „брататься", „стать братом"): анд. l'-idu (hiri-l'idu „покраснеть", „стать красным", woxor-l'idu „постареть", „стать старым"): дид. l'-a: дарг. i-k-is (вспомог. глагол): лак. x́-un „стать", „сделаться" (употребляется и самостоятельно): лезг. x́-un: таб. x́-uz: аг. x́-as: цах. x́-es: уд. esun [1] (вспомогательный глагол, превратившийся в окончание инфинитива, имеющий также значение „приходить"): хин. k-iri „становиться";

2. ав. mal' „ноготь": анд. mul'a: ахв. mil'u: дид. mol'u: дарг. nikwa (урах.) ‖ mika (кубач.): лак. mix́: уд. mux;

3. ав. l'or „пазуха": анд. in-l'ira „за пазухой": ахв. il'ari: дарг. dukla (этимологически—*du-kla „за пазухой"): лак. x́u „вырез", „ворот" (←*x́ul);

4. ав. rel'eda „вечер": ахв. rel'a „ночь": лак. lax́əu „вчера" (←*lax́u): лезг. jif(←*jix́w): аг. if(←*ix́w): цах. əx́a.

§ 7. Сильные неглоттализованные аффрикаты общедагестанского языка /*cə/, /*čə/, /*qə/, /*l'ə/, /*kə/ дают в отдельных языках следующие рефлексы: в аварском и андийском—cə, čə, qə, l'ə, kə (т. е. сохранены без изменения), в ахвахском—cə, cə, qə, l'ə, x́ (*kə→x́), в дидойских—нейтральные с точки зрения интенсивности спиранты—s, š, x, l', x(‖ h ‖ h?), в одной группе даргинских диалектов (урахинского типа)—звонкие—ʒ, ǯ, γ', γ́ ‖ g, γ́ ‖ g, в другой же (цудахарского типа)—интенсивные неглоттализованные вторичного происхождения (т. н. „преруптивные")—cə, čə, qə, kə. в лакском—сильные спиранты—sə, šə, xə, xə, x́ə/h, в арчинском — слабые спиранты—s/š, š, x, l', x, в лезгинском—звонкие спиранты соответствующих

[1] Н. С. Трубецкой здесь приводит другой вспомогательный глагол с неизвестным значением—xesun (Trubetzkoy. NW, стр. 87).

рядов—z, ?, γ, γ́, γ, в табасаранском—č, č, q, x́, q, в агульском—c/č, č, q, x́,?, в рутульском—š, š, q/x, x́, q, в цахурском—c/č, č, q, x́, q, в удинском—č, č, q, q, q,[1] в хиналугском—cə, čə, k, k, k[1]. В лезгинских языках в середине слова исконная свистящая переходит в шипящую. Исключение составляет хиналугский язык, в котором сильная свистящая аффриката сохранена без изменения в любой позиции.

Общедагестанское /*cə/ : ав. cə: анд. cə: ахв. cə: дид. s: дарг. ʒ || cə: лак. sə: арч. s/š: лезг. z(|| ž || g): таб. ? /č: аг. c/č: рут. ?/š: цах. c/č: уд. ?/č: хин. cə

1. ботл. cəib-uru „зима": ахв. cəib-era: дид. sebi „осень": гунз. sib-ar: лак. səuv-t: арч. so-tə-iqə: лезг. zul || žul || gül[2]: таб. čwul(←*cwul): цах. cuw-ul: хин. cəəvaž || csəvaž;

2. ав. wacə „брат": анд. wocəi: ахв. wacəi: дид. esiju („брат" или „сестра"): дарг. uʒi || ucəi: лак. usəu: арч. uš-təu: таб. čwi || čwe (←*cwi || *cwe): аг. ču (←*uču): рут. šu(←*ušu): цах. čož (←*uč-ož): уд. viči: хин. cəa || csə;

3. ав. jacə „сестра": анд. jocəi: ахв. jacəi: дид. esiju („брат" или „сестра"): дарг. ruʒi || rucəi: лак. səu: арч. doš-təur: таб. či(←*jiči): аг. či (←*jiči): рут. riši: цах. jiči: уд. (xun)-čı: хин. rəcəə;

4. ав. icə „родник": анд. incəi: дарг. ɯiniʒ: хин. məcə;

5. дарг. iʒ-is „стирать", „мыть": лак. i-sə-un: таб. u-č-uz: аг. u-č-as: хин. rə-cə-ri.

Е. А. Бокарев предлагает в качестве иллюстрации, кроме „брата" и „сестры", слово со значением „зло", „желчь".[3] Но это слово содержит, по Н. С. Трубецкому, не сильную аффрикату /*cə/, а сильный спирант /*sə/[4]. Мы в этом частном случае разделяем мнение Н. С. Трубецкого. Но дело в том, что автор распространяет его и на другие примеры и возводит в общую

---

[1] Последние три ряда совпадают в удинском и хиналугском. См. Гигинейшвили. ПА, стр. 80.

[2] zul || žul || gül диалектные варианты. Н. С. Трубецкой полагает, что кюринское gül вторичного происхождения и восходит к лабиализованному сибилянту (Trubetzkoy. NW, стр. 79). По данным соответствий, более древним здесь является также z.

[3] Бокарев, Введ., стр 70.

[4] Trubetzkoy. Stud., стр. 15.

закономерность, согласно которой аварские cə, l'ə и qə восходят к более древним геминированным спирантам[1], с чем мы не можем согласиться. Как отмечено Е. А. Бокаревым[2] и Т. Е. Гудава,[3] сильные неглоттализованные аффрикаты современного аварского в большинстве своем суть сохранившиеся без каких-либо изменений исконные фонемы. Н. С. Трубецкой сам ограничивает вышеуказанное объяснение тремя рядами: латеральным, свистящим и увулярным. Происхождение двух остальных (kə и čə), по его же словам, „еще не удалось установить"[4]. У Е. А. Бокарева /*čə/ и /*l'ə/ вообще отсутствуют. На аварско-андийском уровне они постулированы Т. Е. Гудава[5]. Для общедагестанского /*čə/ и /*l'ə/ (вместе с уже иллюстрированным /*l'/) впервые постулированы нами. Е. А. Бокарев не исключает возможность наличия в общедагестанском сильной шипящей /*čə/, однако материала, который подтвердил бы это предположение, по его мнению, пока еще нет[6]. Постараемся указать на этот материал.

Общедагестанское /*čə/: ав. čə: анд. čə: ахв. cə: дид.?: дарг. ʒ || čə: лак. šə: арч. š: лезг.?: таб.č: аг. ?: рут. š: цах. č: уд. č: хин. čə.

1. ав. čənt „ящерица": анд. končəu: ахв. kancəara: лак. qüršəala: арч. unšala: таб. čur-čul (редупл.): цах. xoča „змея";

2. ав. čəuωa „рыба" (этимолог. — „мокрая", срв. ав. čəuωize „обмакнуть"): ахв. cəuωa: лак. šəül-li- „зеленый" (этимолог. „мокрого цвета"): таб. čir-ur: рут. šil-də:цах. čiwa „мокрый" (срв. čiwa rangsəa „зеленый", дословно — „мокрого цвета"): уд. čali „рыба" (этимолог.—„мокрая");

3. анд. onšəi (←*ončəi) „земля": ахв. ũsəi (! ← *ũcəi): дарг. ωanʒi: лак. ãršəi уд. očal: хин. inčəi;

4. ав. rə-čə-ize „бродить", „перебродить": дарг. ru-ʒir: „кипение": лак. šəar-an „кипеть".

Общедагестанское /*qə/: ав. qə: анд. qə: ахв. qə: дид.

---

[1] Trubetzkoy. Stud., стр. 15.
[2] Бокарев. Введ., стр. 70, 77.
[3] Гудава. Аффр., стр. 270; Гудава. КАЯ, стр. 130, 132, 140—141.
[4] Trubetzkoy. Stud., стр. 15—16.
[5] Гудава. Аффр., стр. 277; Гудава. КАЯ, стр. 130, 132—133.
[6] Бокарев. Введ., стр. 72.

x: дарг. γ' ‖ qᵊ: лак. xᵊ: арч. x: лезг. q/γ: таб. q: аг. q: рут q/x[1]: цах. q: уд. q: хин. k.

1. ав. bu-qᵊ-ize „рыть", „копать": дарг. bu-rγ'-is (урах.): лак. di-xᵊ-an: арч. ja-x-as: лезг. ȧ-γ-ün: таб. üdü-q-üz: рут. a-q-ən;

2. ав. qᵊw-eze „зарезать": анд. bi-qᵊ-udu: ахв. bi-qᵊ-ur-ul'a: дид. be-xw-ada: лак. bi-xᵊ-an;

3. ав. noqᵊo „пещера": дарг. ωiniγ' (урах.): лак. nux (←*nuxᵊ; срв. род. п. nuxᵊ-al): арч. nox: таб. urq „нора";

4. дарг. miliγ' ‖ mulerγ' (урах.) „червь": арч. milixu: таб. mȯlaq: аг. malȧqw: рут. muləx: цах. muq: уд. meq: хин. mokw;

5. ав. -qᵊ „у", „за" (показатель одного из локативных падежей): ахв. -qᵊi: дид.-x ‖ -xo: лезг. -̄q: таб. -q: аг. -q: рут. -x'da[1].

Общедагестанское /*l'ᵊ/: ав. l'ᵊ: анд. l'ᵊ: ахв. l'ᵊ: дид. l': дарг. γ̋ ‖ g ‖ kᵊ: лак. xᵊ: арч. l', l'ᵊ: лезг. γ̋: таб. x̋: рут. ḥ ‖ x̋: цах. x̋: уд. q: хин. k;

1. ав. anl'ᵊ-„шесть": анд. onl'ᵊi-: ахв. ĩl'ᵊi-: дид. il'-: дарг. uriγ̋- ‖ ureg- ‖ urekᵊ-: лак. raxᵊj-: арч. dil': лезг. ruγ̋u-: таб. jirx̋u-: аг. jerx̋i-: рут. jix̋ə-: уд. üq: хин. zek;

2. дид. l'e-„пять"[2]: лак. xᵊü-: арч. l'ᵊwe-: лезг. wa-(←*γ̋wa): таб. x̋u-: аг. ifa (←*ix̋wa): рут. ḥu-: цах. x̋o-: уд. qo: хин. px̋u (←*pku);

3. ав. nil'ᵊ „мы" (инклюзив): анд. il'ᵊil: ахв. il'ᵊi: таб. ix̋u: аг. x̋in: хин. kin;

4. ав. l'ᵊ-ut-ize „кроить", „шить": ахв. be-l'ᵊ-ut-ur-ul'a: лак. dur-u-xᵊ-an: рут. ri-x̋-in: цах. i-x̋w-as.

Общедагестанское /*kᵊ/: ав. kᵊ: анд. kᵊ: ахв. x̋: гунз. x: дарг. γ̋ ‖ g ‖ kᵊ: лак. x̋ᵊ/h[3]: арч. x: лезг. γ: таб. q: аг. q (?): рут. x: цах. q: уд. q: хин. k.

---

[1] Распределение q и x в рутульском обусловлено позиционно: q встречается в интервокальном положении, в остальных позициях её замещает x. В лезгинском q—в послеударной части слова.

[2] Аварское šᵊu-, андийское ištu-/ inštu- и даргинское šu, по нашему мнению, несоотносимы с основами других дагестанских языков со значением „пять".

[3] h—в интервокальной позиции.

1. ав. nakᵊu „мякина“: анд. nikᵊu: ахв. nix̄o: гунз. naxu: дарг. neg (акуш.): лак. nax̄ (←*nax̄ə; срв. род. п. nux̄ə-al): арч. naxw: лезг. naγw: таб. naqw: аг. neq(!) рут. naxu: цах. nȧqw: уд. neq: хин. nuk;

2. ав. mikə „дуб“, „желудь“: дарг. miγ̄ (урах.) || mig (акуш.): лак. murx̄ „дерево“[1] (←*murx̄ə): лезг. mȧγw: таб. mȧqw: рут. mȧxw: цах. mȯq: уд. mȧq;

3. ав. kə-eze „попасть“: анд. bu-kə-u-du: ахв. bu-x̄-or-ul'a: гунз. ne-x-a: дарг. a-g-is: лак. a-h-an: таб. a-q-uz;

4. ав. kəw-eze „держать“, „поймать“: ботл. bi-kə-i: ахв. bi-x̄-ur-ul'a: дарг. war-γ̄-is (урах.) || bar-g-es (акуш.) „найти“: лак. bu-h-an „поймать“, „схватить“, „держать“: арч. bu-x-os: лезг. ǯu-γ-un: таб. bi-q-uz.

§ 8. Глоттализованные аффрикаты дагестанских языков, являясь благодатной почвой для исследования, привлекли большее внимание компаративистов, чем остальные серии согла сных Это объясняется отчасти и тем, что здесь закономерные соотношения улавливались легче вследствие наличия большего количества привлекаемого материала. Первые закономерности среди сильных глоттализованных аффрикат свистящего, увулярного и латерального рядов установлены Н. С. Трубецким, который постулирует общедагестанские сильные /*cə/, /*qə/ и /*t'ə/ наряду со слабыми /*c/, /*č/[2]. В формулах соответствий Н. С. Трубецкой не привлёк материала дидойского и хиналугского, но это нисколько не умаляет важности установленной им закономерности. Невзирая на некоторые (малочисленные) ошибки, в целом попытку Н. С. Трубецкого реконструировать сильные глоттализованные аффрикаты, опираясь на закономерные соответствия между дагестанскими языками, с учетом позиционной обусловленности рефлексации, можно назвать блестяще удавшейся, знаменующей целый этап в сравнительном кавказском языкознании. Рефлексы исконных /*cə/, /*qə/, /*t'ə/ в аварско-андийских, лакском, арчинском, лезгинском, табасаранском, агульском, рутульском и цахурском абсолютно точны

---

[1] Аналогичное семантическое варьирование наблюдается и в индоевропейских языках: срв. греч. drûs „дуб“: санскр. dāru, dru „дерево“: авест. dru- „дерево“: гот. triu „дрова“.

[2] Trubetzkoy. NW, стр. 90

и не нуждаются ни в каких поправках и дополнениях. Неверно представлен удинский рефлекс общедагестанского /*ṭ‘ə/ и, что важнее, от Н. С. Трубецкого ускользнула весьма важная закономерность, которую мы вместе с другими переходами условно будем называть „урахинским передвижением согласных“ и подробнее рассмотрим ниже. Кроме того, Н. С. Трубецкой не постулирует вовсе общедагестанскую сильную шипящую глоттализованную аффрикату /*ç̌ə/.

Обстоятельно исследовал глоттализованные аффрикаты общедагестанского языка Е. А. Бокарев в отдельной статье[1]. Он восстановил три пары глоттализованных аффрикат: *ç—*çə, *ç̌—*ç̌ə, и *ṭ‘—*ṭ‘ə. По сравнению с Н. С. Трубецким новым было постулирование слабой латеральной глоттализованной /*ṭ‘/[2], привлечение материала дидойских и хиналугского языков. Но вместе с тем были допущены и новые ошибки, являющиеся следствием неверной квалификации некоторых этимологических сопоставлений (мы имеем в виду лексемы „коза“, „крапива“ и др.). Кроме того, ничего не говорится в данной работе о четвертой паре аффрикат *q̣—*q̣ə. Этот пробел автор постарался восполнить в своей обобщающей работе „Введение в сравнительное изучение дагестанских языков“[3], хотя и не совсем успешно. Осмысление дидойских соответствий аварско-андийским сильным глоттализованным аффрикатам, как единого процесса дезабруптивизации, предложено Т. Е. Гудава[4]. Им же были уточнены и дополнены многие другие соответствия глоттализованных аффрикат аварско-андийских языков в монографии „Консонантизм андийских языков“.

Очень важную закономерность—нулевую рефлексацию исконных слабых глоттализованных аффрикат в удинском—установил И. И. Церцвадзе. Однако закономерность И. И. Церцвадзе нуждается в уточнении: она не действует в конце слова и её действие необходимо ограничить начальной и срединной позициями. После такого уточнения законо-

---

[1] Бокарев. СА, стр. 3—11.

[2] Там же, стр. 11.

[3] Бокарев. Введ.

[4] Гудава. КАЯ, стр. 107—108.

мерность И. И. Церцвадзе можно вместе с установленной нами выше закономерностью—утерей исконных слабых неглоттализованных аффрикат в анляуте и инляуте в удинском — свести к более общему правилу, согласно которому в удинском в предударной части слова общедагестанские слабые (неинтенсивные) аффрикаты (как глоттализованные, так и неглоттализованные) дали нулевой рефлекс.

§ 9. Общедагестанские слабые глоттализованные аффрикаты /*c̣/, /*č̣/, /*q̣/, /*ṭ'/ в отдельных дагестанских языках дают следующие рефлексы: в аварском — c̣, č̣, ω, ṭ, в андийском—c̣, č̣, q̣, ṭ', в ахвахском — č̣, č̣, q̣, ṭ', в дидойском— c̣, č̣, q̣, ṭ'ə, в даргинском—c̣, č̣/c̣, q̣, ḳ, в лакском и арчинском— c̣, č̣, q̣, ḳ, в лезгинском—c̣, č̣/ḳ[1], q̣, q̣, в табасаранском и агульском— c̣, č̣, q̣, ḳ, в рутульском —c̣, č̣, q̣, q̣, в цахурском c̣, č̣, q̣, ḳ, в удинском—∅ (в предударной части слова для всех рядов) и c̣, č̣, q̣, q̣ (в конце слова), в хиналугском—c̣/z[2], č̣/z[2], q̣, ḳ.

Общедагестанское /*c̣/: ав. c̣: анд. c̣: ахв. č̣: дид. c̣: дарг. c̣: лак. c̣: арч. c̣: лезг. c̣: таб. c̣/č (перед w): аг. c̣: рут. c̣: цах. c̣: уд. ∅[3]/c̣: хин. c̣/z.

1. ав. anc̣- „десять": анд. ḥoc̣o-: ахв. ač̣a-: дид. oc̣i-: дарг. wic̣-: лак. ac̣-: арч. wac̣a-: лезг. c̣u-: таб. jic̣u-: аг. jic̣u-: рут. jic̣u-: цах. jic̣: уд. vic̣: хин. jaz;

2. ав. c̣-eze „наполнять": анд. bi-c̣-ʾdu: ахв. be-č̣-ur-ul'a: дид. bi-c̣-a: дарг. ir-c̣-is: лак. bu-c̣-in: арч. ab-c̣-as: лезг. a-c̣-un: таб. a-c̣-uz: аг. a-c̣-as: рут. a-c̣-ən: цах. gja-c̣-as: уд. buj-besun (←*buc̣i-besun): хин. c̣-iri;

3. ав. c̣ij-ab „новый": анд. c̣i-wu: ахв. č̣ĭ-dabe: дид. ec̣un: дарг. c̣u-b: лак. c̣u-sᵊa: арч. ma-c̣a-: лезг. c̣eji: таб. c̣iji: аг. c̣eje-f: рут. c̣in-đə: цах. c̣e-đ-in ‖ c̣e-b-na;

4. ав. c̣a „огонь": анд. c̣aj: ахв. č̣ari: дид. c̣i: дарг. c̣a: лак. c̣u (род. пад. c̣ar-al): арч. oc̣: лезг. c̣aj: таб. c̣aj: аг. c̣a: рут. c̣aj: цах. c̣a: уд. ar-ux: хин. č̣ä(!)←*c̣a?;

---

[1] ḳ—перед ü и ü (срв. Trubetzkoy. NW, стр. 79).

[2] z—в конце слова.

[3] См. Церцвадзе. ПЛУ, стр. 360—361.

5. ав. c̣-un-ize „беречь“, „сохранить“: анд. c̣-in-nu „узнать“: ахв. c̣-in-ur-ul'a „хранить“: лак. buv-č̣-in: рут. à-c̣-ən „знать“: цах. a-c̣-as[1];

6. ав. bac̣ „волк“: анд. boc̣o: ахв bača: дид. boc̣i: дарг. bic̣ ‖ bec̣: лак. barc̣;

7. дарг. bi-c̣-es „таять“, „растопиться“: лак. bav-c̣-an: арч. ba-c̣-as: лезг. c̣-ur-un: таб. erc̣-uz: аг. ic̣w-as: рут. je-c̣-in;

8. дид. c̣ec̣ „бровь“: лак. i-tᵊac̣ani: арч. ɗarc̣an: лезг. ric̣am: таб. ulc̣am ‖ wuruc̣am (←*wuruc̣wam; срв. род. wuruc̣wmen);

9. дарг. kac̣a „щенок“: лак. kac̣a ‖ karč̣: арч. konc̣-ol: лезг. kurc̣-ul: таб. kurc̣-il: аг. karc̣-ul: рут. c̣ik(←*kic̣);

Эта основа, по-видимому, относится к экспрессивной лексике. Она допускает вариации. Если на основе сравнения вышеуказанных форм можно предположить в качестве исходной приблизительно такую форму, как *kVc̣V, то сравнение ботлихского kunc̣ᵊi, ахвахского kuc̣ᵊi, гунзибского kuc̣u и удинского kuč̣an предполагает наличие исходной формы *kuc̣ᵊV.

10. дарг. c̣irc̣ „саранча“: лезг. c̣ic̣: таб. c̣ic̣ar: рут. c̣əc̣: хин. c̣ic̣in.

О б щ е д а г е с т а н с к о е /*č̣/: ав. č̣: анд. č̣: ахв. č̣: дид. č̣: арг. č̣, c̣: лак. č̣: лезг. č̣/k: таб. č̣: аг. č̣: рут. č̣: цах. č̣: уд. д⃠[2]: хин. č̣/z

1. ав. ič̣-„девять“: анд. hoč̣o-: ахв. ара-(←*abč̣a; срв. южн. диал.: obč̣a-, abč̣wa-)[3]: дид. oč̣-: дарг. urč̣-im-: лак. urč̣-:арч. uč̣-: лезг. kü(←*č̣ü) ‖ č̣u (ахт. диал.)[4]: таб. wurč̣u-: аг. jarč̣o-: рут. wuč̣u-: цах. juč̣u-: уд. vuj(←*vui←*vuč̣i): хин. joz;

2. ав. č̣et „блоха“: анд. č̣onni (←*č̣on-di): ахв. č̣anti: дид. č̣i-ki: дарг. c̣i-ka: лак. č̣a-ka: арч. č̣in: лезг. č̣ut: таб. č̣ur (←*č̣ud): аг. č̣id: рут. č̣it: цах. č̣in: уд. in: хин. č̣üt;

3. ав. č̣obogo- „пустой“ (←*boč̣ogo-): анд. beč̣u-gu-: ахв. beč̣u-: дарг. bac̣-: лак. bač̣wa-: арч. bač̣ə-bu-;

---

[1] Основы андийских языков сопоставил Т. Е. Гудава (см. Г у д а в а. САГО, стр. 192 и Г у д а в а. КАЯ, стр. 87), андийскую основу с рутульской и цахурской—Н. С. Трубецкой (T r u b e t z k o y. NW, стр. 83, № 90), аварскую и лакскую основы добавили мы и объединили весь материал.

[2] См. Ц е р ц в а д з е. ПЛУ, стр. 360—361.

[3] З. М. М а г о м е д б е к о в а. Ахвахский язык. Тбилиси, 1967, стр. 175; Г у д а в а. КАЯ, стр. 80.

[4] Г а й д а р о в. АД, стр. 80.

4. ав. čolo „ремень“: лак. čuluw: лезг. čul: таб. čul: аг. čil: рут. čil: цах. čuwa;

5. лак. murči- „слепой“: лезг. miči „темный“: таб. muču: аг. muče-: рут. məčaᴵqtəᴵ: цах. məča-ᴦxənᴵ: уд. majn „черный“ (←*main): хин. miča;

6. ав. maču „кремень“: ахв. inča „камень“: лак. nuvča „кремень“: арч. mača.

Сопоставления аварского wačine „приходить“, лакского učan и даргинского wakis ‖ bakes с основами со сходным значением лезгинских языков, предложенные Н. С. Трубецким[1] и Е. А. Бокаревым[2], неверны. Малоубедительно также приведенное Е. А. Бокаревым сопоставление основ со значением „нож“, якобы содержащих общедагестанское /*č/[3].

Примеры, иллюстрирующие рефлексацию общедагестанской слабой увулярной глоттализованной аффрикаты /*q/, Е. А. Бокарев расценивает как лексемы, содержащие рефлексы исконной звонкой увулярной аффрикаты /*γ‘/. Это—лексемы со значением „слышать“ и „слеза“. Такое мнение является результатом неправильного толкования формулы звукосоответствия: ав. ω: анд. q: дид. q: лак. q и присоединения к ней другой формулы: дарг. γ: лезг. qᵊ/γ: таб. γ: арч. q. Дело в том, что это — две разные формулы. Первая из них свидетельствует о наличии в языке-основе слабого /*q/, вторая же — звонкой аффрикаты /*γ‘/. То, что в слове „слеза“ часть языков указывает на исходное /*q/, другая же часть—на /*γ‘/, обусловлено наличием дублетов еще в языке-основе, о чем специально речь пойдет в другом разделе работы. Как установлено Т. Е. Гудава, аварское ω, соответствующее андийскому и ахвахскому q, свидетельствует о наличии в аварско-андийском слабой глоттализованной увулярной /*q/[4]. Таким образом, аварское maωo „слеза“ никоим образом не может служить иллюстрацией рефлексации исконной звонкой /*γ‘/.

Общедагестанское /*q/ постулируется на основе следующей формулы звукосоответствия:

---

[1] Trubetzkoy. NW, стр. 87.

[2] Бокарев. Введ., стр. 76—77.

[3] Там же, стр. 77.

[4] Гудава. КАЯ, стр. 137—138.

ав. ω: анд. q: ахв. q: дид. q: дарг. q: лак. q/j: арч. q: лезг. q: таб. q: аг. q: рут. q: цах.q: уд. ∅: хин. q.

1. ав.ra-ω-ize „слышать“: ахв. be-q-ur-ul'a: гин. re-q-a: дарг. bi-q-es: лак. ba-j-an: лезг. q-un „схватить“, „усвоить“, „воспринимать“: уд. i-baksun „слышать“;

2. ав. maωo „слеза“: анд. moqo: ахв. maqa: гунз. mȁqu: лак. maq;

3. ав. maω „гвоздь“: ахв. miqe: лак. mar (←*majar): арч. mȁrqw;

4. ахв. qori „доска“: дид. quri „скамейка“: дарг. urquli „доска“: арч. qul: лезг. qul: таб. qul: аг. qul: рут. qul: цах quwa;

5. лезг. qȁl „соль“: таб. qil: аг. qȁl: рут. qal: цах. qew уд. el: хин. qä(←*qäl) [1];

6. ав. buωa „голый ячмень“: ахв. muqa: гунз. muqe „зерновой хлеб“: арч. buq „голый ячмень“ (срв. арч. maxa „ячмень“).

О б щ е д а г е с т а н с к о е /*ṭ'/ (слабая глоттализованная латеральная аффриката): ав. ṭ: анд. ṭ': ахв. ṭ': дид. ṭ'ə: дарг. ḳ: лак. ḳ: арч. ḳ: лезг. q: таб. ḳ: аг. ḳ: рут. q: цах. ḳ: уд. ∅[2]/q: хин. ḳ.

1. ав. ṭer-en-„тонкий“: анд. be-ṭ'era: ахв. ba-ṭ'aro: дарг. bu-ḳula-: лак. ḳüla-: арч. ḳala-: лезг. qele-č: таб. čil-li (←*ḳil-li): аг. ḳile-: рут. qəl-: цах.ḳiwa: хин. ḳər;

2. анд. bi-ṭ'-a „умер“: ахв. bi-ṭ'-ur-ul'a „умереть“: дарг. i-b-ḳ-is (урах.) ‖ web-ḳ-es (акуш.): лак. iw-č-an(←*iw-ḳ-an; срв. прош. вр. iw-ḳ-unni): арч. ḳ-is: лезг. q-in: таб. ḳ-uz: аг. ḳ-es· рут. ji-q-in: цах. qi-ḳ-as: уд. bi-esun: хин. ḳə-li;

3. ав. ṭino „дно“: анд: hinṭ'u: ахв. mi-ṭ'o: лак. čan(←*ḳan): арч. ḳan: таб. ḳan: аг. ḳen: рут. qan: цах. ḳan: уд. ɔq: хин. ḳi-č;

4. ав. (гид. диал.) ṭ'om „крыша“: анд. ṭ'om: ахв. ṭ'ami: дид. ṭ'əo: гунз. ṭ'əame: лак. čamu „полка“ (←*ḳamu): лезг. qwan: „сени“, „навес“: таб. ḳani „сточная труба“: рут. qaw(?) „крыша“;

---

[1] Эта основа восстанавливается для общелезгинского уровня (в аваро-андо-дидойских и даргинском языках с этим значением встречается другой корень; см. выше), но рефлексация такая же, какая ожидалась и при наличии данных других языков.

[2] См. Ц е р ц в а д з е. ПЛУ, стр. 358.

5. ав. tad „наверху“, „сверху“: анд. hit‘a: ахв. t‘ado: дид. t‘ədo: лак. ka „он (находящийся наверху)“;

6. ав. beter „голова“: дарг. bik (урах.) || bek (акуш.): лак. bak: лезг. qil (←*wiqil): цах. wukul: уд. bul (←*buul): хин. mikir (←*wikir);

7. ав. t-ul „печень“: анд. ret‘i-l’əi: ахв. ret‘e-l’əi: дарг. du-lek: лак. təi-lik : арч. di-lik: лезг. lāq: таб. lik: аг. lek: цах kə-lkam(←*lkə-lk-am—редупл.)[1];

8. ав. ta „лист“: анд. t‘oli: ахв. t‘ali: дарг. ka-pi (Pl. tantum): лак. ča-p-i (Pl. tantum по происхождению): арч. ka-či: лезг. qa-č „стебель“: таб. ka-ӡ „лист“: аг. ki-ӡ;

8. ав. ωet „пот“: ахв. āt‘a: арч. amk: лезг. hāq :таб. amk: аг. àmk: уд. ap (←*amk);

10. лезг. wāq „трава“: таб. uk: аг. ükw: рут. uqw: цах. ok;

11. ав. matu „зеркало“ (этимолог.-„стекло“, „лед“, „холодный“): лезг. māqi „холодный“: таб. mičil (←*mikil) аг. mek: рут. məq: цах. məka: уд. mi(←*mī←*mii);

12. ав. tor „колос“: анд. t‘ora: ахв. t‘ara: дид. t‘əara: лак. čali (←*kali): хин. kil.

§ 10. Общедагестанские сильные глоттализованные аффрикаты /*çə/, /*qə/ и /*t‘ə/, как уже было сказано выше, в основном правильно реконструированы Н. С. Трубецким. Неточности и неверная квалификация коснулись лишь материала даргинского и удинского языков. Кроме того, Н. С. Трубецкой не считает возможным постулирование общедагестанского /*čə/. Это упущение частично исправлено Е. А. Бокаревым, хотя „урахинское передвижение“ ускользнуло и от Е. А. Бокарева. Суть этой закономерности состоит в том, что в даргинских диалектах урахинско-акушинского типа, и особенно в собственно урахинском, общедагестанские сильные глоттализованные аффрикаты всех рядов представлены гортанным взрывным /’/, т. е. они сохранили гортанную смычку, но утратили тембровое различие. Цудахарский диалект сохранил тембровые различительные признаки, но представил исконные сильные глоттализован-

---

[1] Хиналугское dalaγ „печень“, должно быть, иного происхождения. Возможно, оно является заимствованием из тюркских языков (срв. тур dalak/dalagi „селезенка“).

ные аффрикаты в виде звонких спирантов соответствующих рядов.

Н. С. Трубецкой правильно считает рефлексом общедагестанского /*t'ə/ в урахинском /'/, но почему-то для общедагестанского /*c̣ə/ предполагает—r' (сочетание сонорного r с гортанным взрывным ')[1]. На самом же деле /*c̣ə/ в урахинском представлено тем же рефлексом, что и /*ṭ'ə/: r не является принадлежностью корня. Он также неправильно считает, что общедагестанское /*q̣ə/ отражается в урахинском рефлексами qə и γ[2].

Если бы Трубецкой правильно подобрал материал, отражающий рефлексацию /*q̣ə/ в отдельных языках, от него не ускользнуло бы и то, что общедагестанские сильные глоттализованные аффрикаты в урахинском совпали, что это—единый процесс утраты темброваго различия, и ему пришлось бы искать рефлексы для шипящего /*č̣ə/.

Е. А. Бокарев основой для постулирования общедагестанского /*q̣ə/ считает формулу: ав. t'ə: анд. ṭ'ə: дид. l'ə: лак. ḳ: дарг. q/ω: лезг. q: таб. q: арч. q[3], что несомненно является ошибкой. Примеры же, которые могут пригодиться для постулирования /*q̣ə/, он считает словами, содержащими „исконный увулярный несмычно-гортанный *kъ₁“[4], что также неверно, так как увулярных неглоттализованных взрывных (*kъ₁ рассматривается автором в числе взрывных) в дагестанских языках нет, как не было и в языке-основе.

С и л ь н ы е г л о т т а л и з о в а н н ы е а ф ф р и к а т ы о б щ е д а г е с т а н с к о г о я з ы к а — /*c̣ə/, /*č̣ə/, /*q̣ə/, /*ṭ'ə/—д а ю т в о т д е л ь н ы х я з ы к а х с л е д у ю щ и е р е ф л е к с ы: в а в а р с к о м и а н д и й с к о м—c̣ə, č̣ə, q̣ə и ṭ'ə (т. е. сохранились без изменения), в а х в а х с к о м—c̣ə, c̣ə[5], q̣ə, ṭ'ə, в д и д о й с к о м—c, č, q, l'ə (см.

---

[1] T r u b e t z k o y. NW, стр. 90.

[2] Н. С. Трубецкой опирался на сопоставление даргинского γ'uγ'u || qəuqəu „гром“ со словами с тем же значением других дагестанских языков и ошибочно расценивал это сопоставление как возможную иллюстрацию рефлексации исконного /*q̣ə/ (T r u b e t z k o y. NW, 83).

[3] Б о к а р е в. Введ., стр. 79.

[4] Там же, стр. 63—64.

[5] В ахвахском исконные сильные шипящие переходят в сильные свистящие (см. T r u b e t k o y. Stud., стр. 22).

Гудава. КАЯ, стр. 107—108), в даргинском—' (для всех рядов в урахинском) и—z, ẓ, γ, g (в диалектах цудахарского типа), в лакском—c, č, q, k, в арчинском—cə, čə, qə, ṭ'ə, в лезгинском—t, č, q, k (в предударной части слова) и—t, ?, q, k (в послеударной части слова), в табасаранском—cə, čə, qə, kə, в агульском—tə, čə, qə, kə, в рутульском—d, ?, q, g (в предударной части слова) и—t, č, q, k (в послеударной части слова), в цахурском—d, ?, q, g (в анлауте), tə, tə, qə, kə (в инляуте) и—t, ?, q, k (в ауслауте), в удинском—c/č, č, q, q, в хиналугском—c, ?, q, k/kə (kə—в позиции между гласными, k же во всех остальных позициях). В цахурском можно также выделить третью позицию (интервокальную), в которой представлены обычно интенсивные неглоттализованные tə (для *cə и *čə), kə (для *ṭ'ə) и qə (для *qə).

Общедагестанское /*cə/: ав. cə: анд. cə: ахв. cə: дид. c: дарг. ' (урах.) ‖ z (цудах.): лак. c: арч. cə: лезг. t/t: таб. cə: аг. tə: рут. d/t: цах. d/tə/t: уд. c/č: хин. c.

1. ав. cəar „имя": анд. cəer: ахв. cəeri: дид. ci: гунз. cāru: дарг. 'u (урах.) ‖ zu (цудах.): лак. ca: арч. cəor: лезг. ṭar ‖ twar: таб. čəwur (←*cəwur)[1]: аг. təur: рут. dur: цах. do: уд. ci (←*cir; срв. мн. ч. cir-xoxal): хин. cu;

2. ав. nacə „вошь": анд. nocəi: ахв. nacəi: дид. noci: дарг. nir' (урах.) ‖ niz (цудах.): лак. nac: арч. nacə: лезг. net: таб. necə: аг. netə: уд. nec (в конце слова ожидалось č!): хин. nimc;

3. ав. hocəo „мед": анд. huncəi: ахв. ucəi: дид. noci: гунз. nucu: дарг. war'a (урах.): лак. nic: арч. imcə: лезг. wirt: таб. jičəw (←*jicəw): аг. ütə: рут. it: цах. ut: уд. uč: хин. nüc;

4. анд. micəa „сладкий": ахв. micəa-: дарг. mur'- (урах.): лак. nacu-: арч. iz-dut (←*icə-dut; срв. краткую форму icə[2]): лезг. werci (←*werti)[3]: аг. itəe-: рут. it-: цах. utəu-: уд. muč:

[1] В табасаранском согласные свистящего ряда в позиции перед w переходят в соответствующие шипящие. У. А. Дирра зафиксирована форма cəur без сонанта w (вызывавшего переход cəw→čəw).

[2] Сильные глоттализованные аффрикаты в арчинском в позиции перед d дают звонкие спиранты соответствующих рядов (См. К. Ш. Микаилов. Арчинский язык. Махачкала. 1967, стр. 36).

[3] Лезгинское werci „сладкий" образовано от wirt „мёд" присоединением ударного гласного, вследствие чего конечное t→ṭ, а затем перед i аффрикатизируется: *wirt-i→*werṭi→werci.

хин. miç „кислый". Лексемы „мед" и „сладкий" образованы, по нашему мнению, от одного и того же корня: первая — посредством префикса *nV-, вторая же — префикса *mV-. Мысль, высказанная К. Ш. Микаиловым, о наличии в общедагестанском словообразовательного префикса *ma- (в словах со значением „сон", „слеза")[1], может быть поддержана, в частности, и вышеуказанными основами, имеющими значение „сладкий".

5. ав. hoçᵊn „гумно": анд. hinçᵊn: дарг. ur'a (урах.) „молотильня", „гумно": лак. tᵊa-raç-alu: арч. çᵊi: лезг. rat: таб. racᵊ: аг. ratᵊ: рут. rat: цах. atᵊa: уд. eč;

6. ав. baçᵊa-„чистый": анд. berçᵊo-m: ахв. maçᵊa-: дарг. um'u- (урах.) ‖ umzu- (цудах.): лак. marc-: арч. marcᵊ-: таб. marcᵊi-: аг. martᵊe-: уд. maçi „белый";

7. ав. çᵊino „пуп": анд. çᵊunni: ахв. çᵊn: гунз. cõ⌈tor⌉: лак. çun: арч. çᵊan: лезг. tan „молозиво": рут. ufnitan „пупок" (←*ufni-dan: „щека живота"?): цах. ⌈wuhnin⌉ dan (дословно: „щека живота", этимологически— „пуп живота"): уд. çan: хин. çum;

8. ав. çᵊwa „звезда": анд. çᵊa: ахв. çᵊari: дид. ca: дарг. ur'i (урах.) ‖ zuri (цудах.): лак. çu-ku (мн. число çur-tᵊi): хин. pxunç;

9. лак. ç-un „болеть": арч. açᵊ-is: лезг. ta-x̆un (срв. tal „болезнь"): таб. icᵊ-uz: аг. itᵊ-as (срв. itᵊ-al „боль"): рут. jadal „болезнь": хин. çat ‖ çət „больной";

10. лак. murçu „угол": арч. meçᵊe: лезг. met „колено": таб. murčᵊw „угол" (←*murcᵊw): аг. murtᵊ;

11. ав. çᵊekᵊ- „кислый": анд. çᵊikᵊn: арч. çᵊek-: рут. dəqə- „горький" (даргинское çik-/çek- „кислый" является отражением *çek-, а не *çᵊek-, поэтому здесь не привлекается);

12. ав. çᵊibil „виноград": ботл. çᵊeli (←*çᵊeeli←*çᵊebeli): лезг. çipᵊiç (←*çipᵊiç←*tipᵊiç): рут. təməl (←*dəməl?): цах. tumul (←*dumul): уд. čapal „виноградный лист".

Общедагестанское /*čᵊ/ встречается весьма редко. Оно постулируется на основе следующей формулы соответствия: ав. čᵊ: анд. čᵊ: дид. č: дарг. ' ‖ z: лак. č, ç: лезг. č: таб. čᵊ: аг. čᵊ: рут. ?/č: цах. ?/tᵊ/?: уд. č.

---

[1] К. Ш. Микаилов. К вопросу о составе основы имени существительного в аварском языке (УЗ, т. XII, 1964, стр. 42—43).

1. ав. čə-eze „стать“, „остановиться“, „стоять“: анд. bi-čə-idu: дид. i-č-a „быть“, „находиться“: дарг. i-’-is (урах.) „быть“ (срв. также урах. bu-’-is „остаться“ и кубач. bu-ž-ij): лак. a-ç-an;

2. анд. hınčəi-„правый“: лак. urča-: арч. òrčəu-: лезг. erči: таб. arčəu-: аг. ḫarčəa-: рут. hárčä-: цах. hatəa-ʳqaʾ: уд. aça.

Е. А. Бокарев в качестве иллюстрации общедагестанского /*çə/, кроме вышеуказанных основ, привлекает также лексему „борода“ [1], однако основа с указанным значением, по нашему мнению, не содержала общедагестанского /*čə/, так как соответствие лак. č: дарг. ç: лезг. čə: таб. ӡ: арч. č не дает основания для такой интерпретации.

Общедагестанское /*qə/: ав. qə: анд. qə: ахв. qə: дид. q: дарг. ’ ‖ γ: лак. q: арч. qə: лезг. q: таб. qə: аг. qə: рут. q/q: цах. q: уд. q: хин. q.

1. ав. ba-qəw-aze „сушить“, ba-qəw-ara- „сухой“: анд. be-qə-uđu „сушить“: ахв. bu-qə-or-ul'a: дид. quqä- „сухой“: дарг. bir-’w-is (урах.) „сушить“: лак. qa-q-an „сушить“, qiri „суша“: арч. qəur-as „сушить“, qəure- „сухой“: лезг. qur-un „сушить“, qur-aj „сухой“: таб. qəuru-: „сухой“: аг. ruqəu-: рут. quru-: цах. quru-: хин. qi;

2. ав. qə-ot-ize „резать“, „рубить“: анд. bu-qə-idu: ахв. bu qə-or-ul'a: дарг. bul-’-is „резать“, i-’w-is „колоть“, „рубить“ (урах.): лак. quq-in „резать“ (редупл.): хин. tə a-q-íri;

3. ав. qəo- „двадцать“: ахв. qəen-đo-: дид. qu-: лак. qu-: арч. qəan: таб. qəa-: аг. qəa-: рут. qa-: цах. qa-: уд. qa: хин. qan- (урахинское γa- не является закономерным; должно быть, оно заимствовано из диалектов цудахарского типа). Корень числительного „двадцать“ не связан этимологически с корнем числительного „два“ в дагестанских языках. На это различие на материале рутульского, цахурского и удинского языков справедливо указал Е. Ф. Джейранишвили [2]. Ещё убедительнее подтверждают это положение данные других дагестанских языков.

---

[1] Бокарев. Введ., стр. 73.

[2] Е. Ф. Джейранишвили. О некоторых фонетических закономерностях в цахско-мухадско-удийском и вопрос взаимоотношения числительных „два“ и „двадцать“: IX научная сессия филологического факультета ТГУ, 4—8 мая 1965 г. План работы и тезисы докладов. стр. 15—16.

4. арч. ɗeqᵊ „дорога“: лезг. raq (эрг. пад. raqí): таб. raqᵊ: аг. reqᵊ: рут. raq: цах. jaq (род. пад. jaqᵊ-ən): уд. jaq;

5. ав. maqᵊar „задник“: гунз. məqər „спина“: дарг. mu’ „обух“, „задняя сторона“: лак. *muqa „спина“ (в слове muqa-v „на спине“).

К. Ш. Микаилов считает, что аварскому qᵊ в арчинском соответствует также сильная латеральная глоттализованная аффриката t‘ᵊ. В качестве примеров, однако, он приводит весьма сомнительные сопоставления: ав. ruqᵊ „дом“: арч. not‘ᵊ, ав. qᵊurqᵊur „грыжа“: арч. t‘ᵊuluxu, ав. qᵊwat „улица“: арч. ɗi-t‘ᵊin [1].

Опираясь на приведенные этимологии, трудно согласиться с автором и уверовать в существование соответствия ав. qᵊ: арч. t‘ᵊ. Других же примеров пока нет.

Общедагестанское /*t‘ᵊ/: ав. t‘ᵊ: анд. t‘ᵊ: ахв. t‘ᵊ: дид ‘ᵊ: дарг. ’ || g: лак. k: арч. t‘ᵊ: лезг. k/k: таб. kᵊ: аг. kᵊ: рут. g/k: цах. g/kᵊ/k: уд. q: хин. k/kᵊ.

1. ав. t‘ᵊeɯer „ягнёнок“: ахв. t‘ᵊeje: дид. l’ᵊeli: лак. či ←*kil/: арч. t‘ᵊal: лезг. käl: таб. čᵊil (←*kᵊil): аг. kᵊel: рут. gäl: цах. gew: уд. qal: хин. ku (←*kul; срв. эрг. п. kul-i);

2. анд. rit‘ᵊi „мясо“: дид. rel’ᵊ: дарг. ɗi’ (урах.) || ɗig (цудах.): лак. ɗik: арч. at‘ᵊ: лезг. jak (эрг. п. jakú): таб. jikᵊ: аг. jakᵊ: рут. jak: уд. jeq: хин. ləkᵊa;

3. ав. rut‘ᵊ „ярмо“: анд. rut‘ᵊo: ахв. rut‘ᵊe: лак. ruk: арч ot‘ᵊ: лезг. wik (эрг. п. wikíni): таб. jurkᵊaγ: аг. urkᵊaγ: цах.. okᵊw: уд. ǒq: хин. ing (даргинское ɗuk „ярмо“ является отражением общедагестанского *ɗut‘, т. е. основы, содержащей не сильную /*t‘ᵊ/, а слабую /*t‘/; по всей вероятности, таковым следует считать и хиналугское ing „ярмо“, поскольку для хиналугского характерно озвончение исконных слабых глоттализованных в конце слова (*k→g: хин. ungw „сердце“, təng „капля“; *c→z: хин. jaz „десять“; *č→z: хин. joz „девять“).

4. дид. bel’ᵊo „свинья“: гунз. bul’ᵊu: лак. burk: арч. bot‘ᵊ: лезг. wak: цах. wok: уд. boq (трудно объяснить аварскую форму bol‘on вместо ожидаемой *bot‘ᵊon);

---

[1] Микаилов. Рефл., стр. 209.

5. ав. -t'ə „под" (показатель одного из локативных падежей): анд. -t'əi: ахв. -t'əi: дид. -l'ə: дарг. -'u (урах.) || -gu (кубач.): арч. -t'ə: лезг. -k: таб. :-kə: аг. -kə: цах. -k (несколько неожиданно появление в лакском l вместо закономерного k: -lu „под", qəatlu-lu „под домом"; l является рефлексом общедагестанского *dᵖ в лакском, и можно думать, что ещё до периода делатерализации существовали параллельные формы этого суффикса *-kəu || *-lu[1] в пралакском, из которых узаконилась одна -*lu, давшая позднее -lu).

6. анд. hi-t'ə-in-nu „сказать": ахв. e-t'ə-ur-ul'a: дид. e-l'ə-a: дарг. (урах.) '-is (употребляется в составе сложных глаголов: waw-'is „вскрикнуть", буквально: „waw-сказать", срв. ωinč-'is „чихнуть"-букв. „ωinč-сказать", а также в порядковых числительных в качестве второго компонента: wic-'ibil „десятый", букв. „десять-сказанный"): лезг. le-k-ün: рут. al-g-ün: хин. či-k-ri (či здесь является превербом; срв. či-g-ri „грызть");

7. дарг. mi' (урах.) || mig (цудах.) „лёд": лак. mik: арч. *mut'ə- (в слове mut'ə-at'ə „ледник", букв. „лёд-мясо", т. е. „ледяное мясо", „масса льда"?): лезг. murk (эрг. п. murkwádi): таб. merkə: аг. merkə „град": рут. mək „лёд": цах. mək: хин. mik;

8. лак. təark „кость": таб. jirkə: аг. irkə: уд. üqejn: хин. ink;

9. дарг. ni' (урах.) || nig (цудах.) „молоко": лак. nak: арч. nat'ə: лезг. nek (эрг. п. nek-édi): таб. nekə: аг. nekə: рут. näk: цах. näk: уд. naq (g в хиналугском eng „сыр", „творог" является отражением слабого *t');

10. ав. t'əili „седло": дарг. 'uli (урах.) || guli (цудах.): лак. kili: арч. t'əili;

11. ав. ωort'ə „ручка", „рукоятка": дарг. ar' (урах.): арч. dat'ə „двери": лезг. rakár: таб. rakə: аг. rakə: рут. rak: цах. akəa;

12. арч. t'əw-as „зарезать": лезг. tu-k-ún: таб. ur-kə-uz: аг. ru-kəw-as: рут. ür-g-ün: хин. ju-kw-ri (в аварско-андийско-дидойских и лакском языках это же значение передается корнем *-qəw-);

---

[1] Закономерные рефлексы общедагестанских—*t'əu и *dᵖu в пралакском соответсвенно.

13. арч. t'əinč-as „бояться“: лезг. kiče-x'un (←*kiče-x'un): рут. gič-in: цах. gič-x'es;

14. ав. bo-t'ə-ize „хотеть“, „любить“: арч. t'əan-kes: лезг. kan-: таб. kəun-: аг. kəan-: рут. wə-g-ən цах. əkəan-as: уд. bu-q-sun: хин. ju-kə-uj (урахинско-акушинское igis ‖ iges и лакское čə-an выпадают из формулы соответствия, на основе которой постулируется /*t'ə/ языка-основы);

15. ав. t'əin „зима“: анд. t'əinu: гунз: l'əinu; дарг. 'ini (урах.): лак. kin-t: хин. kin-až (в остальных лезгинских языках в этом значении употребляется другой корень).

§ 11. Вопрос о наличии в общедагестанской системе аффрикат сильной глоттализованной передневелярной /*kə/ крайне сложен. В отличие от неглоттализованной /*kə/, рефлексация которой обнаруживает определенный изоморфизм в сравнении с рефлексацией других неглоттализованных сильных, соответствия аварско-андийскому *kə в остальных дагестанских языках несимметричны рефлексам других глоттализованных сильных аффрикат тех же языков. Помимо этого, эти соответствия неоднозначны. Исходя из принципа изоморфности рефлексов в сильных глоттализованных аффрикатах всех рядов, для общедагестанской /*kə/ можно было ожидать такой формулы соответствия: ав. kə: анд. kə: ахв. kə: дид. k: дарг. ' ‖ g: лак. k: арч. k или qə: таб. kə: аг. kə: рут. g/k: цах. g/k: уд. k: хин. k. Однако материала, который бы послужил убедительной иллюстрацией для данной формулы, нет. Лишь в пределах аварско-андо-дидойской группы прослеживаются вышеуказанные рефлексы, в виде формулы: ав: kə: анд. kə: ахв. kə: дид. k[1]. Примеры:

1. ав. kəuj „дым“: анд. kəwoj: ахв. kəuj: гин. kuti[2];

2. ав. kəal „ущелье“: кар. kəale: дид. keru: хварш. kula: гин. koro;

3. ав. kəara „комар“: анд. kəara: ахв. kəara: гунз. kelo.

Данные примеры дают возможность постулировать аффрикату /*kə/ лишь на аварско-андо-дидойском хронологи-

---

[1] Материал, иллюстрирующий данную формулу, привлекается нами из рукописной работы Т. Е. Гудава „Консонантизм дидойских языков“, которую автор любезно предоставил в наше пользование.

[2] Арч. huqə „дым“: лезг. γ'um: таб. kum: аг. kum: рут. hum: цах. kuma: хин. x'imi вряд ли соотносимы с аварско-андо-дидойскими корнями.

ческом уровне. Как видим, приведенные примеры ограничиваются узким кругом языков. Но есть ещё один пример, дополняющий эту формулу данными арчинского, лакского и цахурского языков, причем рефлексы, представленные в этих языках, почти полностью совпадают с ожидаемыми теоретически: ав. nakəu-j-ab „серый“, „синий“ (этимологически—„облачного цвета“?): гин. nik-ḍiju „синий“: лак. nak-səa: арч. nat'ə-(в сложном слове nat'ə-kes „посинеть“)[1]: цах. ˈx˜əˈ-nak-na.

Формула становится такой: ав. kə: анд. kə: ахв. kə: дид. k: лак. k: арч. t'ə: цах. k (в конце слова). По поводу арчинского рефлекса — латерального t'ə—можно предполагать, что он нисколько не нарушает закономерность и является отражением исконного *kə. В данном случае мы склонны предполагать **вторичную** латерализацию в арчинском, результатом которой и явилось упразднение противопоставления по признаку интенсивности в передневелярном ряду в серии глоттализованных (и фрикативных?) фонем. О тесной связи эволюции передневелярной kə и латеральной t'ə К. Ш. Микаилов пишет: „...мы берем на себя смелость, может быть не совсем оправданную, утверждать, что эволюция этого звука (k̄/, а также k̄x) имеет прямое и самое непосредственное отношение к возникновению соответствующих латеральных согласных (т. е. к̄ь/ и л̄/)“[2]. В другом месте автор повторяет, что „велярная аффриката к̄/, точнее её происхождение и эволюция требуют специального и особо глубокого изучения, ибо... это, должно быть, тесно связано с изучением истории латеральных согласных“[3].

Не совсем ясно, что именно подразумевается под этой „тесной связью“ и „непосредственным отношением“, но поскольку в указанной статье автор, наряду с другими, приводит примеры соответствия—ав. kə: арч. t'ə, за которыми следуют цитируемые нами высказывания, можно думать, что латеральные согласные, по мнению К. Ш. Микаилова, происходят от передневелярных (т. е. *kə→t'ə, *kə→l'ə). При этом необходимо уточнить, во всех

---

[1] Аварскую и арчинскую формы сопоставил К. Ш. Микаилов (см. **Микаилов**. Рефл., стр. 207).

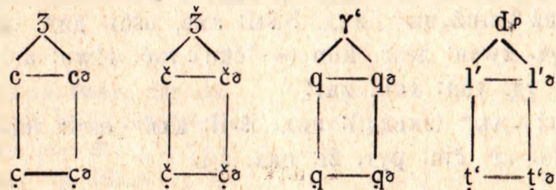
[2] **Микаилов**. Рефл., стр. 208.

[3] Там же, стр. 210.

ли случаях предполагается такое происхождение латеральных, имеются ли в виду латеральные аварско-андо-дидойских языков или арчинского, или же и те и другие. Об этом определенно ничего не сказано. Между тем, как известно ещё из работ Н. С. Трубецкого, наличие латеральных согласных *l‘, *l‘ə, *dᵖ, *ṭ‘ə в общедагестанском неоспоримо. Позднее появилась необходимость в постулировании и других латеральных фонем (*l′, *l′ə и *ṭ‘). Однако есть отдельные случаи, на которых специально мы задержимся в последующей части нашей работы, когда в аварско-андийских языках арчинским латеральным соответствуют передневелярные. Один из таких случаев разбирается в работе К. Ш. Микаилова. В подобных случаях мы стоим перед выбором: либо допустить делатерализацию в аварско-андийских языках, обусловленную комбинаторными факторами, либо—предположить **вторичную** латерализацию в арчинском (т. е. совпадение в арчинских l‘ и ṭ‘ə, соответственно исходных *l‘, *x̃ и *ṭ‘ə, *ḳə).

Поскольку факты не поддаются комбинаторному объяснению, мы предпочитаем гипотезу вторичной латерализации в арчинском в определенных случаях. Это предположение поддерживается парадигматической системой согласных арчинского языка, где место недостающих x̃ и ḳə занимают латеральные соответствующих серий l‘ и ṭ‘ə.

Таким образом, в общедагестанской консонантной системе было 22 аффрикаты: четыре звонкие (/*ʒ/, /*ǯ/, /*γ‘/, /*dᵖ/), девять неглоттализованных глухих (*c—*cə, *č—*čə, *l′—*l′ə, *q—*qə, *kə) и девять глоттализованных (*ç—*çə, *č̣—*č̣ə, *ṭ‘—*ṭ‘ə, *q̣—*q̣ə, *ḳə). Аффрикаты составляли четыре полных (постдентальный, альвеолярный, увулярный, латеральный) и один дефектный (передневелярный) ряд. Корреляции звонкости, глоттализованности и интенсивности дают пятичленные коррелятивные пучки:



*kə и *ḳə дают коррелятивную пару по признаку глоттализованности.

в) Спиранты

§ 12. Имелись ли в общедагестанском звонкие спиранты? Ответить на этот вопрос очень трудно. В нашем распоряжении нет таких формул звукосоответствий, которые бы дали нам возможность постулировать звонкие спиранты в языке-основе. Есть отдельные примеры, которые, однако, плохо согласуются друг с другом, но, что важнее, нет никакой симметрии в рефлексации разных локальных рядов. Рассмотрим все ряды поочередно.

Фонему /*z/ можно постулировать только для аварско-андийско-дидойского хронологического уровня. В этой группе дагестанских языков /z/ является следствием расщепления исконной звонкой аффрикаты /*ʒ/ на [ç̣ᵊ] и [z], которые позднее фонологизировались. Иллюстративный материал можно найти в монографии Т. Е. Гудава[1]. В некоторых случаях такие примеры подкрепляются данными некоторых лезгинских языков: ав. ωazu „снег“: анд. anzi: ахв. ǟži: дид. isi: гунз. ə̃z: лезг. žiw: рут. jiz: цах. jiz: уд. ïž. Однако показания лезгинских языков не имеют доказательной силы без данных „контрольных“ языков: даргинского, лакского и арчинского, т. к. именно эти языки могут решить вопрос об исконности z в остальных языках. В этих же языках указанные формы не имеют соответствий. Приводимые Е. А. Бокаревым основы в качестве иллюстрации для общедагестанского /*z/ (со значениями „небо“, „мотыга“, „встать“, „колючка“) на самом деле содержат общедагестанское /*ʒ/.

Еще сложнее вопрос о шипящем /*ž/. Имеются следующие, не поддающиеся интерпретации примеры:

1. ав. žiw „сам“: анд. ži-: ахв. ži-: гунз. žu: арч. inžu, inžawu: лезг. žuw: таб. učw: аг. uč: рут. -əǯ: цах. wuǯ: уд. ič (срв. с этими основами лак. cu-, дарг. saj);

2. ав. nuž ‖ muž „вы“: анд. bišti: ахв. ušdi: дид. meži: лак. zu ‖ žwi: арч. žwen: лезг. kün (←*čün): таб. ičwu: аг. čun: рут. žu: цах. šu: уд. vän: хин. zur;

3. ав. niž „мы“ (экскл.): анд. išᵊil: ахв. esᵊi: лак. žu: лезг. čun: таб. iču: аг. čin: рут. ži: цах. šᵊi.

---

[1] Гудава. КАЯ, стр. 84—85.

Приведенные примеры дают примерно такую формулу звукосоответствия:

ав. ž: анд. ž, št, šə: ахв. ž, šd, sə: дид. ž: лак. z ‖ ž: арч. ž: лезг. ž, č: таб. č: аг. č: рут. ǯ/ž: цах. ǯ, š, šə: уд. ∅/č: хин. z. Эта формула, на основе которой Е. А. Бокарев постулирует общедагестанское /*ž/ [1], содержит много противоречивых показаний. Во-первых, не поддается объяснению различная рефлексация андийских языков во всех трех примерах. Неясно также наличие позиционно не обусловленных трех рефлексов в цахурском и двух в лезгинском. Во-вторых, не видно основания для перехода „исконного" /*ž/ в лезгинском, табасаранском и агульском в глухую неглоттализованную аффрикату /č/. Третий пример в пределах андийских языков Т. Е. Гудава расценивает как реализацию общеандийского /*š/ [2], первый же—в одном месте считает отражением /*ž/ [3], а в другом ставит вопрос о возможном происхождении корневого ž от j [4]. Кроме упомянутых трудностей, связанных с однозначной интерпретацией вышеприведенной формулы, она, к тому же, несимметрична рефлексации „предполагаемого" /*z/ в слове „снег". Следует также отметить, что даргинские формы личных местоимений „мы" и „вы", как известно из специальной литературы, образованы соответственно из форм со значением „я" и „ты" посредством суффикса -ša [5]. Следовательно, даргинские nuša „мы" и ḥuša „вы" не могут рассматриваться наравне с аварскими niž, nuž и с основами других дагестанских языков с тем же значением.

С постулированием общедагестанского /*γ/ дело обстоит так же, как с уже рассмотренными звонкими спирантами свистящего и шипящего рядов. Имеются следующие ориентировочные примеры:

1. лак. γi ‖ γin-t „лето", γili-sәa „теплый": лезг. γ̃ad „лето": таб. ḥar ‖ x̃ad (!): аг. ạl: рут. γәl-d: цах. γәl: уд. žo-γül (трудно отнести сюда же арч. qitәiqә „лето", анд. qәinu и ахв. qәino);

---

[1] Бокарев. Введ., стр. 66.

[2] Гудава. КАЯ, стр. 89,

[3] Там же, стр. 91.

[4] Там же, стр. 161.

[5] Ш. Г. Гаприндашвили. К генезису формы niša „вы" в хайдакском диалекте даргинского языка: ИКЯ, т. IV, 1953, стр. 161—171.

2. ав. γeđo „ворона“: анд. γanni (←*γanđi): ахв. γanđi: дид. γwađi: уд. γajna (срв. дарг. γ'äna, лак. qatu, таб. qüt, аг. qəwanaj, хин. qəamar).

Никакой закономерности в показаниях даргинского, лакского, табасаранского, агульского и хиналугского языков мы не сумели подметить.

Звонкий фарингальный спирант /ω/, как фонема, имеется в системе аварского и даргинского языков. Однако исконность указанной фонемы вызывает сомнение не только для общедагестанского хронологического уровня, но и для гораздо более поздних периодов. Кроме тех случаев, когда аварское /ω/ является рефлексом исконного слабого /*q/, аварскому ω в андийских языках соответствует h, ' или нуль[1]. Почти все такие соответствия засвидетельствованы в анляуте перед гласной фонемой. Т. Е. Гудава указывает единственный случай, когда такое соотношение наблюдается в инляуте (ав. meωer „гора“, „нос“: анд. mahar: ботл. mi'ar и др.). В ряде случаев аварское ω автор считает наращением, „сжатым приступом“ (ωurus „русский“←*urus)[2]. По всей вероятности, почти все анляутные ω следует расценивать так же, тем более что наращение ω в начале слова характерно и для даргинского (ωiniʒ „родник“, ωiniγ' „пещера“ и др.). В некоторых случаях аварское ω вместе с последующим гласным можно считать реализацией исконных фарингализованных гласных. К этому разряду можно отнести следующие примеры:

1. ав. ωin „ухо“: анд. han-tuka: ахв. han-đe: дарг. ωwança „глухой“: лезг. jab „ухо“: таб. ib: аг. iw-ur: рут. ub-ur: уд. im-ux[3];

2. ав. meωer „гора“, „нос“: анд. mahar: дид. mäli: лак. maj- (род. пад. majr-al)←*mär: арч. mül „сопля“: лезг. ner „нос“;

---

[1] Гудава. КАЯ, стр. 153—154.

[2] Там же, стр. 155.

[3] Е. Ф. Джейранишвили делит это слово иначе—на части i и mux, где корнем является i, mux же—окаменелым суффиксом множественного числа, причем корневое i связывает с корнем глагола i—baksun „слышать“ (см. Е. Ф. Джейранишвили. Случаи Pluralia tantum в удинском языке ИКЯ, т. II, 948 г., стр. 237).

3. ав. ɷazu „снег“: анд. anzi: ахв. ãži: гунз. ə̃z: рут. jiz: цах. jiz: уд. ïž.

На основе анализа материала аварско-андийских языков Т. Е. Гудава заключает: „...сравнение между собой андийских языков, а также аварского с андийскими не позволяет доказать существования в прошлом фонемы /ɷ/ в этих языках“ [1]. Тем более сомнительна доказуемость наличия фонемы /ɷ/ на более ранних этапах развития дагестанских языков.

Передневелярный звонкий спирант /γ̆/ имеется в даргинском, лезгинском и табасаранском. Во всех этих языках он вторичного происхождения. В даргинском он восходит к /*dᵖ/, /*l'ə/ или /*kə/, в лезгинском — к /*dᵖ/, /*l'ə/ или /*l'/, в табасаранском — к /*dᵖ/.

Из всего сказанного выше, из сравнительного анализа материала дагестанских языков явствует, что звонкие щелевые фонемы в отдельных дагестанских языках вторичного происхождения и что на более раннем этапе их развития (а значит, и в языке-основе) их не было. Насколько реальна реконструкция такой системы согласных, в которой есть звонкие аффрикаты, но нет соответствующих звонких спирантов? Согласно универсальной закономерности, сформулированной Р. Якобсоном, „противопоставление собственно взрывных и аффрикат...предполагает...в языках наличие щелевого согласного того же ряда (пара t—t͡s предполагает одновременно существование фонемы /s/ и т. д.)“ [2]. Следовательно, если в языке (в данном случае в общедагестанском) звонкие взрывные /*d/, /*g/ противопоставлялись звонким аффрикатам /*ʒ/, /*ǯ/, /*γ'/ и т. д., то в системе данного языка обязательно должны были быть звонкие спиранты соответствующих рядов, т. е. /*z/, /*ž/ и /*γ/. Однако индуктивная проверка формулировки Р. Якобсона показала, что имеются многочисленные исключения из этого правила: в частности, во многих языках при наличии звонких

[1] Гудава. КАЯ, стр. 155.

[2] R. Jakobson. Kindersprache, Aphasie und allgemeine Lautgesetze: Selected Writings. S.—Gravenhage. 1962, стр. 364; срв. Р. Якобсон. Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание: „Новое в лингвистике“, вып. III, Москва. 1963, стр. 100.

аффрикат отсутствуют звонкие спиранты соответствующих рядов[1]. И. Г. Меликишвили, специально изучив данный вопрос на эмпирическом материале языков, совершенно разных как по происхождению, так и по структуре, пришла к выводу, что „генерализация Р. Якобсона имеет абсолютный характер только в области глухих (разрядка наша—Б. Г.) диффузных аффрикат“ [2]. Таким образом, отсутствие звонких спирантов в общедагестанском языке при наличии соответствующих аффрикат не является каким-то особым, изолированным, чуждым языковой природе фактом.

§ 13. Корреляция интенсивности в спирантах сохранилась хуже, чем в аффрикатах. В некоторых рядах формулы звукосоответствий подчас не поддаются однозначной интерпретации, в других же случаях вместо коррелятивной пары слабый-сильный можно постулировать лишь одну спирантную фонему. Сложности чаще возникают при реконструкции сильных коррелятов.

Рефлексы слабых (resp. неинтенсивных) спирантов в дагестанских языках сохранились в основном хорошо. В ахвахском слабый свистящий *s перешел в шипящий š[3], в дидойских языках исконные слабые глухие спиранты претерпели озвончение[4], латеральные спиранты в даргинском, лакском и лезгинских языках делатерализовались, в некоторых языках (аварский, лакский) увулярные перешли в ларингальный h.

Слабые (глухие) спиранты общедагестанского языка /*s/, /*š/, /*x/, /*l‘/ в отдельных дагестанских языках дают следующие рефлексы: в аварском—s, s/x́, h, l‘, в андийском—s, š, x, l‘, в ахвахском—š, š, x, l‘, в дидойском—z, ž, γ, l, в даргинском—s, š ‖ s, x, x́, в лакском—s, š ‖ s, x́ǝ/h, x́, в арчинском—s, š, x, l‘, в лезгинском—s, š, γ, γ́, в табасаранском—s, š, x/q, x́, в агульском—s, š, x, x́, в рутульском—s, š,

---

[1] I. G. Melikischwili. Einige universale Gesetzmässigkeiten in dem System der Affrikaten: Theoretical Problems of Typology and the Northern Eurasian Languages, Budapest. 1970, стр. 66.

[2] Там же, стр. 68.

[3] Trubetzkoy. Stud., стр. 20; Гудава. КАЯ, стр. 83—84, 142.

[4] Гудава. КАЯ, стр. 156—159.

x, x́ ‖ ḫ, в пахурском — s, š, x, x́, в удинском — s, š, x, x, в хиналугском — s, š, x, x́.

Общедагестанское /*s/: ав. s: анд. s: ахв. š: дид. z: дарг. s: лак. s: арч. s: лезг. s: таб. s: аг. s: рут. s: цах. s: уд. s: хин. s.

1. ав. nisu „творог“: анд. iso: ахв. ťša: дид. izu: дарг. nusia: лак. nis: арч. noso: лезг. nasu: таб. nis: аг. nis: рут. nisä: цах. nisä;

2. ав. sun „соломинка“, „солома“: ахв. šuma: лак. sun: лезг. sam: таб. šwam (←*swam): хин. sam;

3. ав. son „вчера“: анд. son: ахв. šuni: арч. san-γi: лезг. sen (в слове sen-fiz „прошлой ночью“): таб. san „прошлой ночью“: цах. san-əx́a „вчера вечером“ (в прошлый вечер): хин. san „вчера ночью“, „ночь“;

4. анд. asor „иней“: ахв. ašar: дарг. siris: лак. sil: арч. sal: цах. sər-sər (редупл.);

5. анд. misa „место“: ахв. miša: дарг. musa: таб. mušw- (в словах: mušwa-h „здесь“ = „на этом месте“, mušw-il „там“ = на том месте): аг. misa-di' „здесь“ (этимологически = „на этом месте“);

6. ав. sezi „послезавтра“ (←*sedi[1]): анд. sijo: ахв. šidi: лак. sara-nu: арч. o-sut (в выражении: osut iqna „в другой день“, „послезавтра“): таб. ser-ri: аг. saji (в выражении saji jaγa, букв. „в другой день“): уд. samė (в выражении samė γena „послезавтра“; букв. „в другой день“): хин. sar-əγ „послезавтра“ (букв. „в другой день“);

7. ав. mesed „золото“: анд. misidi: ахв. mišidi: дарг. musi (цуд.) ‖ murhi (урах.): лак. musi: арч. misir-təu (←*misid-təu): уд. mis „медь“: хин. mis;

8. ав. sed-eze „склеиваться“: анд. sin-ol'i (прош. вр.): ахв. šin-or-ul'a „склеиваться“: лак. sina „клей“: арч. sana.

Общедагестанское /*š/: ав. s, x́: анд. š: ахв. š: дид. ž: дарг. š, s: лак. š, s: арч. š: лезг. š: таб. š: аг. š: рут. š: цах. š: уд. š: хин. š.

Двоякая рефлексация даргинского и лакского комбинаторному объяснению не поддается. Варьирование шипящих и свистя-

---

[1] О переходе d>ʒ>z в аварском см. А. С. Чикобава. Диалектные вариации инфинитива в аварском языке: Изв. ИЯИМК, т. I, Тбилиси, 1937 г., стр. 93.

щих в рефлексах исконных шипящих фонем вообще характерно для этих языков (оно имело место и в аффрикатах). По-видимому, это явление сравнительно позднее, восходящее лишь к периоду прадаргинской и пралакской общности. В аварском появление x́ рядом с s также не обусловлено позиционно. Поэтому Т. Е. Гудава считает, что, исходя из рефлексов аварского языка, более вероятно наличие двух исходных фонем: /*x́/—для соответствия ав. x́: анд. š и /*š/—для соответствия ав. s: анд. š[1]. Такое предположение приемлемо для некоторых случаев, но для приводимого ниже примера (ав. rox́ „лес": анд. rešu: ахв. ruša) оно вряд ли пригодно, т. к. дидойские соответствия (дид. ažu „куст", гин. aže „дерево") исключают такую возможность. Наличие звонкого /ž/ в дидойских языках можно объяснить только исходя из аварско-андо-дидойского /*š/, поскольку в дидойских языках не могло озвончиться вторичное андийское /š/.

Процесс озвончения исконных слабых спирантов в дидойских языках предшествовал распаду аварско-андийской общности. Примеры, иллюстрирующие общедагестанское /*š/:

1. ав. jas „дочь", „девушка": анд. joši: ахв. jaše: дарг. rursi: лак. ďuš: лезг. ruš: таб. riš: аг. ruš: рут. rəš: цах. jiš: хин. riš;

2. ав. was „сын": анд. wošo: ахв. waša: дид. uži: лак. ars;

3. ав. bosen „гнездо", „постель": анд. bešon: ахв. bešwani: дид. muži: дарг. ⌜uče⌝-buš „постель", u-buš-es „стелить": лак. šanu „постель";

4. анд. bešonu-„сто": ахв. bešano-: дарг. ďarš-: лак. t̄aurš-: арч. bǎšan: лезг. wiš: таб. warž (←*warš): аг. warš-: рут. weš-: цах. wǎš-: уд. baš (‖ bač);

5. ав. rox́ „лес", „роща": анд. rešu „лес", reša „дерево": ахв. ruša „дерево": дид. ažu „куст": гин aže „дерево": хин. maša „лес", wiša „дерево".

Вопрос об аварском рефлексе /x́/ не может считаться решенным, хотя его происхождение от /*š/ в последнем примере не вызывает сомнений. Сложность установления комбинаторных факторов обусловлена и тем, что материал, иллюстрирующий переход *š→x́ в аварском, количественно незначителен и редко

[1] Гудава. КАЯ, стр. 148—149.

выходит за пределы аварско-андийских языков. Имеются лишь два—три случая, когда аварскому x̄ в лакском соответствует š или šə: ав. bo-x̄-ize „мазать": лак. bu-šə-in (прош. вр. bu-v-šə-un-nu), ав. mьx̄ „вознаграждение", „плата": лак. maša (род. пад. maš-lu-l) и т. п.

Общедагестанское /*x/: ав. h: анд. x: ахв. x: дид. γ: дарг. x: лак. x̄ə/h: арч. x: лезг. γ: таб. x/q: аг. x: рут. x: цах. x: уд. x: хин. x

1. ав. hwe „собака": анд. xoj: ахв. xwe: дид. γwaj: дарг. xwi: таб. xoj: аг. xuj: (мн. ч. xur-ur): цах. xwa: уд. xä: хин. p-xra;

2. ав. hobo „мельница": анд. ixob: ахв. xwaba: дид. γabo: дарг. urxam „жернов": арч. đex „мельница" (в сложном слове kuradex „ручная мельница"): лезг. räγw: аг. räxw: рут. rəx: цах. joxa: хин. zox (←*zoxwam; срв. эрг. пад. c-xwam-i);

3. ав. hađ „липа": анд. xađ: дид. γođ: дарг. xur (←*xud): лак. x̄əiri: арч. xuri „можжевельник": уд. xođ „дерево";

4. ав. marho „сказка": анд. muxa: лак. maha: арч. mäxu: лезг. maγw: таб. maqw: рут. maxw: цах. mexwa;

5. анд. bu-x-idu „принести": ахв. rexe „поклажа", „мешок" (этимологически—„то, что носят"): дарг. x-is „нести" (срв. đe-x „поклажа"): лак. h-ivu „вьюк" (Н. С. Трубецкой считает отглагольным именем, образованным от корня „нести" посредством суффикса -ivu[1]): арч. x-as „нести", x-al „ноша": лезг. γ-un „принести": таб. x-uz: аг. at-x-as „выносить": рут. qew-x-in „принести": уд. x-el „груз", „поклажа" (этимологически—„несомое": Trubetzkoy. NW, стр. 87): возможно, сюда относится и аварское hir ‖ rihir (тлисс.) „поклажа"[2];

6. ав. ṅax (!) „масло", „жир": ахв. ʔxwa: дарг. nirx: лак. nah: арч. inx: таб. xax (редупл.): рут. jəx.

Общедагестанское /*l'/: ав. l': анд. l': ахв. l': дид. l: дарг. x̄: лак. x̄/š: арч. l': лезг. γ̄: таб. x̄: аг. x̄: рут. x̄/h[3]: цах. x̄: уд. x: хин. x̄.

1. ав. l'-eze „положить", „класть": ахв. bi-l'-ur-ul'a: гунз. rələ „ножны" (этимологически—„место для вкладывания"): дарг.

---

[1] Trubetzkoy. NW, стр. 87.

[2] См. Гудава. КАЯ, стр. 114.

[3] h в рутульском является рефлексом исконного /*l'/ в непосредственном соседстве с гласными заднего образования.

ʳkaˡ-bi-x́-es „положить“, „класть“: лак. bi-š-in (←*bi-x́-in; срв. прош. вр. bi-v-x́-unni): арч. el‘-as (срв. l‘ob „ножны“): таб. a-x́-uz: аг. i-x́-as: рут. li-x́-in: цах. i-x́-es: уд. la-x-sun: хин. čəe-š-iri (←*čəe-x́-iri ?);

2. ав. be-l‘-ine „варить“: анд. il‘-in-nu: ʳахв. mi-l‘-un-ul’a: гунз. he-l-a: дарг. bi-l-x́-is: лак. šaš-an (редупл.): лезг. ur-γ́-un: таб. u-x́-uz: аг. rü-x́-as: рут. ü-ḥ-un: уд. bo-x-sun: хин. x́-əli;

3. ав. l‘əami- „жидкий“ (←*l‘ami-?)[1]: анд. l‘una- (ботл. huna-: багв. huna-): лак. x́ümu-: арч. l‘ama-: лезг. žimi- (←*γ́í-mi): таб. šimi (←*x́imi): аг. x́ime-: рут. ḥəmə-: цах. x́üma-;

4. ав. l‘al-k „след“: анд. l‘ol: ахв. l‘ali: лак. ša (←*x́al): лезг. γ́al: таб. šil (←*x́il): рут. ḥal;

5. ав. l‘en „вилы“: ахв. l‘anu: лак. x́ula: арч. l‘ol: рут. ḥəlan: цах. x́ewa;

6. ав. nil‘ „серп“: дарг. mirš (урах.) ←*mirx́i || mix́ (кубач.): лак. mirx́: уд. mex || mix (анд. ničo, ахв. niča и дид. nešu сюда не относятся; в остальных языках представлены вариации основы magal || makəal, которая является заимствованной);

7. ав. ral‘ad „море“: анд. rel‘o: ахв. rel‘a: дарг. urx́u: лак. x́əiri (=x́əwiri): арч. l‘at.

§ 14. Фонемы /x́/ и /ḥ/ встречаются во многих современных дагестанских языках, но доказать их исконность очень трудно. Регулярных фонемных соответствий, которые бы послужили основой для постулирования указанных фонем в языке-основе, нет. Имеются лишь отдельные примеры (которые не поддаются точной квалификации). Мы имеем в виду те особые случаи, когда аварскому x́ в арчинском соответствует латеральный неинтенсивный глухой спирант l‘. В андийских языках в таких случаях имеем š или x́, в лакском—x́, h, в даргинском—x́ или h, в лезгинском и табасаранском—x́ и f (←*x́w), в агульском—ḥ и f (←*x́w). Получается весьма пёстрая картина. К тому же неизвестны рефлексы остальных языков.

---

[1] Ав. l‘əami-, а также ахв. l‘əeme-, возможно, отражают колебания в произношении этого слова. Не случайно именно это слово П. Усларом передается совершенно иначе (l’əama-): Услар. Авар., стр. 232.

Примеры:

1. ав. x́ul „надежда“: ахв. x́u ‖ x́ul: дарг. x́ul: лак. x́ul: арч. l‘ul;

2. ав. wex́ „пастух“: ахв. išwa: лак. ḫuxču (←*ḫux́-ču): арч. ul‘-ɗuw;

3. ав. x́on „семя“: анд. šen: дарг. hwi (урах.) ‖ x́we (кубач.) ‖ šwe (хайд.): лак. hanna: арч. l‘win: лезг. fin (←*x́win): аг. ḫaz.

Может быть, приведенные примеры являются иллюстрацией рефлексации общедагестанского /*x́/ в отдельных языках? Если принять это предположение, то арчинское l‘ следует признать вторичным, в отличие от того арчинского l‘, которому в аварско-андийских языках соответствует l‘. В этом нет ничего неожиданного, поскольку вторичную латеральную фонему рядом с исконной в арчинском мы обнаружили и в серии глоттализованных (имеется в виду арч. t‘ə двоякого происхождения: от /*t‘ə/ и от /*kə/). Препятствие кроется в другом. Дело в том, что не всегда можно возводить соответствие ав. x́: арч. l‘ к исконному /*x́/. Иногда андийские языки при наличии в аварском x́ дают не š или x́, а рефлексы, бесспорно указывающие на исходную латеральную фонему. Например:

ав. x́uc̣ə „болото“: анд. l‘ic̣əu: год. l‘əincəu: тинд. ticəu ‖ hicəu: чам. tic̣əw: багв. tuc̣ə: ахв. l′ic̣əi: лак. x́əunc̣a: арч. l‘amc̣a (срв. также гунз. tac̣←*l‘ac̣). Трудно установить, какая латеральная фонема здесь является исходной [1], хотя совершенно ясно, что рефлексы андийских языков невозможно вывести из /*x́/. Есть и другой случай, когда исконность арчинской латеральной фонемы подкрепляется лакскими данными. Имеется в виду следующее сопоставление:

ав. x́ux́ „туман“, „облако“: дарг. ɗirix́w: лак. təurlu (NB!): арч. ɗil‘w: лезг. cəif (←*təix́w): таб. ɗif (←*ɗix́w): аг. ɗif (←*ɗix́w). Лакское təurlu с арчинской основой увязал К. Ш. Микаилов. Сопоставление, по-видимому, правильное, но необычность соответствия арч. l‘: лак. l требует объяснения. Надо полагать, что сохранение латеральности исконного /*l‘/ в лакском объясняется соседством с сонорным r, который тормозяще

[1] Взаимоотношение между l‘, l′, l‘ə, t, h андийских языков неясным считает и Т. Е. Гудава (КАЯ, стр. 126).

подействовал на процесс делатерализации и, к тому же, содействовал озвончению исконного глухого спиранта. Сначала комплекс *rl‘ изменился в *rl̃, т. е. вместо глухого появился звонкий латеральный спирант. Позднее же, в период утраты лакским единственного латерального шумного /*l̃/, он перешел в сонорный /l/. Наличие в лакском /l/ безоговорочно подтверждает исконность /l‘/ в арчинском dil‘w и вторичность x̆ в аварском x̆ux̆.

Вывод: в лакском общедагестанский /*l‘/ после /r/ давал звонкий латеральный спирант /*l̃/.

Если исключить эти два последних примера, на основе вышеприведенных примеров можно было бы представить такую формулу звукосоответствия:

ав. x̆: анд. š: ахв. š, x̆: дарг. x̆, ḥ: лак. x̆, ḥ: арч. l‘: лезг. x̆/f: таб. x̆/f: аг. ḥ/f.

Опираясь на эту формулу (правда с малой долей вероятности), можно постулировать исходное /*x̆/, хотя мы не считаем возможным настаивать на таком решении вопроса. Наличие /*x̆/ в общедагестанском не может считаться окончательно доказанным.

Постулирование *ḥ для общедагестанского хронологического уровня встречает еще бо́льшие препятствия. Ввиду того, что нет примеров, убедительно иллюстрирующих регулярность соотношения аварского /ḥ/ с согласными фонемами других дагестанских языков, приходим к заключению, что в общедагестанской консонантной системе фонемы /*ḥ/ не было. Во всех языках, где ныне имеется эта фонема, она вторичного происхождения. По всей вероятности, главным источником /ḥ/ дагестанских языков является заимствованная лексика, но в ряде случаев /ḥ/ является рефлексом других фонем (/*l‘/ или /*x̆/).

Маловероятно также наличие ларингального h в общедагестанском языке. В современных дагестанских языках он является в большинстве случаев рефлексом какой-нибудь другой исконной фонемы, в остальных же случаях представлен в заимствованной или же экспрессивной лексике.

В некоренных словах h, как правило, встречается в начале слова перед гласным. Ларингальное h может встречаться и в составе дейктических частиц и указательных местоимений.

§ 15. Рефлексы сильных спирантов всех рядов сохранились

не во всех дагестанских языках. Рефлексы сильных спирантов увулярного и латерального рядов сохранились во всех дагестанских языках. В отличие от них, рефлексы сибилянтных /*sə/ и /*šə/ прослеживаются в основном в аварско-андо-дидойской группе, в даргинском и лакском.

В свистящем ряду имеем две формулы соответствий:

I. ав. sə: анд. sə: ахв. sə: дид. s: дарг. s: лак. sə: арч. h: рут. h: хин. s.

1. ав. səun- (основа косв. пад. вопр. мест. „кто?"): ахв. səũ-: гунз. sin-: дарг. si- (урах.) || se- (акуш.): лак. səa-: арч. hin-: рут. hi-;

2. ав. -səa (словообразовательный суффикс в прилагательных, причастиях, наречиях и т. д.; напр. žani-sə-eb „внутренний", ɷeb-səa „вширь", „вдоль", „наискось"): анд. -səi (baṭʻəu-səi „средний"): ахв. -səe (eču̇nda-səe „порожний"): дид. -so (baqu-so „большой"): дарг. -si (акуш. baç-si „пустой", zelaba-rib-si „соленый"): лак. -səa (arx-səa „дальний"; x̄əinaḳ-səa „голубой"): хин. -sa (kəuj-sa „идущий").

II. ав. cə: анд. sə: ахв. sə: дид. s: дарг. h (урах., акуш.) || s (цуд.) || t (кубач.): лак. sə: арч. sə: таб. s: рут. s.

1. ав. cəe-be „впереди": анд. səe-du: ахв. səi-gi: дарг. hala (урах., акуш.) || tala (кубач.);

2. ав. cəin „зло", „желчь", „гнев": анд. səim: ахв. səimi гунз. sim: дарг. himi (урах., акуш.) || simi (цуд., хайд.) || timi (кубач.): лак. səi (род. пад. səin-tə-ul): арч. səam: таб. seb „желчь": рут. sāb „ругань".

Разница между двумя приведенными формулами основана на двоякой рефлексации аварского, даргинского (урахинского типа диалектов), арчинского и рутульского языков. Рассматривая данные звукосоответствия в пределах аварско-андийских языков, Т. Е. Гудава пишет: „Надо полагать, что во втором случае в аварском языке происходит аффрикатизация (sə→cə...), но определить соответственные позиции затруднительно. Отметим, что в упомянутых словах (имеются в виду слова со значением „впереди" и „гнев"—Б. Г.) спирант s находим и за пределами аварско-андийских языков"[1]. Если допустить, что арч. hin- (основа косв. пад. местоимения „кто?") и рут. hi несоотно-

---

[1] Гудава. КАЯ, стр. 143.

симы с аварско-андийско- дидойскими, даргинским и лакским корнями того же значения, то разница между указанными двумя формулами наблюдается лишь в аварском и даргинском языках. Можно предложить позиционное объяснение двоякой рефлексации этих языков примерно такого характера: исконное сильное /*sə/, находясь перед подударным гласным, оставалось без изменения в аварском, в даргинском же давало s, в остальных положениях в аварском *sə→cə, а в даргинском *sə→h. В аварских словах səun и образованных посредством суффикса -səa/-sə ža-ni-sə-eb, ωeb-səa ударение падало непосредственно после sə, т. е. имелись формы *səún-cəa (*səún-duje, *səúndul), *žanisəéb, *ωebsəá, с одной стороны, и *cəebé, *cəidácəa (эрг. пад.), с другой. В именительном падеже слово „гнев“ имело вид səin, но вследствие парадигматической унификации (под влиянием основ косвенных падежей) cə появилось и в именительном. Словообразовательный суффикс (структуры səV) вначале, по-видимому, носил на себе ударение, которое позднее, с появлением производных трехсложных основ, переместилось вперед. Однако поскольку позиционный переход sə→cə уже не был в силе, sə этого суффикса осталось без изменения.

В даргинском вначале слова́ si-li (эрг. пад. от слова si „что?“) и baç-si „пустой“ носили ударение соответственно на первом и втором от начала слоге, слова же со значением „гнев“ и „вперед“ выглядели соответственно как *himí и *halá. Если принять такое объяснение, две вышеприведенные формулы окажутся по отношению друг к другу в положении дополнительной дистрибуции, что дает основание считать их реализацией одной общедагестанской фонемы /*sə/. Исходя из сказанного, единая формула, на основе которой постулируется общедагестанское /*sə/, выглядит так:

ав. sə/cə: анд. sə: ахв. sə: дид. s: дарг. s/h: лак. sə: арч. sə: таб. s: рут. s: хин. s. Как видим, в формуле недостает показаний лезгинского, агульского, цахурского и удинского языков. С точки зрения данных лезгинских языков дело обстоит не лучше и при постулировании общедагестанского /*šə/.

Общедагестанское /*šə/: ав. sə: анд. šə: ахв. sə: дид. š: дарг. š: лак. šə: арч. šə: лезг. š: таб. ś.

1. ав. be-sə-ize „ткать“: анд. be-šə--idu: ахв. go-sə-ur-ul'a: дид.

ri-š-a: гунз. re-š-a: дарг. bu-š-es: лак. šəašə-an (редупл.): лезг. aru-š-un „наматывать“, ru-š-un „делать основу для тканья“;

2. ав. səwer-ize „вертеться“, „крутить“, „поворачивать“: анд. səor-du(!): ахв. səor-ur-ul'a: дарг. šur-ies „повернуть“: лак. šəur-un „вертеться“, „суетиться“ (таб. ra-šw-uz „шевелиться“?);

3. ав. səw-ine „гаснуть“: ботл. mi-šə-i: ахв. bi-sə-or-ul'a: дарг. bi-š-es: лак. le-šə-an;

4. дарг. aš-is „месить (тесто)“: лезг. eš-un: таб. ṭi-rš-uz.

Как видно из примеров, исконное шипящее сильное /*šə/ в аварском и ахвахском регулярно переходит в свистящее sə. Однако имеется один пример, когда в этих языках удержались исконные шипящие:

5. ав. šəur-ize „шептать“: ахв. šəur-ur-ul'a: лак. šəuršəu bullan (←*šəur-šəur bullan): арч. šuš bos. Это, по-видимому, объясняется звукоподражательным характером глагольной основы (Гудава. КАЯ, стр. 145).

Общедагестанское /*xə/: ав. xə: анд. xə: ахв. xə: дид. x: дарг. q/h[1]: лак. xə: арч. x: лезг. x: таб. x: аг. x: рут. x: цах. x: уд. x: хин. x.

1. ав. xəal-at-ab „длиный“: анд. be-xəul-a: ахв. ba-xəa-dabe (←*ba-xəal-dabe): дид. e-xor-a: хварш. e-xol-a: дарг. ⌈hara⌉qil „далёкий“ (урах.): лак. arxsəa (←*arxə-səa) „далекий“: арч. axtəut (←*axə-təut): лезг. jarγa (←*jar-xal?): таб. jarxi: аг. jer-xe-f: рут. xəl-ax-tə „длинный“: цах. xəli: уд. à-xil „далеко“: хин. ixa „длинный“ (←*i-xal);

2. ав. maxə „железо“: ахв. (цег.) ⌈rač̣⌉-mixəi: дарг. mirh (урах.) || mixə (кубач.): лак. max (←*maxə; срв. род. пад.: muxə-al): лезг. mix(?) „гвоздь“;

3. ав. ixə „поток“: ахв. ⌈xəe: хварш. ēxu: лак. nex „река“ (←*nexə; срв. род. пад.: nexə-al);

4. ав. bi-xə-ize „рушить“: анд. be-xə-idu: ахв. ba-xə-ur-ul'a: дарг. be-q-es: лак. zi-xə-in;

5. дарг. ber-q-es „родиться“: лезг. x-un: таб. x-uz: аг. x-ur-as: рут. ù-x-un; цах. u-x-as: уд. bi-x-sun.

В даргинском наблюдается аффрикатизация (за исключением конечной позиции).

Общедагестанское /*l‘ə/: ав. l‘ə: анд. l‘ə: ахв. l‘ə:

---

[1] h в урахинском наблюдается в ауслауте.

дид. l‘: дарг. x́/>š[1]: лак. šə(←*x́ə): арч. l‘ə: лезг. j: таб. š(←*x́): аг. x́: рут. x́/h: цах. x́: уд. x: хин. x́.

1. ав. l‘əin „вода“ (род. пад. l‘əaď-al): анд. l‘əen: ахв. l‘əeni: дид. l‘i: хварш. l‘ā: дарг. šin (←*x́in): лак. šəin (←*x́əin): арч. l‘əan: лезг. jaď: таб. šiď || šar: аг. x́er (←*x́eď): рут. x́eď: цах. x́ān: уд. xe (←*xen; срв. род. пад. xen-e): хин. x́u (←*x́un; срв. эрг. пад. x́un-i);

2. ав. l‘əaďi „жена“, „женщина“: дарг. x́ur-ul (урах.) x́əaďe (кубач.): лак. šəar-səa (←*x́əaď-səa)[2]: арч. l‘əonnol: лезг. *jir (в словах композитах: iran-baba „тесть“— „жены отец“ iran ďeďe „тёща“—„жены мать“, iran-sitxa „свояк“—„жены брат“; см. Troubetzkoy. CL, стр. 193): аг. x́ir (←*x́id): рут. hədə-ldə[3]: цах. x́une-še: уд. xuni „самка“: хин. x́ini-ˁmkirˀ „жена“ (срв., мн. число: x́ənə-bər);

3. ав. l‘əi-(основа косв. падежей местоимения „кто?“): анд. l‘əe-: ахв. l‘əo-: дид. l‘u-: дарг. ši- (←*x́i-): лак. šəi-(←*x́əi-): арч. l‘əi-: таб. šil-(←*x́il-);

4. дарг. máx́i „хутор“: лак. mašəi (←*max́əi): арч. mal‘əi: аг. mex́;

5. ав. re-l‘ə-ene „походить“, „быть похожим“: лак. la-šə-an (←*la-x́ə-an; срв. lovx́əusəa „похожий“, „подобный“): арч. l‘əwana kes.

Суммируя сказанное о рефлексации исконных сильных спирантов в дагестанских языках, можно в заключение представить общую формулу соответствий. Общедагестанские /*sə/, /*šə/, /*xə/, /*l‘ə/ в отдельных языках дали следующие рефлексы: в аварском—sə/cə, sə, xə, l‘ə, в андийском—sə, šə, xə, l‘ə, в ахвахском—sə, sə, xə, l‘ə, в дидойском—s, š, x, l‘, в даргинском (урахинского типа)—s/h, š, q/h, x́, в лакском—sə, šə, xə, šə(←x́ə), в арчинском—sə, ?, xə, l‘ə, в лезгинском—?, š, x, j, в табасаранском—s, š, x, x́, в агульском—?, ?, x, x́, в рутульс-

---

[1] Переход x́→š имеет место перед подударными антериорными гласными (чаще перед i).

[2] Для лакского характерен x́ə→šə перед гласными i и a, а также d → r в позиции перед согласным и в конце слова (см. об этом Гигинейшвили. ЛК, стр. 47 и 72).

[3] h появляется в рутульском перед гласными заднего образования.

ком—?, ?, x, x̆/h, в цахурском—?, ?, x, x̆, в удинском—?, ?, x, x, в хиналугском—s, ?, x, x̆.

Итак, если не учитывать ларингальное /*h/ (допущение которого довольно проблематично и который, во всяком случае, занимает незначительное место в общедагестанской консонантной системе, судя по минимальной частотности и ограниченности дистрибуции), спиранты общедагестанского языка составляют четыре коррелятивные пары, члены которых противопоставляются друг другу по признаку интенсивности: /*s/—/*sə/ʻ /*š/—/*šə/, /*x/—/*xə/ и /*lʻ/—/*lʻə/.

Глава II. О НАЛИЧИИ ДУБЛЕТНЫХ ФОРМ В ЯЗЫКЕ-ОСНОВЕ

Исследовательская практика знает немало случаев, когда при сравнительной реконструкции морфем или слов формы сравниваемых языков не могут быть возведены к одной единственной исходной форме языка-основы. Помехой является не недостаток материала и не нарушение закономерных звукосоответствий, а „перекрещивание“ двух формул звукосоответствий[1].

Вследствие этого, в одной части языков устанавливаются соотношения, удовлетворяющие формуле A, на основе диахронической интерпретации которой постулируется исходная форма, содержащая фонему /*x/, в другой же части языков соотношение между формами подходит под формулу B, на основе которой в составе формы постулируется фонема /*y/. Обычно фонемы /*x/ и /*y/ близки фонетически, но иногда они могут довольно ощутимо различаться. Не помогает в подобных случаях допущение существования языков-основ более позднего хронологического уровня, так как часто оказывается, что языки, удовлетворяющие одной и той же формуле звукосоответствий, после дробления языка-основы не были связаны общей традицией. К примеру, возьмем случай, приводимый Л. Блумфилдом. Сравнение санскритских форм с кельтскими предполагает реконструкцию индоевропейских морфем инструментального и дательно-аблативного падежей в следующем виде:

инстр. пад. мн. ч. /-*bhis/

датив-аблатив мн. ч. /-*bhos/.

---

[1] Само собой разумеется, что речь идет о таких случаях, когда возможность комбинаторного объяснения форм исключена.

Сравнение германских и балто-славянских форм предполагает для тех же падежей следующие флексии:

инстр. пад. мн. ч. /*-mis/

датив-аблатив мн. ч. /-*mos/

Подобные расхождения не могут быть объяснены общими изменениями в истории германских и балто-славянских языков, так как допущение балто-славянско-германской языковой общности невозможно[1].

Между тем, праязык „рассматривается как язык, не знавший диалектального членения“[2], и несовместимые формы, обнаруженные в нем, не могут быть определены, по мнению Л. Блумфилда, как альтернанты или диалектальные варианты[3]. „Сравнительный метод можно было бы применять с полным успехом только при условии монолитности и однородности праязыка, но наличие несовместимых форм (таких, как... /-*mis/ и /-*bhis/ в индоевропейском языке) показывает нам, что такое предположение необоснованно“,—пишет Л. Блумфилд[4].

Признавая те трудности, с которыми лингвист сталкивается при сравнительной реконструкции, и в особенности при анализе фактов вышеуказанного порядка, мы считаем утверждение Л. Блумфилда недостаточно обоснованным. В связи с этим рассмотрим вопрос о вариабельности в языке-основе.

Не совсем ясно, почему Л. Блумфилд считает невозможным рассмотрение индоевропейских падежных морфем /*-mis/ и /-*bhis/, с одной стороны, и /-*mos/ и /*bhos/, с другой, как существующих в языке-основе дублетных форм. Общеизвестно, что как в живых, так и в мертвых языках могут иметься дублеты, т. е. морфемы или слова, более или менее близкие по звучанию и идентичные по значению. К примеру, можно привести варианты слова со значением „закон“ в древнегрузинском языке. Это слово зафиксировано в древнегрузинских рукописях в четырех формах: šǯuli, sǯuli, ščuli и rčuli[5]. Эти

---

[1] Л. Блумфилд. Язык. Москва. 1968, стр. 347.

[2] Там же.

[3] Там же

[4] Там же, стр, 350.

[5] М. Дзидзишвили. Фонетические процессы в древнегрузинском языке. Тбилиси, 1960, стр. 52—53.

формы имели совершенно одинаковое значение[1]. В том же древнегрузинском имеются два варианта слова „ноготь“: prcxili и prčxili.

В современном грузинском разговорном языке варьируют существительные с анлаутным m- и без него: mdevi ‖ devi „сказочный великан“, mčadi ‖ čadi „хлеб из кукурузы“, „чурек“ и др.

Происхождение параллельных форм в некоторых случаях может объясняться сохранением архаичных форм рядом с новыми. Как известно, полному узаконению инноваций в языке предшествует период „колебаний“, переходный этап, на котором допускается сосуществование „старых“ и „новых“ форм (иногда относящихся к разным стилям). Предельно ясно и лаконично передает суть этого явления Р. Якобсон: „Всякое изменение первоначально относится к языковой синхронии: и старая, и новая разновидности сосуществуют в одно и то же время в одном и том же речевом коллективе, как более архаичная и более модная соответственно, причем одна из них принадлежит к более развернутому, а другая—к более эллиптическому стилю, к двум взаимозаменимым субкодам одного и того же кода“[2]. Допущение наличия дублетов в языке-основе дает возможность, не нарушая его „монолитности“, объяснить несовместимые на первый взгляд формы в исторически засвидетельствованных языках. Предполагается, что часть засвидетельствованных форм является продолжением одной дублетной формы языка-основы, другая же часть—продолжением другой дублетной формы.

Однако необходимо уточнить, что мы понимаем под „монолитностью“ языка-основы и чем обусловлено наличие дублетных форм. Под „монолитностью“ мы подразумеваем ареальную целостность языка-основы в смысле его нераздробленности на диалекты и говоры. Тем самым мы исключаем возможность понимания под термином „дублеты“ форм, засвидетельствованных

[1] И. В. Имнаишвили. Историческая хрестоматия грузинского языка, т. I, часть II, Тбилиси, 1971, стр. 52.

[2] Р. Якобсон. Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание: „Новое в лингвистике“, вып. III, Москва, 1963, стр. 102.

в разных диалектах одного и того же языка. Дублетные формы могут относиться к разным стилям, наличие которых может быть обусловлено сосуществованием разновременных форм или же социальной стратификацией, но во всех случаях мы их рассматриваем как принадлежность одного языка, одного диалекта, одного говора. Такое понимание продиктовано тем обстоятельством, что, исходя из диалектных вариантов, невозможно объяснить наличие „несовместимых“ форм в развившихся из этих диалектов языках, так как:

1. Показание того или иного языка не характеризуется стабильностью: если в одном случае в языке А прослеживается продолжение одной из постулируемых форм, содержащей исконную фонему /*x/, то в другом случае в том же языке избирается другая дублетная форма, в составе которой имеем рефлекс исконной фонемы /*y/. Таким образом, варьирование исконных /*x/ и /*y/ в одном и том же языке отображается по-разному.

2. При допущении в языке-основе диалектальных вариантов невозможно объяснить, каким образом в таких языках, которые были связаны общей традицией и, следовательно, являются результатом дробления одного и того же диалекта языка-основы, встречаются расходящиеся формы, а в языках, выводимых из разных диалектов языка-основы, показания можно свести к общему знаменателю.

Таким образом, диалектное дробление несовместимо с постулированием дублетов.

Допущение дублетных форм в принятом нами понимании логически приводит к возможности свободного варьирования между фонемами (!) в некоторых словах языка-основы.

Насколько реально допущение такой возможности? Как видно из документированных фактов разных языков, оно вполне реально и может объясняться в основном как результат сохранения фактов разных хронологических уровней, принадлежащих к различным сосуществующим подсистемам. Общеизвестны подобные формы в русском языке: город—град, золотой—златой, подмастерья—подмастерьи, ноль—нуль и др. Проникновение в литературный язык форм разговорного языка также способствует появлению дублетных форм. Одной из таковых является

грузинская форма аориста šobes „родили“ рядом с нормальной šves в Шатбердской рукописи X века[1]. Первая форма, узаконившаяся в современном грузинском, должно быть, употреблялась уже в X веке в разговорной речи, откуда по вине переписчика проникла в литературный язык.

Мы не останавливаемся специально на рассмотрении других причин появления дублетов (таких, как разновременные заимствования и др.).

Возвратимся к дублетам языка-основы, как средству объяснения „несовместимых“ форм в сравниваемых языках.

Сравнительное изучение дагестанских языков выявило немало случаев, когда показания одной части языков не находят подкрепления в другой части, т. е. показания относятся к разным формулам звукосоответствий. В таких случаях единственным объяснением является допущение дублетных форм в общедагестанском языке. Приводимый для иллюстрации материал поддается классификации. Выявлены следующие типы „свободного варьирования фонем“ в определенных морфемах языка-основы: 1. Спирант~аффриката (одного и того же ряда), 2. Интенсивный~неинтенсивный (одного ряда и одной серии), 3. Свистящий~шипящий (одной и той же серии), 4. Звонкий~глоттализованный (одного и того же ряда), 5. Латеральный~увулярный.

1) Спирант~аффриката

Общедаг. *bV[2]sVw || *bVcVw „гора“, „холм“

/*s/=гунз. bïzu „холм“

/*c/=ахв. beča „гора“: уд. burux (←*bucrux); нейтральны (т. е. пригодны для постулирования как /*s/, так и /*c/) показания следующих языков: анд. besa: аг. su: таб. sew: рут. səw: цах. suwa.

Общедаг. $\sqrt{\ }$ *-s- || *-c- „рассказать“

/*s/=лак. bu-s-an: лезг. wé-s-i-wun („завещать“):

/*c/=ав. bi-c-ine: ахв. ma-č-un-ul'a: дид. e-s-a: хварш. i-s-a; нейтрально андийское bo-s-in-nu.

---

[1] См. З. А. Сарджвеладзе. Случаи нарушения согласования в числе с глаголом имен, оформленных показателем множественности -n, в древнегрузинском языке: Мацне, 1961, № 3.

[2] Символом V обозначается гласный вообще.

Общедаг. *swV̄n-l'a ‖ *cwV̄n-l'a „медведь"

/*s/ = ахв. šĩj: дид. zej: дарг. sin-ka: уд. šue: хин. psə;

/*c/ = ав. ci: лак. cu-ša;

нейтральны показания: анд. seji: лезг. sew: таб. šwe': рут. si: цах. söj.

Общедаг. *swVl-kal ‖ *cwVl-kal „лиса"

/*s/ = ахв. šari: хварш. zaru: уд. šul: хин. pšlä;

/*c/ = ав. cer: лак. cul-ča;

нейтральны показания: анд. sor: арч. sol: лезг. si-k: таб. sol: аг. sul: рут. sil-k: цах. siwa.

Общедаг. V̄ *-x- ‖ *-q- „открыть"

/*x/ = ав. ra-ħ-ize: ахв. a-x-ur-ul'a;

/*q/ = лезг. āqa-wun: аг. da-q-as: цах. a-q-as: уд. qaj-pesun;

нейтральны показания: анд. ar-x-on-nu: арч. da-x-as.

Общедаг. *mVxVr ‖ *mVqVr „грудь"

/*x/ = ав. meħed: гунз. ɣeru: хин. maxar;

/*q/ = дарг. miqir: лезг. xur;

нейтральны показания: арч. muxor: таб. muxůr: аг. muxůr: рут. məxər: цах. məxú.

Общедаг. *mV̄xa ‖ *mVqa „ячмень"

/*x/ = ав. muħ („зерно"): лезг. mox: таб. mux: аг. mux;

/*q/ = дарг. muqi: лак. qa: хин. maqa: уд. mu (←*muj);

нейтрально показание арчинского (maxa).

Общедаг. *l'Vb ‖ *l'Vb „три"

/*l'/ = дарг. ħab: уд. xib;

/*l'/ = ахв. l'ab- (в слове l'ab-ilet'əu „третий");

нейтральны показания: ав. l'ab-: анд. l'ob-: дид. l'o-: лак. šam- (←*x'am-): арч. l'ib-: таб. šub: аг. x'ibu-: рут. x'ibu-: цах. x'eb.

2) Интенсивный~неинтенсивный

Общедаг. *c̣Vn ‖ *c̣əVn „коза"

/*c̣/ = лезг. c̣e-h: таб. c̣i-h: аг. c̣e-h: рут. c̣i-h: цах. c̣e-'e: уд. vel (←*cvel);

/*c̣ə/ = ав. c̣əe: анд. c̣əija: ахв. c̣əono-l'i (срв. c̣əo-ko „козья шкура"): хварш. can: арч. c̣əej;

нейтральны показания: лак. c̣u-ku: хин. c̣ol.

Общедаг. *-Vnq || *-Vnqᵒ „четыре"

/*q/=анд. boqo-: ахв. boqo- хварш. ũqe-: арч. ebqa-: таб. jaqu-: аг. jaqu-: хин. бɣ (срв. эрг. unqwí);

/*qᵒ/=ав. unqᵒo: дарг. aw'-al;

нейтральны показания: лак. muq-: лезг. qu-: рут. juqu-: цах. joqu-: уд. bip (←*biqw).

Общедаг. *mVt'Vr || *mVt'ᵒVr „сон", „сновидение"

/*t'/=арч. mikir „сновидение", nabk „сон": таб. nivk: аг. imk: рут. naq: цах. nek: уд. nep (←*nebq): хин. mikä;

/*t'ᵒ/=ав. mat'ᵒu: ахв. mit'ᵒe: дид. mol'ᵒu: дарг. mu'ir (урах.) || mužir (цудах.);

нейтрально показание: лак. mak.

3) Свистящий~шипящий

Общедаг. *-VsVn || *-VšVn „год"

/*s/=дарг. dus: арч. san: лезг. jis: таб. jis: аг. is: рут. sen: цах. sen: уд. usen: хин. ūs;

/*š/=анд. rešin: лак. šin;

нейтральны показания: ав. son: ахв. reše.

Общедаг. √*-s- || *-š- „взять", „купить"

/*s/=хварш. le-z-a: дарг. a-s-is || a-s-es: лак. la-s-un;

/*š/=гунз. re-ž-a: аг. ɣu-š-as: рут. là-š-un: цах. ali-š-es;

нейтрально показание аварского (bo-s-ize).

4) Звонкий~глоттализованный

Общедаг. *mVǯVr || *mVčVr „борода"

/*ǯ/=лезг. čᵒuru: таб. miǯir: аг. muǯur;

/*č/=дарг. mucur: лак. čiri: арч. močor: рут. mičri: цах. mučru: хин. mičeš (←*mičež←*mičeri?).

Общедаг. √*-dᵒ- || *-t'ᵒ- „любить", „хотеть"

/*dᵒ/=дарг. i-g-is: лак. čᵒ-an (←*kᵒ-an);

/*t'ᵒ/=арч. t'ᵒan kes: лезг. kan x̂un: таб. kᵒun-x̂uz: аг. kᵒan x̂as: рут. wə-g-ən: цах. əkᵒan-as: уд. bu-q-sun: хин. jukᵒuj;

нейтрально показание: ав. bo-t'ᵒ-ize.

Иногда варьируют согласные разных рядов (и даже серий).

5) Латеральный ~ увулярный

Общедаг. *dVrd̥ᵖ ‖ *dVrγ‘ „гребешок“

/*dᵖ/=ав. hort‘əo: анд. hot‘əu: ахв. at‘əu: дид. hil'əu: дарг. du-rega: лак. təaral;

/*γ‘/=арч. daq: лезг. räγ: таб. raγ: рут. räγ;

нейтрально: цах. aγa.

Общедаг. *t‘əin-d ‖ *q₁Vn-d „зима“

/*t‘ə/=ав. t‘əin: анд. t‘əinu: дид. el'ənu: гунз. l'əini: дарг. 'ini (урах.): лак. kin-t: хин. kin-až;

/*q₁/[1]=арч. qəot-ru: лезг. qüd: таб. qürd: аг. 'ard: рут. qid: цах. qod-im.

Общедаг. *rVqə ‖ *dVqə ‖ *dVt‘ə „зола“, „пепел“

/*qə/=ав. raqəu: лак. lax (род. пад. luxə-al): лезг. rüq (эрг. пад. rüqwedi): рут. rəq: цах. jiq;

/*qə/=арч. diqə: таб. rüqə: аг. rüqə: уд. iq;

/*t‘ə/=анд. t‘əe: дид. nol'əu: хин. zäk.

Остается рассмотреть еще один вопрос. Известно, что обычно из реконструированных праязыков исторически засвидетельствованные языки прямо не выводятся. Эта эволюция, в большинстве случаев, опосредствована звеньями, соединяющими исходный и конечный пункты развития. Такими звеньями бывают праязыки более или менее локализованных языковых подгрупп.

Надо думать, что общедагестанский язык вначале распался на четыре единицы: аварско-андо-дидойский праязык, общелезгинский, даргинский и лакский языки. Позднее две первые единицы распались на более мелкие части. Исходя из такой гипотезы, несколько странным выглядит то, что в языках одной и той же подгруппы—в аварском и ахвахском — засвидетельствованы формы, предполагающие разные исходные величины. Аварское ci „медведь“ является продолжением общедагестанской формы /*cwVn-/, в то время как ахвахское š'j восходит к форме /*swVn-/, т. е. „несовместимые“ формы появляются и на аварско-андо-дидойском хронологическом уровне. Объяснить это можно следующим образом: **варьирование между вышеуказанными формами общедагестанского языка продолжалось и после его распада,**

---

[1] О фонеме /*q₁/ речь пойдет ниже.

а именно — в аварско-андодидойском и общелезгинском языках.

После дробления этих более мелких языков-основ в части языков получила развитие одна из дублетных форм, в другой же части узакончились формы, являющиеся продолжением второй дублетной формы. Таким образом, наличие дублетов приходится предполагать и на более поздних хронологических уровнях.

Дальнейшее изучение вопроса о дублетах может уточнить и объяснить некоторые „противоречия“, выявляющиеся при сравнительно-историческом изучении языков. Усовершенствование сравнительно-исторической методики приемами современного языкознания, безусловно, поможет устранению тех препятствий, которые вселяли сомнение в успехе применения сравнительного метода даже у такого выдающегося лингвиста, как Л. Блумфилд.

Глава III. О НЕКОТОРЫХ „АНОМАЛЬНЫХ“ ЗВУКОСООТВЕТСТВИЯХ

Наблюдаются и такие фонемные соотношения, которые не умещаются в общеизвестные или установленные нами формулы. Они распространяются на весьма ограниченное количество примеров. Одним из таких является:

ав. ḳə: анд. ḳə: ахв. ḳə: дид. q̣: лак. ḳ: арч. q̣ə: лезг. q̣̇ таб. q̣: аг. ’: рут. q̣: хин. ḳ;

1. ав. ωunḳə „мышь“: анд. hinḳəu: ахв. ʿḳəoṭi: хварш. aq̣we: лак. ḳulu: арч. noq̣əon: лезг. q̣if: таб. q̣ul: аг. ’ul: рут. q̣ul: цах. q̣ow: хин. nuḳur;

2. ав. ḳəw-ine „глотать“: анд. bi-ḳə-un-nu: ахв. (цег.) ʿḳəori „проглотил“: лак. ha-č̣-an (←*ha-ḳ-an) „пить“: арч. oq̣əw-as „глотать“: лезг. tü-q̣-un: таб. qətü-q̣-üz.

Есть другая формула, которая отличается от приведенной только тем, что в аварско-андийских языках вместо сильного ḳə представлено слабое ḳ. В остальных языках имеем полное совпадение рефлексов. Примеры:

1. ав. ḳi-: „два“: ботл. ḳe-: ахв. ḳe-: дид. q̣a-: дарг. ḳi-: лак. ḳi-: арч. q̣we- (←*q̣əwe-): лезг. q̣we-: таб. q̣o-: аг. ’a-: рут. q̣we-: цах. q̣o-: уд. ṗa (←*q̣wȧ): хин. ḳu;

2. ав. ƀa-k̇-aƀ „тяжелый“: ахв. ƀo-k̇-oro-: дарг. ɗi-k̇-il: лак. k̇u-sәa: арч. īɣ-ɗut (←*īq̇ә-ɗut): таб. aq̇ŏ-r: аг. ür'a-f: рут. ju-q̇-tә: цах. ji-q̇-әn.

Помимо всего сказанного, следует отметить, что вторая формула привносит данные даргинского и удинского языков, которые в первой формуле не были зарегистрированы.

Если бы удалось объяснить двоякую рефлексацию аварско-андийских языков комбинаторным фактором, можно было бы указанные две формулы свести к одной, которая бы выглядела так:

ав. k̇ә/k̇: анд. k̇ә/k̇: ахв. k̇ә/k̇: дид. q̇: дарг. k̇: лак. k̇. : арч. q̇ә: лезг. q̇: таб. q̇: аг. ': рут. q̇: цах. q̇: уд. q̇: хин. k̇.

На основе данной формулы пришлось бы постулировать для общедагестанского языка еще одну глоттализованную фонему задневелярного ряда, которая должна рассматриваться как фарингализованная взрывная, но не аффриката (срв. соответствия аффрикат). Её условно можно обозначить символом /*q_1/ или /*k_1/.

Есть еще одно „своеобразное“ соответствие, представленное в следующих примерах:

1. ав. ƀer „глаз“: гунз. ƀare: дарг. ƀuli: лезг. wil: таб. ul: аг. ul: рут. ul: цах. ul (←*wul): уд. pul: хин. pil;

2. ав. ƀi „кровь“: гунз. ƀāj: дарг. ƀi: лак. ü ‖ ωu (вицх.): арч. ƀi: лезг. iwi: рут. aƀr ‖ aƀir: цах. ēƀ[1];

3. ав. aƀ-ize „сказать“: арч. ƀos: таб. p-uz: аг. p-as: уд. p-esun.

Двоякая рефлексация агульского (p, w>∅) объясняется комбинаторно. Надо полагать, что в третьем примере структура глагольного корня во всех языках была такой, как в аварском, т. е. VC (следовательно, аг. pas←*ap-as; также и таб. puz←*ap-uz). В начальной же позиции в этих языках засвидетельствовано w. Получается такая формула звукосоответствия:

ав. ƀ: гунз. ƀ: дарг. ƀ: лак. ω: арч. ƀ: лезг. w: таб. w/p: аг. w/p: рут. w/ƀ: цах. w/ƀ: уд. p: хин. p.

---

[1] Таб. ifi „кровь“, аг. i', уд. pi и хин. pi содержат, по нашему мнению, иной корневой согласный и не могут быть увязаны с вышеуказанными корнями.

Реализацией какой исходной фонологической единицы можно считать данное соответствие?

Внимание привлекают, с одной стороны, гунзибское ħ и даргинское ḥ, с другой—удинское и хиналугское p, которые соответствуют b/w остальных языков. Решение могут подсказать языки нахской ветви, где слово „глаз" звучит так: чеч. bωärg, инг. bωärg, бацб. bωarḳ[1]. Рассмотренную нами формулу можно возвести к общедагестанскому сочетанию фонем, вторым компонентом которого является, по-видимому, /ħ/, реализующееся в позиции после согласного в виде вариантов [ħ] и [ḥ].

Можно допустить, что в табасаранском, агульском, рутульском и цахурском исконный комплекс /*bħ/ в начале слова был упрощен в w, (т. е. утерялось /*ħ/, а предшествующее /*b/ закономерно перешло в /w/); в удинском и хиналугском начальное /*b/ под влиянием последующего /*ħ/ аспирировалось, а затем комплекс /*pħ/ упростился в /p/. В межвокальной позиции то же самое произошло в табасаранском и агульском (*bħ→p).

В других языках группа /*bħ/ также подверглась упрощению: в аварском *bħ→b, в гунзибском сохранился второй компонент (*bħ→ħ), в даргинском *bħ→*bḥ→ḥ, в лезгинском *bħ→*b→w в предударном слоге, в рутульском и цахурском *bħ→*b→w в начале слова и *bħ→b в остальных позициях, в лакском *bħ→*bω→ω || ∅, в арчинском *bħ→b.

С типологической точки зрения очень интересны параллели с рефлексацией индоевропейского /*bh/: переход *bħ→b в аварском, арчинском, лезгинском, рутульском и цахурском напоминает рефлексацию индоевропейского /*bh/ в иранском, древнеславянском, литовском, древнеармянском и кельтских языках, изменение *bħ→p в табасаранском, агульском, удинском и хиналугском ассоциируется с аналогичным процессом в греческом.

Параллелизм заключается в аналогичности суперации звуковой последовательности *bh.

---

[1] Ю. Д. Дешериев. Бацбийский язык. Москва, 1963, стр. 312.

Глава IV. О КОМПЛЕКСАХ СОГЛАСНЫХ В ОБЩЕДАГЕСТАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Вопрос о фонемной группе /*bh/ переплетается с более общим вопросом о возможности сочетаний согласных в языке-основе. Постановка вопроса вполне закономерна. Исходя из результатов сравнительной реконструкции, которая дает возможность составить более или менее точное представление о строении морфем общедагестанского языка накануне его распада на отдельные языки, можно заключить, что возможности сочетаемости в языке-основе были довольно ограничены. В начальной позиции, надо полагать, были возможны лишь сочетания типа C+w(C+j?) и *bh (возможно и *dh, *gh). В остальных позициях допускались и трехчленные комплексы, имеющие, как правило, следующую структуру: на первом месте сонорная фонема (r, l, m, n), на втором—шумная (обычно смычная), на третьем—w. Следовательно, в срединной и конечной позициях могли иметься сочетания следующих видов: *rCw, *lCw, *nCw, *mCw. В качестве иллюстрации приведем несколько реконструированных основ:

*rCw: *gwVrgwVm „круглый“, *dVrkw „сердце“, *marqw „гвоздь“, *mVrcəw „колено“, „угол“, *arčəwV „правый“, *dirl‘w „туман“ и др.

*nCw: *Vngwar „окно“, „отверстие“.

*lCw: *mVlqəw „червь“. Группа *mCw теоретически возможна, но не реализована.

Из двучленных комплексов согласных в середине и в конце слова допустимы производные от типа CsCw, т. е. комплексы либо типа CsC, либо Cw. Поскольку группы типа Cw были очень распространенными и возможными в любой позиции, мы приведем иллюстративный материал только для типа CsC:

*rC: *bort‘əo „свинья“, *dVrt‘ə „кость“, *kVrcVl „щенок“, *bVrč „теленок“, *bVrγ‘ „солнце“, *gwarʒ „коренной зуб“, *barʒ „луна“, „месяц“, *-VrčV „девять“, *arc „серебро“.

*nC: *Vnčəi „земля“, *q_1VnčəVl „ящерица“, *čVnd „блоха“, *γ‘VnʒV „плечо“, „лопатка“.

*lC: *dilt‘Vm „печень“.

*mC: amt‘ „пот“.

Таким образом, максимальное количество членов сочетаний согласных в общедагестанском ограничивалось тремя фонемами. Порядок следования членов был строго определен. Можно выделить три группы согласных, отражающие порядок следования фонем в консонантных группах общедагестанского языка:

a) сонорные согласные: r, l, m, n,

b) шумные согласные (преимущественно смычные),

c) сонант w (неслоговой вариант).

Согласные, входящие в группы a и c непосредственно, в пределах одной морфемы, не могут следовать друг за другом, т. е. невозможны группы *rw, *lw, *nw и *mw.

Не могут оказаться в непосредственном соседстве и согласные, входящие в одну и ту же группу.

Из максимального (трехчленного) комплекса могут быть выведены двучленные комплексы путем опущения первого или третьего членов. Следовательно, двучленные комплексы могут быть только двух типов: ab и bc.

ЧАСТЬ III

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕДАГЕСТАНСКОЙ КОНСОНАНТНОЙ СИСТЕМЫ В СИСТЕМЫ ОТДЕЛЬНЫХ ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Вначале общедагестанский язык распался на четыре основные единицы: аварско-андо-дидойскую, даргинскую, лакскую и общелезгинскую. Проследим за основными этапами эволюции каждой из этих четырех групп.

I. Аварско-андо-дидойский язык

Аварско-андо-дидойский праязык мало чем отличался от общедагестанского по консонантизму. Единственный сдвиг, который произошел в нем после его вычленения из общедагестанского,—это оглушение звонких аффрикат и слияние их с интенсивными глоттализованными аффрикатами. Следовательно, обособление аварско-андо-дидойской консонантной системы от общедагестанской отразилось лишь в следующем переходе:

Общедаг. Ав.-андо-дид.

*ʒ ——→ *çə

*ǯ ——→ *č̣ə

*γ' ——→ *q̣ə

*dρ ——→ *ṭ'ə

Все остальные согласные фонемы остались без изменения. Исходя из сказанного, в аварско-андо-дидойском имелись четверочленные пучки аффрикат типа:

c——cə q——qə
| | | | и т. д.
ç——çə q̣——q̣ə

Система спирантов содержала двучленные ряды, основанные на противопоставлении по признаку интенсивности (s—sə, l'—l'ə

и т. д.), и дефектные ряды, представленные лишь одной фонемой (напр. x˜, h).

Система взрывных содержала четыре ряда: лабиальный (b—p), дентальный (d—t—ṭ), передневелярный (g—k—ḳ) и задневелярный ($q̣_1$).

Сонорные согласные были представлены четырьмя фонемами: r, l, m, n.

Позднее аварско-андо-дидойский язык распался на две единицы: аварско-андийское и дидойское единства.

1) Аварско-андийский праязык

Аварско-андийский консонантизм отличается от аварско-андодидойского лишь тем, что в нем произошло расщепление сильных глоттализованных аффрикат на две серии фонем: на сильные глоттализованные и на звонкие спиранты. Вначале звонкие спиранты являлись лишь позиционными вариантами сильных глоттализованных, впоследствии они фонологизировались.

2) Общедидойский язык

В общедидойском, в отличие от аварско-андийского, произошли значительные изменения:

а) *слабые спиранты озвончились* (*s → *z, *š → *ž, *x → *γ, *l‘ → *l)[1], вследствие чего элиминировалось противопоставление по признаку интенсивности в спирантах и исконные сильные спиранты стали фонологически нейтральными;

б) *слабые неглоттализованные аффрикаты спирантизировались* (*c → *s, *č → *š, *q → *x, *l′ → *l‘), что вызвало упразднение корреляции интенсивности в серии неглоттализованных аффрикат. Несколько позднее спирантизация затронула и исконные сильные неглоттализованные;

в) *сильные глоттализованные аффрикаты утеряли глоттализованность и дали нейтральные неглоттализованные*[2], *которые, однако, реализовывались по-прежнему как интенсивные* (*c̣ǝ → *c, *č̣ǝ → *č, *q̣ǝ → *q, *ṭ‘ǝ → *l′ǝ);

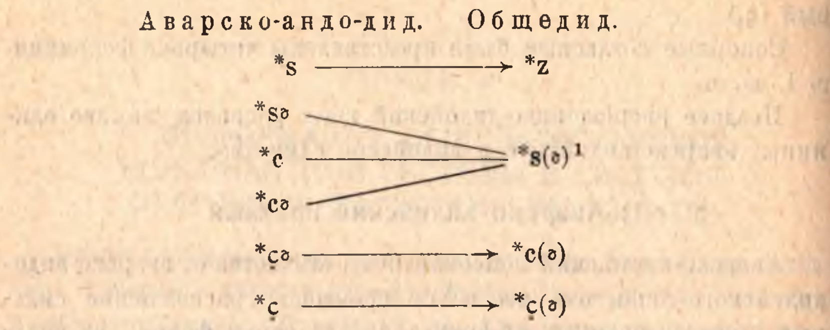
---

[1] Гудава. КАЯ, стр. 156—159

[2] Там же, стр. 107—108.

г) исконные слабые глоттализованные аффрикаты, не имея сильных коррелятов, превратились в фонологически нейтральные, но стали реализовываться как сильные.

Схематически всё это можно представить в следующем виде:



В системе взрывных изменение претерпели только передневелярный звонкий /g/ и задневелярный глоттализованный: первый дал /k/ и /k/ (соответственно позициям), второй же совпал с увулярной глоттализованной аффрикатой q(ə).

Сонорные согласные не претерпели никаких изменений.

На дальнейшей судьбе отдельных дидойских языков мы специально не останавливаемся[2].

Аварско-андийский язык, со своей стороны, распался на два языка: аварский и общеандийский. С чисто фонологической точки зрения эти два языка не очень отличаются друг от друга, но морфологические изоглоссы весьма убедительно свидетельствуют о существовании двух упомянутых единиц на определенном этапе развития от аварско-андийского языка до отдельных андийских языков.

1а) Общеандийский язык. Общеандийская консонантная система ничем не отличалась от таковой аварско-андийского праязыка: она сохранила без изменения все подсистемы согласных (взрывные, аффрикаты, спиранты, сонорные). Лишь впоследствии в отдельных андийских языках произошли изменения. Поскольку этот вопрос хорошо изучен, мы на нем здесь не останавливаемся[3].

---

[1] В скобках показаны фонологически иррелевантные признаки.

[2] Об этом см. Бокарев. ЦЯД.

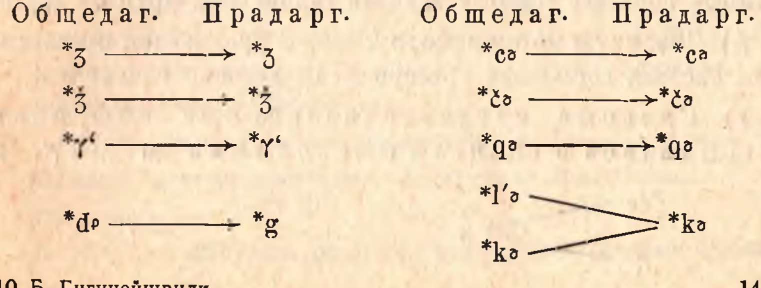
[3] См. Trubetzkoy. Stud.; Troubetzkoy. CL; Гудава. КАЯ; Гудава. Аффр.; Гудава, ФС.

1б) Аварский язык. В аварском языке изменениям подверглись лишь отдельные ряды аффрикат и спирантов. А именно: а) шипящие спиранты перешли в соответствующие свистящие (*š → s, *šə → sə); б) задневелярный спирант перешел в гортанный (*x → h); в) слабые глухие неглоттализованные аффрикаты увулярного и латерального рядов спирантизировались (*q → x, *l′ → l‘); г) слабая глоттализованная аффриката увулярного ряда дала звонкий фарингальный спирант (*q̣ → ω). Изменение *ṭ‘ → ṭ произошло лишь в некоторых аварских диалектах (среди них и в североаварском).

II. Прадаргинское состояние

Даргинский язык (в том виде, в котором он вычленился из общедагестанского) сохранял архаичные черты консонантизма языка-основы. Ныне две группы даргинских диалектов (урахинско-акушинская и цудахарско-кубачинская) существенно отличаются друг от друга по консонантизму.

Накануне обособления этих диалектных групп даргинский язык отличался от общедагестанского только тем, что в нем отсутствовали шумные латеральные фонемы. Система взрывных в даргинском сохранилась без изменения. Даргинский сохранил также звонкие аффрикаты (за исключением латеральной) и корреляцию интенсивности в аффрикатах и спирантах. Латеральные фонемы общедагестанского языка в общедаргинском закономерно перешли в передневелярные согласные соответствующих серий (*dᶅ → *g//*γ̣´, *l′ → *k, *l′ə → *kə, *ṭ‘ → *ḳ, *ṭ‘ə → *ḳə, *l‘ → *x´, *l‘ə → *x´ə). Представим в виде схемы трансформацию общедагестанской системы аффрикат и спирантов в прадаргинском:



Общедаг.	Прадарг.
*c	*c
*č	*č//*c
*q	*q
*l′	*k
*c̣ə	*c̣ə
*č̣ə	*č̣ə
*q̣ə	*q̣ə
*ṭ‘ə	*ḳə
*ḳə	*ḳə

Общедаг.	Прадарг.
*c̣	*c̣
*č̣	*č̣//*c̣
*q̣	*q̣
*ṭ‘	*ḳ
*s	*s
*š	*š//*s
*x	*x
*x́	*x́
*l‘	*x́
*h	*h
*sə	*sə
*šə	*šə
*xə	*xə
*l‘ə	*x́ə

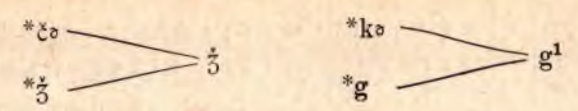
Как видно из схемы, слабые шипящие фонемы в прадаргинском свободно варьировались со свистящими в словах, в которых имелись исконные слабые шипящие. Обратного явления не наблюдалось. По-видимому, вышеуказанное варьирование объясняется тенденцией к утрате локального признака в слабых шипящих, которая, однако, проявлялась лишь факультативно. Из двух параллельных форм в некоторых словах узаконились формы с шипящими, в других случаях — со свистящими.

Прадаргинский распался на две группы диалектов, консонантные системы которых заметно отличаются друг от друга.

А) Диалекты урахинского типа. В урахинском прадаргинская система согласных претерпела следующие изменения:

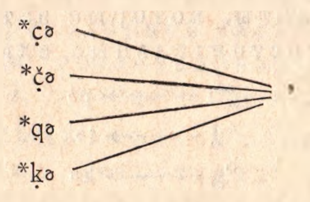
1) С и л ь н ы е н е г л о т т а л и з о в а н н ы е а ф ф р и к а т ы о з в о н ч и л и с ь и с о в п а л и с и с к о н н ы м и *ʒ, *ǯ, *γ‘, *g:





Вследствие этого изменения элиминировалась корреляция интенсивности в серии неглоттализованных глухих аффрикат, ибо оставшиеся вне корреляции слабые неглоттализованные стали фонологически нейтральными с точки зрения интенсивности.

2) Сильные глоттализованные аффрикаты всех локальных рядов перешли в гортанный взрывной /ʼ/ (т. е. сохранили гортанную смычку, утратив локальный признак):



Это вызвало упразднение корреляции интенсивности в серии глоттализованных аффрикат: слабые c̣, č̣, q̣ и ḳ стали нейтральными.

3) Ставшие нейтральными слабые аффрикаты k и ḳ утеряли спирантный исход и слились с взрывными того же ряда.

4) Сильные спиранты /*šə/ и /*x̆ə/ совпали со слабыми во всех позициях, а /*sə/ совпал с /*s/ только непосредственно перед подударным гласным, в остальных же положениях перешел в h, /*xə/ совпал со своим слабым коррелятом во всех позициях кроме абсолютного конца, где он дал h.

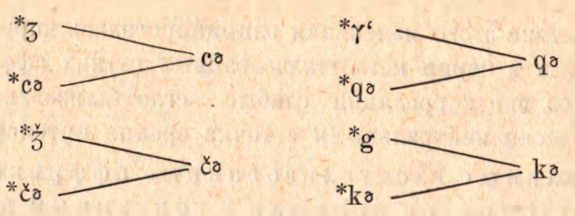
5) Появление звонких спирантов z и γ объясняется в основном заимствованием, ибо они главным образом встречаются в заимствованной лексике. Кроме того, они могли быть комбинаторными вариантами (особенно γ̣) звонких аффрикат, а впоследствии фонологизироваться.

Б) Диалекты цудахарского типа. В этой группе прадаргинская система претерпела следующие изменения:

---

[1] /*g/ в собственно урахинском впоследствии спирантизировалось.

1) Звонкие аффрикаты перешли в интенсивные неглоттализованные, совпав с исходными *cə, *čə, *qə, *kə:



2) Звонкие взрывные непосредственно перед ударным гласным дали интенсивные неглоттализованные варианты, которые затем фонологизировались в самостоятельные единицы:



3) Сильные глоттализованные аффрикаты перешли соответственно в звонкие спиранты (за исключением *ḳə, давшего g):

*c̣ə → z

*č̣ə → ž

*q̣ə → γ

*ḳə → g

Вследствие этого элиминировалась корреляция интенсивности в серии глоттализованных аффрикат.

Таким образом, в диалектной группе Б противопоставление по признаку интенсивности сохранилось в неглоттализованных аффрикатах и спирантах. Кроме того, оно возникло в неглоттализованных взрывных согласных.

В группе А корреляция интенсивности исчезла во всех сериях согласных.

III. Пралакское состояние

В пралакском языке сохранилось противопоставление по признаку интенсивности почти во всех сериях, но были утрачены звонкие аффрикаты и почти все латеральные согласные

(за исключением рефлекса общедагестанского /*dᵽ/). Единственным шумным латеральным согласным являлся звонкий спирант /ɫ/, который впоследствии совпал с сонорным /l/. Остальные латеральные согласные общедагестанского языка в пралакском дали велярные согласные соответствующих серий (*l′→*k, *l′ə→*qə, *ṭ‘→*ḳ, *ṭ‘ə→*ḳə, *l‘→*x̆, *l‘ə→*x̆ə).

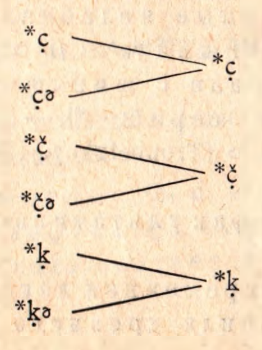
Трансформацию общедагестанской консонантной системы в пралакском можно представить в виде следующих звеньев:

1. *Звонкие аффрикаты общедагестанского языка дали в пралакском два позиционно обусловленных ряда рефлексов: интенсивные неглоттализованные (в предударной части слова) и звонкие спиранты (в послеударной части слова):* *ʒ→*cə/*z, *ǯ→*čə/*ž, *γ‘→*qə/*γ, *dᵽ→*kə/*ɫ.

2. *Вышеуказанный переход повлиял на судьбу исконных сильных неглоттализованных, которые спирантизировались и совпали с исконными сильными спирантами:*

Общедаг.	Пралак.
*cə →	*sə
*čə →	*šə
*qə →	*xə
*kə →	*x̆ə

3. В серии глоттализованных противопоставление по признаку интенсивности было утрачено, вследствие чего рефлексы исконных сильных и слабых глоттализованных аффрикат совпали:



4. Звонкие взрывные *b и *d дали интенсивные неглоттализованные (*pә, *tә) непосредственно перед ударным гласным и сохранились в остальных позициях. Передневелярный *g перешел в *kә в предударной части слова, в послеударной же сохранился без изменения. В пралакском [pә], [tә], [kә] и [b], [d], [g] были по отношению друг к другу двумя рядами позиционных вариантов, фонологизация которых произошла позднее.

5. Слабые неглоттализованные аффрикаты и спиранты сохранились без изменения, если не принимать во внимание делатерализацию *l' и *l‘, давших соответственно *k и *x̋.

6. Поствелярный *q_1 совпал с передневелярным *k.

Из пралакской позднее была получена современная лакская консонантная система вследствие следующих изменений:

1. Произошла фонологизация двух рядов комбинаторных вариантов звонких взрывных, что повлекло за собой расщепление исконных звонких взрывных на две серии фонем за счет появления особой серии интенсивных неглоттализованных взрывных.

2. Фонологизировались также варианты cә∽z, čә∽ž и т. д., являющиеся рефлексами исконных звонких аффрикат, что способствовало появлению, в качестве самостоятельных фонем, звонких спирантов /z/, /ž/, /γ/, /*l/, последний из которых, однако, не сохранился и совпал с сонорным латеральным /l/.

3. Слабое неглоттализованное *k, полученное от *l', перешло в x̋. Тем самым совпали рефлексы исконных /*l'/ и /*l‘/.

4. Передневелярные нелабиализованные согласные перед гласными /a/ и /i/ претерпели палатализацию и совпали с шипящими сибилянтами соответствующих серий: *k → č, *kә → čә, *k → č, *g → ž, *x̋ → š, *x̋ә → šә (Troubetzkoy, CL, стр. 191; Гигинейшвили. ЛВС).

5. Исконное *x̋ факультативно стало варьироваться с h.

Таким образом, современная лакская система согласных не сохранила древнего противопостав-

ления по признаку интенсивности среди аффрикат.

Корреляция интенсивности в неглоттализованных аффрикатах и взрывных является собственно лакской инновацией.

IV. Общелезгинский язык

Общелезгинская консонантная система в основном сохранила те фонемные единицы и межфонемные противопоставления, которые были характерны для общедагестанской системы. Изменения коснулись лишь трех фонем: слабых (resp. неинтенсивных) латеральных аффрикат и задневелярного взрывного /*q̣$_1$/. Слабые латеральные аффрикаты подверглись делатерализации и дали передневелярные согласные соответствующих серий (общедаг. *l′ → общелезг. *k, общедаг. *ṭ‘ → общелезг. *ḳ).

Общедагестанский /*q̣$_1$/ изменился в увулярную аффрикату /*q̣/. Вследствие этих изменений корреляция интенсивности в латеральных аффрикатах исчезла. Исконное соотношение l′—l′ә и ṭ‘ — ṭ‘ә трансформировалось в соотношение k — l′ә и ḳ — ṭ‘ә соответственно.

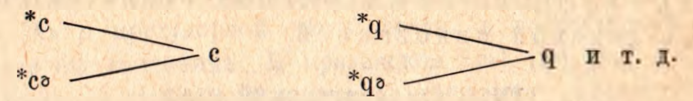
1) Распадение общелезгинского языка. Сначала из общелезгинского выделились два диалекта — арчинский и удинский, которые превратились в самостоятельные языковые единицы. Последующим изменениям консонантных систем этих языков способствовало влияние других языков, в окружении которых они оказались. Арчинский язык попал под сильное влияние лакского и аварско-андийско-дидойских языков, удинский же был оторван от родственных языков и очутился в иноязычном окружении. В дальнейшем они развивались более или менее изолированно.

А) Трансформация общелезгинской консонантной системы в арчинскую.

Арчинская система согласных является результатом следующих фонетических изменений:

1. Звонкие взрывные (b, d, g), имевшие по два позиционных аллофона (pә, tә, kә и b, d, g), в дальнейшем расщепились соответственно на два ряда фонем.

2. Элиминировалось противопоставление по интенсивности в серии неглоттализованных аффрикат:



Этому способствовало отсутствие противопоставления по интенсивности в латеральном ряду еще в общелезгинском языке (по причине делатерализации слабой *l′).

3. Звонкие аффрикаты перешли в неглоттализованные глухие нейтральные (*ʒ → c, *ǯ → č, *γ‘ → q, *dɭ → l′ə).

4. Комбинаторные варианты интенсивных глоттализованных согласных, реализующиеся в виде звонких спирантов, фонологизировались и дали самостоятельные фонемные единицы /z/, /ž/, /γ/. Единственным исключением является звонкий латеральный спирант [ɫ], который по-прежнему является аллофоном фонемы /t‘ə/.

Остальные согласные остались без изменения.

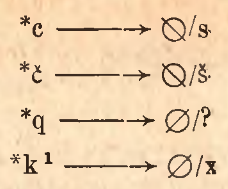
Б) Трансформация общелезгинской консонантной системы в удинскую.

Удинская система согласных образовалась в результате следующих изменений:

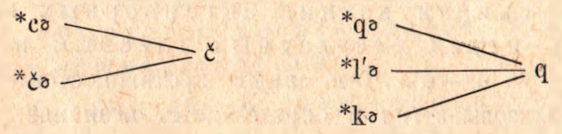
1. Взрывные в основном сохранились без изменения, за исключением передневелярного звонкого /*g/, который дал в удинском /ḳ/.

2. Звонкие аффрикаты спирантизировались (за исключением альвеолярного /*ǯ/): *ʒ → z, *γ‘ → γ. Латеральная аффриката вначале перешла в спирант /*ɫ/, который впоследствии дал два рефлекса, обусловленных позиционно (l перед гласными переднего образования и γ — в остальных позициях). Эти рефлексы слились с существующими в системе фонемами /l/ и /γ/.

3. Слабые неглоттализованные аффрикаты в конце слова перешли в соответствующие спиранты, в остальных же позициях утерялись:



4. Сильные неглоттализованные аффрикаты сибилянтных рядов дали нейтральную, с точки зрения интенсивности, шипящую /č/, а исконные сильные /*qə/, /*l'ə/ и /*kə/ совпали в нейтральной увулярной аффрикате /q/:



5. Слабые глоттализованные аффрикаты сохранились[2] только в ауслауте, в остальных позициях они утерялись:

*c̣ ——→ ∅/c̣

*č̣ ——→ ∅/?

*q̣ ——→ ∅/?

*ḳ ——→ ∅/q̣

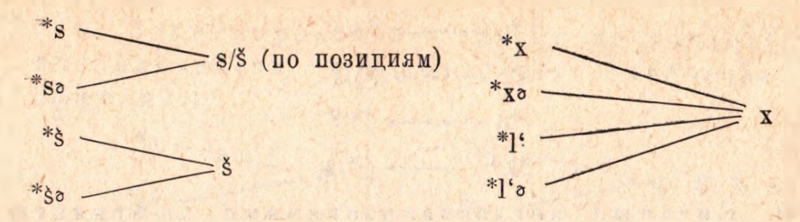
6. Корреляция интенсивности в серии глоттализованных исчезла, поскольку сохранившиеся в конце слова исконные слабые c̣, č̣, q̣ слились с сильными c̣ə, č̣ə, q̣ə и стали фонологически нейтральными, хотя глоттализованные аффрикаты в удинском реализуются как сильные.

7. Противопоставление по признаку интенсивности исчезло и в спирантах, вследствие чего исконные сильные совпали с исконными слабыми. Помимо того, совпали еще два ряда — увулярный и латеральный. Таким образом:

---

[1] Слабая латеральная аффриката /*l'/ делатерализовалась в увулярный ḳ еще в общелезгинском.

[2] Выражение „сохранились" надо понимать не так, что они остались без изменения во всех рядах. Исконное /*ṭ'/, изменившееся в /ḳ/ в общелезгинском, дало /q̣/.



Сонорные сохранились без изменения.

После вычленения из общелезгинского языка арчинского и удинского оставшаяся языковая общность характеризуется одной общей изоглоссой. Это — спирантизация антериорных звонких взрывных перед безударным гласным в начале слова (b → w, d → ḍ). Тем самым противопоставление b : w стало нейтрализовываться в определенных позициях, с другой же стороны, у фонемы /d/ появился интердентальный аллофон [ḍ]. Вскоре после этого перехода хиналугский был оторван от остальных лезгинских диалектов и стал развиваться изолированно.

В) Трансформация общелезгинской консонантной системы в хиналугскую.

Превращение хиналугского в самостоятельную языковую единицу сопровождалось следующими фонетическими изменениями:

1. Звонкие аффрикаты перешли в сильные глоттализованные:

*ʒ ——→ c̣ə　　*γ' ——→ q̣ə

*ǯ ——→ č̣ə　　*dᵖ ——→ ṭ'ə

2. Исконные слабые глоттализованные аффрикаты в конце слова озвончились и дали звонкие спиранты соответствующих рядов. Следовательно, общедагестанские /*c̣/, /*č̣/, /*q̣/ расщепились на два ряда фонем (которые вначале были двумя рядами позиционно обусловленных аллофонов) — /c̣/, /č̣/, /q̣/, с одной стороны, и /z/, /ž/, /γ/, с другой. Общелезгинское /*k/, происходящее от общедагестанского /*ṭ'/, также озвончилось, но в взрывной /g/.

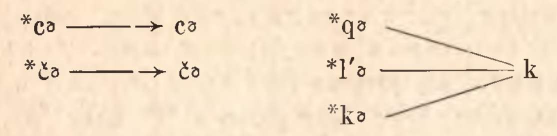
3. В остальных позициях слабые глоттализованные аффрикаты совпали со своими сильными коррелятами. Сильное латеральное /*ṭ'ə/ к тому же делатерализовалось и совпало с взрывным /ḳ/.

4. Аллофон звонкого дентального взрывного /d/ — интердентальный спирант [ḍ] — слился с постдентальным спирантом /z/.

5. Исконный звонкий передневелярный взрывной /*g/ имел два аллофона (kə — в интервокальном положении и k — в остальных позициях). Второй из них слился с исконным /*k/, первый же фонологизировался и дал самостоятельную фонемную единицу.

6. Слабые неглоттализованные аффрикаты сохранились без изменения в виде *c, *č, *q, *k (как известно, общедагестанское слабое /*l'/ перешло в /*k/ еще в общелезгинском).

7. Из сильных неглоттализованных аффрикат сохранились только представители сибилянтных рядов, остальные же совпали в передневелярной нейтральной /k/:



8. Слабые спиранты сохранились без изменения, если не считать делатерализацию исконного /*l'/, давшего /x̃/.

9. Сильные спиранты совпали со слабыми в результате упразднения корреляции интенсивности в серии спирантов. Делатерализовавшийся еще до этого /*l'ə/ (давший *x̃ə) также совпал с /x̃/.

Оставшуюся после вычленения хиналугского языка общность лезгинских диалектов мы, вслед за Н. С. Трубецким, назовем условно „самурским" или „общесамурским" языком.

2) „Общесамурский язык". В общесамурском общелезгинская система согласных трансформировалась следующим образом:

1. Звонкие аффрикаты всех рядов дали по два позиционно обусловленных варианта: звонкий спирант в конечной позиции и аффрикату во всех остальных позициях. Исключение состав-

ляет шипящий ряд, где спирантизация не имела места и в конце слова. Таким образом:

*ʒ ———→ *ʒ/*z

*ǯ ———→ *ǯ

*γ‘ ———→ *γ‘/*γ

*dρ ———→ *dρ/*ɬ

Позднее указанные варианты фонологизировались. Помимо этого, латеральная аффриката /*dρ/ делатерализовалась в передневелярный /*g/, спирант же /*ɬ/ сохранялся дольше.

2. Слабые неглоттализованные аффрикаты дали два позиционных рефлекса (спирант — в анлауте, аффрикату — в остальных позициях), из которых первый ряд вариантов слился с исконными слабыми спирантами. Общелезгинская аффриката *k дала *x̂ во всех позициях.

3. Сильные неглоттализованные аффрикаты остались в основном без изменения. Только передневелярная аффриката /*kə/ совпала с исконной увулярной /*qə/ и латеральная *l′ə дала *k, которая, слившись с общелезгинской *k (аффр.), спирантизировалась в *x̂.

4. Общесамурские глоттализованные аффрикаты сохранили корреляцию интенсивности и изменились по сравнению с общелезгинским только в одном пункте: исконная сильная глоттализованная латеральная /*ṭ‘ə/ делатерализовалась и совпала с исконным /*ḳə/.

5. Сильные спиранты утратили интенсивность и совпали с исконными слабыми спирантами.

Латеральные спиранты /*l‘/ и /*l‘ə/ делатерализовались и совпали с исконным передневелярным спирантом /*x̂/ (нейтральным с точки зрения интенсивности). Причиной нейтрализации корреляции интенсивности в спирантах послужило отсутствие данного противопоставления в передневелярном ряду (где имелся лишь нейтральный *x̂), а также совпадение исконных *l‘ и *l‘ə после их делатерализации именно в *x̂.

6. Взрывные сохранились в „общесамурском“ в том виде, в каком они имелись до вычленения хиналугского языка, т. е. в основном без изменения.

А) Трансформация общесамурской консонантной системы в лезгинскую.

1. Интенсивные неглоттализованные аффрикаты озвончились и спирантизировались: *cə → z, *qə → γ, *kə → γ́ (исконно дагестанского *l'ə уже не было в общесамурском: он перешел в *kə). Вследствие этого перехода слабые неглоттализованные аффрикаты остались вне корреляции и, следовательно, стали нейтральными с точки зрения интенсивности.

2. Интенсивные глоттализованные аффрикаты в предударной части слова совпали со своими неинтенсивными коррелятами (*č̣əV́ → č̣V́, *q̣əV́ → q̣V́ и т. д.), в послеударной же части слова дали неглоттализованные нейтральные (*V́č̣ə → V́č, *V́q̣ə → V́q, *V́ḳə → V́k; только постдентальная /*c̣ə/ дезаффрицизировалась и дала два позиционно обусловленных рефлекса: ṭ (в позиции —́) и t (в позиции ́—).

3. Слабые спиранты сибилянтных рядов сохранились без изменения, но передневелярный и увулярный спиранты (*x́ и *x) озвончились соответственно в γ́ и γ.

4. Звонкие взрывные, имевшие по два позиционных варианта, расщепились на два ряда фонем: b ∞ w → /b/ и /w/, d ∞ ḍ → /d/ и /z/ (интердентальный [ḍ] слился с постдентальным звонким спирантом /z/).

5. Звонкие аффрикаты, позиционно чередующиеся со звонкими спирантами, расщепились также на два ряда фонем (спиранты слились с полученными от интенсивных неглоттализованных звонкими спирантами).

6. Звонкие взрывные и аффрикаты, находящиеся в предударной части слова, оглушились и дали интенсивные неглоттализованные соответствующих рядов: *bV́ → pəV́, *dV́ → təV́, *ʒV́ → cəV́, *ǯV́ → čəV́, *γ'V́ → qəV́, *gV́ → kəV́.

7. Глухие взрывные и сонорные фонемы остались без изменения.

Б) Трансформация общесамурской консонантной систем табасаранскую.

1. Звонкие аффрикаты, позиционно чередующиеся со звонкими спирантами, расщепились на два ряда фонем: /ʒ/, /ǯ/, /γ'/ и /z/, /ž/, /γ/. *g и *ł (делатерализовавшись) совпали в передневелярном спиранте γ̃.

2. Исчезновение противопоставления по интенсивности в неглоттализованных аффрикатах началось с передневелярного ряда, где нейтрализация имела место еще в общесамурском.

3. Общесамурские интенсивные глоттализованные аффрикаты в табасаранском перешли в интенсивные неглоттализованные соответствующих рядов: *c̣ə → cə, *č̣ə → čə, *q̣ə → qə, *ḳə → kə. Вследствие этого изменения корреляция интенсивности в серии глоттализованных аффрикат исчезла и исконные слабые стали рассматриваться ныне как нейтральные.

4. Звонкие взрывные расщепились на два ряда фонем: на /b/, /d/ и на /w/, /z/. Глухие остались без изменения.

В) Трансформация общесамурской консонантной системы в агульскую.

1. Звонкие аффрикаты и звонкие спиранты, являвшиеся позиционными вариантами одной серии фонем, распределились по говорам и диалектам. В буркиханском говоре, который является объектом нашего изучения, звонкие аффрикаты утерялись, уступив место звонким спирантам z, ž, γ, *ł. Латеральный спирант *ł вскоре делатерализовался и дал два позиционно обусловленных рефлекса: x̃ — в конце слова и j — во всех остальных позициях.

2. Неглоттализованные интенсивные аффрикаты слились со своими неинтенсивными коррелятами.

3. Глоттализованные интенсивные аффрикаты дали неглоттализованные интенсивные соответствующих рядов (за исключением свистящей *c̣ə, которая вдобавок претерпела дезаффрикатизацию и дала ṭə). Таким образом: *c̣ə → ṭə, *č̣ə → čə, *q̣ə → qə, *ḳə → kə. Оставшиеся без сильных коррелятов слабые глоттализованные следует рассматривать как фонологически нейтральные.

4. Звонкие взрывные переднего образования расщепились

на два ряда фонем: комбинаторные варианты фонологизировались (ƀ ∽ w → /b/ и /w/, đ ∽ ḍ → /d/ и /z/). Глухие взрывные остались без изменения.

5. Исчезновение корреляции интенсивности среди спирантов имело место уже в общесамурском языке.

6. Сонорные согласные фонемы остались в основном без изменения.

Г) Трансформация общесамурской консонантной системы в рутульскую.

1. Звонкие взрывные /*ƀ/ и /*đ/ в результате фонологизации своих комбинаторных вариантов дали два ряда фонем (ƀ ∽ w → → /b/ и /w/, đ ∽ ḍ → /d/ и /z/).

2. Звонкие аффрикаты, позиционно чередующиеся со звонкими спирантами, окончательно спирантизировались в постдентальном и увулярном рядах (*ʒ → z, *γ' → γ). В шипящем ряду исходный *ǯ сохранился в произношении, но фонологически стал иррелевантным с точки зрения смычности-фрикативности. Латеральная аффриката *đᵖ вследствие делатерализации и спирантизации (еще в общесамурском) дала три позиционно обусловленных рефлекса: w — перед гласными заднего образования (u, ü, ə), j — перед гласными переднего образования (i, e, ü) и x́ — в абсолютном конце слова.

3. Неинтенсивные неглоттализованные глухие аффрикаты сохранились только в инлауте и ауслауте, в начальной же позиции спирантизировались. Их интенсивные корреляты спирантизировались во всех позициях, что вызвало исчезновение противопоставления по признаку интенсивности в серии неглоттализованных аффрикат. В виде исключения увулярное *qᵊ в интервокальной позиции слилось с неинтенсивным *q.

4. Неинтенсивные глоттализованные аффрикаты общесамурского языка (*ç, *č̣, *q̣, *ḳ) в рутульском сохранились без изменения. Их интенсивные корреляты дали два ряда позиционно обусловленных рефлексов: в предударной части слова *çᵊ → d, *q̣ᵊ → q, *ḳᵊ → g, в послеударной части слова исконные *çᵊ, *č̣ᵊ, *q̣ᵊ, *ḳᵊ превратились в неглоттализованные нейтральные (по интенсивности) согласные, т. е. перешли соответственно в t, č, q и k.

Как явствует из указанного перехода, в предударной части слова исконные сильные глоттализованные имели тенденцию к

озвончению и дезаффрикатизации (*c̣ə → d, *ḳə → g), однако это не распространилось на увулярный ряд.

Вследствие приведенных нами переходов в рутульском языке корреляция интенсивности окончательно исчезла.

Д) Трансформация общесамурской консонантной системы в цахурскую.

1. Антериорные звонкие взрывные /*b/ и /*d/, имевшие по два комбинаторных варианта, расщепились на два ряда фонем (b ∽ w → /b/ и /w/, d ∽ ḍ → /d/ и /z/). Передневелярный звонкий *g дал два позиционно обусловленных рефлекса: g и kə.

2. Звонкие аффрикаты общесамурского языка, позиционно чередующиеся со звонкими спирантами, в цахурском фонологизировались как спиранты (за исключением шипящего ряда): *ʒ → z, *γ' → γ, *g ∽ *ɫ → ɫ. Позднее звонкий латеральный спирант *ɫ дал два позиционно обусловленных рефлекса: перед гласными переднего образования он слился с сонорной фонемой /l/, в остальных же позициях делатерализовался и слился со звонким увулярным спирантом /γ/.

3. Неинтенсивные неглоттализованные аффрикаты в предударной части слова спирантизировались, в послеударной же части — сохранились. Их интенсивные корреляты совпали с неинтенсивными. Причину этого совпадения надо, по-видимому, искать в тенденции к ослаблению сильных в послеударной части слова, вследствие чего сильные и слабые корреляты оказались по отношению друг к другу в дополнительной дистрибуции (сильные имелись только в предударной части слова, слабые же — только в послеударной).

4. Неинтенсивные глоттализованные аффрикаты общесамурского языка (*c̣, *č̣, *q̣, *ḳ) сохранились без изменения (позднее *ḳ — аффриката — слилась с взрывным *ḳ). Интенсивные корреляты упомянутых фонем дали три ряда рефлексов: в начале слова *c̣ə → d, *q̣ə → q̣, *ḳə → g; в интервокальной позиции *c̣ə → tə, *č̣ə → tə, *q̣ə → q̣ə, *ḳə → ḳə; в конце слова *c̣ə → t, *q̣ə → q, *ḳə → k. Вследствие этих изменений корреляция интенсивности в серии глоттализованных аффрикат элиминировалась.

5. Среди сонорных фонем изменение претерпела только латеральная /*l/, которая перешла в билабиальный w, *за исключением тех случаев, когда в слове имелся и другой губной согласный*. Естественно, что этот переход предшествовал переходу *ɫ → l.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор издательства Н. П. Солод

Техредактор И. В. Хуцишвили

Корректор Л. Д. Долидзе

Сдано в производство II/IV—77 г.
Подписано в печать 28/VII 77 г.
Печатных л. 10,5
Учетно-издательских л. 9,28

Заказ 763 УЭ 06684 Тираж 400

ИБ 197

Цена 98 коп.

Издательство Тбилис. университета,
Тбилиси, 380028, пр. И. Чавчавадзе, 14.

Типография Тбилисского университета,
Тбилиси, 380028, пр. И. Чавчавадзе, 1

ბაქარ კონას ძე გიგინეიშვილი

დაღესტნური ენების შედარებითი ფონეტიკა

(რუსულ ენაზე)

თბილისის უნივერსიტეტის გამომცემლობა
თბილისი 1977.

Б. К. ГИГИНЕЙШВИЛИ

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ФОНЕТИКА ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТБИЛИССКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ТБИЛИСИ 1977